

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 4 (58) 2019 Общественно-политический и научно-правовой журнал

Издается с 2005 года

Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Макаренко Илона Анатольевна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

Члены редакционного совета:

Арамаскин Николай Николаевич – д.ю.н., профессор (ФГБОУ ВО "Ульяновский государственный университет");

Балашенко Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Боголюбов Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

Галиев Фарит Хатипович – д.ю.н. (директор НИИ ППП, г. Уфа);

Еникеев Зуфар Иргалеевич – д.ю.н., профессор (Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа);

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (АНОВО «Международный университет в Москве», г. Москва);

Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Université de Perpignan, Франция);

Липинский Дмитрий Анатольевич – д.ю.н., профессор (Тольяттинский государственный университет);

Макарова Тамара Ивановна – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Нигматуллин Ришат Вахидович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Петров Александр Васильевич – д.ю.н., профессор (ФГАОУ ВО "Южно-Уральский государственный университет);

Раянов Фанис Мансурович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Сальников Виктор Петрович – д.ю.н., профессор (главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург);

Саттарова Нурия Альвановна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Семятко Алексей Павлович – д.ю.н., профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

Тарасов Александр Алексеевич – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Тлепина Шолпан Валерьевна – д.ю.н., профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Тужилова-Орданская Елена Марковна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Шабуров Анатолий Степанович – д.ю.н., профессор (Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург);

Эксархопуло Алексей Алексеевич – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;

Гиззатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;

Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент

УЧРЕДИТЕЛИ

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»;

Учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства»

Выпускающий редактор – А.Ф. Файзуллина

Редактор англоязычных текстов – З.А. Юсупова

Редактор электронной версии – З.Р. Гиниятова

Почтовый адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131 – 319

THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 4 (58) 2019 Socio-Political and Academic Law Journal

Since 2005

The Journal is published quarterly [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

EDITORIAL COUNCIL

Chairperson:

Iona A. Makarenko – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

Editorial Council Members:

Nikolai N. Arzamaskin – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);**Sergey A. Balashenko** – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);**Sergej A. Bogoljubov** – Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);**Farit Kh. Galiev** – Doctor of Law (Director of the Rule-of-Law State Research Institute, Ufa);**Zufar I. Enikeev** – Doctor of Law, Professor (Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa);**Sergei A. Komarov** – Doctor of Law, Professor (Moscow International University, Moscow);**Christophe Leroy** – Doctor of Law, Professor (Université de Perpignan, France);**Dmitry A. Lipinskiy** – Doctor of Law, Professor, (Togliatti State University);**Tamara I. Makarova** – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);**Rishat V. Nigmatullin** – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);**Alexander V. Petrov** – Doctor of Law, Professor (South Ural State University);**Fanis M. Rayanov** – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);**Victor P. Salnikov** – Doctor of Law, Professor (Editor-in-Chief of the Journal “Legal Science: History and Modernity”, St. Petersburg);**Nuriya A. Sattarova** – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);**Alexey P. Semitko** – Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);**Alexander A. Tarasov** – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);**Sholpan V. Tlepina** – Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);**Elena M. Tuzhilova-Ordanskaya** – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);**Anatoliy S. Shaburov** – Doctor of Law, Professor (Ural State Law University, Yekaterinburg);**Alexey A. Eksarkhopulo** – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Farit Kh. Galiev – Doctor of Law, Associate Professor

Editorial Board Members:

Guzel M. Aznagulova – Doctor of Law, Associate Professor;**Ravil Kh. Gizatullin** – Doctor of Law, Associate Professor**Timur S. Kasimov** – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

FOUNDERS

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University»;

Institution «Research Institute of the Rule-of-Law State»

*Executive Editor – A.F. Faizullina**Translation Reviewer – Z.A. Yusupova**On-line Editor – Z.R. Giniyatova*

Postal address: 450005, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevskiy St, 131 – 319

СОДЕРЖАНИЕ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

<i>Березина Е.А.</i>	Правовая технология как условие оптимизации государственно-правового строительства	7
<i>Галиев Ф.Х. Сахаутдинова И.В.</i>	Развитие представлений о сущности гражданского общества: история и современность	13
<i>Гвоздецкий Д.С.</i>	Цифровизация ведомственного нормотворчества: теоретический аспект	20
<i>Зорина Н.В.</i>	Идея свободной воли и аффекта в политико-правовой концепции Бенедикта Спинозы	25
<i>Зорина Н.В. Исмагилов И.Р. Клименко О.А.</i>	Идея свободы как предпосылка становления понятия государственного суверенитета в эпоху позднего средневековья	33
<i>Ирошников Д.В.</i>	Правовые проблемы обеспечения безопасности личности на транспорте в условиях использования индивидуального электротранспорта	40
<i>Касимов Т.С.</i>	Прогностическая функция теории государства и права и юридическая футурология	50
<i>Латыпова Н.С.</i>	Развитие внешних форм сотрудничества органов местного самоуправления	54
<i>Лежнева О.Ю. Прокофьев К.Г. Чудин-Курган Ф.О.</i>	Право и мораль перед судом коммуникативного разума в концепции Юргена Хабермаса	59
<i>Прокофьев К.Г.</i>	Вопросы отношения права и морали в научном творчестве Герберта Харта	65
<i>Семитко А.П.</i>	С.С. Алексеев – мыслитель-правовед: этапы жизненного и творческого пути	72
<i>Утяшев М.М. Тулупова Е.О. Хабибуллина Р.А.</i>	Цивилизаторская миссия института прав человека	81
<i>Хайретдинова А.И.</i>	Правовое регулирование интереса в глобальной системе человечества	87
<i>Шонин Н.Е.</i>	Ленинизм как попытка осуществить на практике теорию социалистической революции	90

**КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО.
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

<i>Галиев Ф.Х.</i>	Конституция и правовая культура современного общества	97
<i>Петранцов А.С.</i>	Особенности в административно-правовом статусе женщины-сотрудника органов внутренних дел	102
<i>Шарипова Э.А.</i>	К вопросу о соотношении конституционно-правового и административно-правового статуса иностранных граждан в Российской Федерации	108

**ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.
ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

<i>Горелов М.В.</i> <i>Жемалетдинов Р.М.</i>	Гражданский процесс и административная юстиция	114
<i>Мурзабулатов У.М.</i>	Современное состояние принудительно-исполнительной системы в Российской Федерации и пути совершенствования	118
<i>Шаяхметова А.Р.</i>	Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций: проблемы правового регулирования	122

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Варфоломеев Р.А.</i>	Значение криминалистической характеристики личности несовершеннолетнего подозреваемого для проведения проверки показаний на месте	127
<i>Малыхина Н.И.</i> <i>Кузьмина С.В.</i>	Следы как источники информации о лице, совершившем мошенничество в сети интернет	132
<i>Третьяков И.Л.</i>	Типология лиц, склонных к поджогам и хулиганству во время проведения уличных протестов	139
<i>Халиуллина А.Ф.</i>	Следственные ситуации и алгоритм расследования насильственных преступлений в семье	145

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

<i>Арутюнян М.С.</i> <i>Хисматуллин О.Ю.</i>	К вопросу о правовой природе денежных средств, уплачиваемых в счет исполнения налоговой обязанности	149
<i>Крылов О.М.</i>	Деньги как безналичные денежные средства: вопросы правового регулирования в Российской Федерации	153

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

<i>Вершило Н.Д.</i>	Судебная практика в арктической зоне РФ. О правовом регулировании природопользования	159
<i>Гиззатуллин Р.Х.</i>	Земельное право в системе российского права	164
<i>Усманова Р.М.</i>	Правовое регулирование полномочий органов местного самоуправления по обеспечению экологической безопасности	172

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

<i>Габдрашитова В.Р.</i>	К вопросу о международных стандартах правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних	178
<i>Елизаров М.В.</i>	К вопросу о международной правосубъектности сложных государств (на примере СССР)	183
<i>Сахаутдинов Д.Ф.</i>	Статут в английской правовой доктрине общего права	189

К АВТОРАМ		197
------------------	--	-----

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE.

HISTORY OF THE DOCTRINES OF LAW AND STATE

<i>Berezina E.A.</i>	Legal Technology As a Condition for Optimizing State Law Construction	7
<i>Galiev F.Kh.</i> <i>Sakhautdinova I.V.</i>	The Development of the Ideas of the Essence of Civil Society: History and Modernity	13
<i>Gvozdetsky D.S.</i>	Theoretical Aspects of Digitalization of Departmental Rule-Making	20
<i>Zorina N.V.</i>	The Idea of Free Will and Affect in the Political and Legal Concept of Benedict Spinoza	25
<i>Zorina N.V.</i> <i>Ismagilov I.R.</i> <i>Klimenko Oksana A</i>	The Idea of Freedom As a Prerequisite for the Formation of the Concept of State Sovereignty in the Late Middle Ages	33
<i>Iroshnikov D.V.</i>	Legal Problems of Ensuring Personal Safety in Transport in the Conditions of Using Individual Electric Transport	40
<i>Kasimov T.S.</i>	Prognostic Function of Theory of State and Law and Legal Futurology	50
<i>Latypova N.S.</i>	The Development of Exterior Forms of Local Self-Governments Cooperation	54
<i>Lezhneva O.Y.</i> <i>Prokofiev K.G.</i> <i>Chudin-Kurgan F.O.</i>	Law and Morality Before the Tribunal of Communicative Reason in the Concept of Jürgen Habermas	59
<i>Prokofiev K.G.</i>	Relationships Between Law and Morality in Herbert Hart's Scientific Work	65
<i>Semitko A.P.</i>	S.S. Alekseyev is a Legal Thinker: Stages of Life and Creative Path	72
<i>Utyshv M.M.</i> <i>Tulupova E.O.</i> <i>Khabibullina R.A.</i>	Civilizing Mission of the Institute of Human Rights	81
<i>Khayretdinova A.I.</i>	Legal Regulation of the Interest in the Global System of Humanity	87
<i>Shonin N.E.</i>	Leninism As an Attempt to Realize into Practice a Theory of Socialistic Revolution	90

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW.

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE ACTIVITIES

<i>Galiev F.Kh.</i>	The Constitution and Legal Culture of Modern Society	97
<i>Petrantsov A.S.</i>	The Features of Administrative Legal Status of a Female Law Enforcement Official	102
<i>Sharipova E.A.</i>	To the Issue of the Ratio of Constitutional Legal and administrative Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation	108

**CIVIL AND FAMILY LAW.
CIVIL AND ARBITRATION PROCEDURE**

<i>Gorelov M.V.</i> <i>Zhemaletdinov R.M.</i>	Civil Procedure and Administrative Justice	114
<i>Murzabulatov U.M.</i>	Current State of the Enforcement System in the Russian Federation and Ways to Improve It	118
<i>Shayakhmetova A.R.</i>	Civil Law Liability of Medical Organizations: Problems of Legal Regulation	122

FORENSICS. FORENSIC EXPERT ACTIVITIES

<i>Varfolomeev R.A.</i>	The Importance of the Juvenile Suspect's Personal Forensic Characteristics for Verifying Testimony at the Scene	127
<i>Malykhina N.I.</i> <i>Kuzmina S.V.</i>	Traces As Sources of Information About a Person Who Committed a Fraud on the Internet	132
<i>Tretyakov I.L.</i>	The Typology of Individuals Inclined to Arson Attacks and Hooliganism During Street Protests	139
<i>Khaliullina A.F.</i>	Investigative Situations and Procedure For Investigating Violent Crimes in Family	145

FINANCIAL AND BUDGETARY LAW. TAX LAW

<i>Arutyunyan M.S.</i> <i>Hismatullin O.Y.</i>	To the Issue of the Legal Nature of the Money Paid in Fulfilment of Tax Obligations	149
<i>Krylov O.M.</i>	Money As Non-Cash: Issues of Legal Regulation in the Russian Federation	153

LAND LAW. ENVIRONMENTAL LAW

<i>Vershilo N.D.</i>	Judicial Practice in the Arctic Zone of the Russian Federation. On Legal Regulation of Natural Resource Management	159
<i>Gizatullin R.Kh.</i>	Land Law in the System of Russian Law	164
<i>Usmanova R.M.</i>	Legal Regulation of the Powers of Local Self-Governments to Ensure Environmental Safety	172

INTERNATIONAL AND EUROPEAN LAW

<i>Gabdrashitova V.R.</i>	To the Issue of International Standards of Juvenile Justice	178
<i>Yelizarov M.V.</i>	To the Issue of International Legal Personality of Complicated Systems of Government (The Case of the USSR)	183
<i>Sahautdinov D.F.</i>	Statute in the English Legal Doctrine of Common Law	189

TO THE AUTHORS		197
-----------------------	--	-----

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

УДК 340.1

**ПРАВОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ
КАК УСЛОВИЕ ОПТИМИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА**

БЕРЕЗИНА Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, Екатеринбург, Россия.

E-mail: helalex@mail.ru

**LEGAL TECHNOLOGY AS A
CONDITION FOR OPTIMIZING STATE
LAW CONSTRUCTION**

BEREZINA Elena Aleksandrovna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: helalex@mail.ru

Статья посвящена анализу проблемы правовой технологии, и ее роли в оптимизации государственного правового строительства. Правовая технология рассматривается как разновидность социальной технологии, которая, с одной стороны, обладает общими признаками, присущими любым видам технологии, в целом, и признаками, присущими социальной технологии, в частности, с другой стороны, имеет особые, специальные юридические признаки, позволяющие отграничить правовую технологию от других видов социальной технологии. В работе обосновывается роль юридической технологии в построении правового государства, отмечается, что значение правовой технологии для государства, состоит, прежде всего, в том, что она рационализирует и оптимизирует государственное управление. Внедрение правовой технологии в практику государственно-правового строительства позволит достичь ряда преимуществ, которые могут быть использованы для оптимизации процесса формирования правового государства в РФ.

Ключевые слова: технология, социальная технология, правовая технология, информационные технологии в праве, юридическая деятельность, оптимизация государственно-правового строительства, эффективность правового регулирования, правовое государство.

The paper is devoted to the analysis of the problem of legal technology and its role in the optimization of state law construction. Legal technology is considered as a kind of social technology, which, on the one hand, has common features inherent in any kind of technology, in general, and features inherent in social technology, in particular, on the other hand, has special legal features that allow to separate legal technology from other types of social technology. The paper substantiates the role of legal technology in the construction of the rule-of-law state, it is noted that the importance of legal technology for the state is, first of all, that it rationalizes and optimizes public administration. The introduction of legal technology in the practice of state law construction will achieve a number of advantages that can be used to optimize the process of forming the rule-of-law state in the Russian Federation.

Key words: technology, social technology, legal technology, information technologies in law, legal activity, optimization of state law construction, efficiency of legal regulation, rule-of-law state.

Одной из приоритетных целей, стоящих перед современным российским государством, направленных на прогрессивное развитие общества, по мнению проф. Ф.М. Раянова, является цель «оптимизировать государственно-правовое строительство, поскольку лишь оптимальное государство со своей совершенной правовой системой может проводить научно обоснованную экономическую политику и эффективно решать стоящие перед ним социальные задачи» [1, с.110]. Об оптимизации государственно-правового строительства и необходимости внедрения в практику государственно-правового строительства идеи эффективной государственности ведут речь в своих научных работах многие современные авторы [2, с. 67].

Как отмечает профессор Ю.А. Тихомиров, актуальной и одновременно перспективной задачей государства на современном этапе развития общества является достижение такого состояния гармонизации общественных отношений, при котором бы «право служило мощным фактором устойчивого социально-экономического развития и повышения эффективности управления государственными делами» [3, с.112].

Оптимизация государственно-правового строительства напрямую зависит от юридико-технического инструментария, которым обладают юридическая наука и практика, а также от эффективности осуществления всех видов юридической деятельности.

Научной категорией, которая позволяет свести воедино такие научные понятия и категории, как «юридическая техника», «юридико-технические средства», «юридическая деятельность», «юридико-технические приемы и способы», «правовой опыт», является категория «правовая технология», которой в настоящее время в отечественной юридической общетеоретической науке уделяется внимание, в основном, в рамках рассмотрения конкретных видов правовой технологии. Так, диссертационные исследования С.В. Бахвалова, И.А. Гдалевич, Д.В. Долотовой, И.В. Колесник, А.В. Цеева и других современных авторов посвящены таким видам технологии как правотворческая технология [4; 5], правоприменительная технология [6; 7], политико-правовая технология [8; 9], технология правовых актов [10]. В ряде монографических работ, а также в ряде научных статей проблемы правовой технологии также находят свое отражение, что свидетельствует об актуальности темы настоящей статьи [11; 12; 13; 14].

Необходимо отметить, что в зарубежных странах и юристами-теоретиками, и юристами-практиками категория «legal technology (Legal Tech)» используется довольно часто [15], хотя в нее и вкладывается иной смысл, чем в отечественной юридической науке. Термин "юридическая технология" (legal tech) означает «применение современных информационных технологий к различным юридическим услугам» [16, с. 6]. Поэтому словосочетание «Legal Tech» в отечественной юридической науке точнее рассматривать как использование технологий (информационных технологий) в праве. Термину же «правовая технология» будет соответствовать в английском языке выражение «technology of the law». Данной тематике тоже отводится место в иностранной юридической литературе, более того, некоторые авторы предлагают рассматривать само право как технологию [17]. Еще в 19 веке известный немецкий юрист Рудольф фон Иеринг, говоря о юридической технике, рассматривал ее задачей качественное преобразование права, которое должно являться не простой совокупностью норм, а результатом интеллектуально-мыслительной преобразовательной деятельности. Изменения, которые обуславливают переход от низшей к высшей юриспруденции, по мнению Иеринга, должны произойти не на уровне права позитивного, а на уровне мышления о праве [18, с. 66]. Здесь надо сделать замечание, что смысл, который Р. Иеринг вкладывал в понятие «юридическая техника», больше соответствует современному понятию «правовая технология».

Понятие «технология» можно встретить в различных отраслях знания, оно произошло от двух древнегреческих слов: «τέχνη», которое переводится как искусство или умение, и λόγος – «слово», «мысль», «смысл», «понятие» и рассматривается в нескольких значениях: как «совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата; метод преобразования данного в необходимое; способ производства» [19, с.30].

В общем виде понятие «технология» обозначает предназначенную для удовлетворения потребностей и интересов человека, общества и государства творческую деятельность, при осуществлении которой происходит преобразование вещества, энергии или информации.

В качестве общих признаков, характерных для всех видов технологии, можно назвать: осознанный характер; творческий, преобразовательный характер, продуктивный и результативный характер – технология создает новую действительность, новый рукотворный мир. Кроме того, правовая технология обладает признаком системности – системным характером как на уровне микросистемы, так и на уровне взаимодействия технологии с внешними факторами, научным знанием и практической деятельностью. В свою очередь, объективная обусловленность характером общественных отношений выражается в том, что уровень развития технологии зависит от потребностей и интересов членов общества и находится в прямой и обратной связи с уровнем развития общества.

Как для любого вида деятельности, для технологии характерно наличие структурных элементов деятельности: субъект осуществления деятельности, объект и предмет деятельности, мотивы и цель деятельности, методы, способы, приемы, средства осуществления деятельности; поэтапность ее осуществления; конечный результат деятельности.

Необходимо отметить, что технологии присущ комплексный характер: она включает в себя как процесс преобразования действительности, так и процесс изучения данного преобразования, технология позволяет объединить науку и практику, знания, человеческую деятельность, умения, навыки, мастерство и ресурсы. В этом смысле компетентностный подход, преобладающий сейчас в отечественном образовании, наглядно нам демонстрирует синтез знаний, умений, навыков при изучении тех или иных учебных дисциплин – и это тоже будет технологией, а именно: образовательной технологией.

В зависимости от сфер общественной жизни можно выделить производственную и социальную технологию, которая в свою очередь подразделяется на политическую технологию, экономическую технологию, психологическую технологию, социально-культурную и иные виды социальной технологии. К социальной технологии относится и правовая технология, которая обладает, во-первых, общими признаками, свойственными всем видам технологии, во-вторых, родовыми признаками, характерными социальным технологиям, в-третьих, видовыми специфическими специально-юридическими признаками, отличающими правовую технологию от остальных видов социальной технологии.

Раскрывая вторую группу признаков, родовых признаков, присущих социальной технологии, необходимо сразу сказать о направленности социальной технологии на реализацию социально-значимых целей и достижение социально-значимого результата. В качестве объекта воздействия выступает человек и общественные отношения, возникающие между людьми. Социальная технология характеризуется тем, что упорядочение общественных отношений осуществляется с помощью различных социальных регуляторов, а также тем, что для нее свойственен планомерно осуществляемый характер.

Помимо этого, к признакам социальной технологии можно отнести: динамичность, обусловленность социальной технологии системой существующих на определенном историческом этапе развития определенного общества ценностей; рациональный и интеллектуально-волевой характер: данная деятельность основана на системе научно сформулированных понятий, в ней проявляется воля конкретных субъектов общественных отношений (всего общества, социальной группы, отдельной личности и др.). Следует подчеркнуть, что для социальной технологии присущ рефлексивный характер: критическая оценка самой преобразующей деятельности, поставленных целей и преобразующего общественные отношения социально-значимого результата и социального опыта.

Таким образом, социальная технология – это системная интеллектуально-волевая деятельность, осуществляемая с помощью различных средств, приемов и способов социального

воздействия, направленная на преобразование общественных отношений и условий жизнедеятельности человека для достижения социально-значимых целей.

Как отмечает один из основоположников социальной технологии в отечественной науке философ В.Г. Афанасьев, сущность социальной технологии состоит в «переводе абстрактного языка науки, отражающей объективные закономерности развития общества, на конкретный язык решений, нормативов, предписаний, регламентирующих, стимулирующих людей, каждого конкретного человека на наилучшее достижение поставленных целей» [20, с. 235]. Представитель западной теории социальной технологии К. Поппер [21] рассматривает социальную технологию как способ применения теоретических выводов в практической деятельности [22, с. 30].

Правовая технология, являясь одним из видов социальной технологии, обладает и специфическими признаками, отличающими ее от остальных видов социальной технологии [23]. К ним относятся: направленность на преобразование правовой действительности, на достижение определенного правового результата; использование в качестве социальных регуляторов специально-юридических средств воздействия на общественные отношения, специально-юридических средств преобразования правовой действительности.

Правовая технология имеет в своем арсенале наличие особых правовых методов, приемов, способов правового регулирования; особых правовых целей у субъектов юридической деятельности; наличие особого процессуально-правового характера осуществляемой деятельности. Правовая технология обусловлена особенностями правосознания и правового мышления субъектов юридической деятельности, а также особенностями правовой системы общества.

Исходя из выделенных признаков, можно сформулировать определение правовой технологии как особого вида социальной технологии, которая представляет собой планомерно осуществляемую в особом порядке с помощью специальных юридических средств юридическую деятельность, направленную на преобразование правовой действительности и достижение определенного правового результата.

Значение правовой технологии для государства, прежде всего, состоит в том, что она рационализирует и оптимизирует государственное управление, включая в него только ту деятельность, те операции и процессы, те средства и приемы управления, которые наиболее эффективны в достижении поставленной перед государством цели формирования гражданского общества и правового государства. Так, Т.Я. Хабриева, говоря о правовой технологии и рассматривая ее как систему научно обоснованного комплекса правовых инструментов и процедур их использования, отмечает, что они направлены на «оптимальное использование необходимых ресурсов в целях формирования эффективных юридических решений» [24, с. 4].

Внедрение правовых технологий в практику государственно-правового строительства позволит достичь ряда преимуществ, которые могут быть использованы для оптимизации процесса формирования правового государства в РФ. Так, роль правовой технологии в оптимизации государственно-правового строительства заключается в повышении качества государственного управления, в частности, и качества правовой жизни общества, в целом. Оптимизация государственно-правового строительства появляется и в минимизации влияния субъективного фактора на принятие правовых решений, а также в исключении факторов случайности вследствие влияния внешних воздействий на развитие и функционирование правовых явлений и процессов.

Велика роль правовой технологии в определении такого соотношения специально-юридических средств, приемов, способов воздействия на общественные отношения, которые бы позволили так оптимизировать процесс государственно-правового строительства, чтобы наибольший эффект правового воздействия достигался при минимальных затратах усилий и времени.

Существенную роль играет правовая технология в усилении роли информационных технологий в правовой сфере, в повышении эффективности правового регулирования общественных отношений, а также в возможности осуществления правовой оценки и правового мониторинга преобразования правовой действительности.

Оптимизация государственно-правового строительства проявляется и в выработке таких путей создания, изменения, интерпретации и реализации права, которые бы позволили обеспечить эффективность функционирования и устойчивость развития правовой системы российского общества.

Таким образом, на пути формирования правового государства в РФ все большую роль будут играть и уже играют правовые технологии, которые можно рассматривать как научо-емкий ресурс, обеспечивающий как изучение и прогнозирование развития различных правовых явлений и процессов, так и эффективное его использование для преобразования правовой действительности в целях достижения эффективного прогнозируемого правового результата.

Библиографические ссылки

1. Раянов Ф.М. Теория правового государства: проблема модернизации. Уфа : АН РБ, Гилем, 2010.
2. Степанов О.А. Перспективы государственно-правового строительства, связанные с реализацией эффективной модели государства // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 67-68.
3. Тихомиров Ю.А. Оптимизация правового регулирования в контексте социально-экономического развития // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. №1 (33). С. 108-113.
4. Бахвалов С.В. Законодательная технология: некоторые проблемы теории и методологии : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006;
5. Карташов Н.Н. Технологии нормотворчества (На примере МВД России) : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004.
6. Колесник И.В. Теоретическая модель правоприменительной технологии : дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015.
7. Илясов А.Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.
8. Цеев А.В. Политико-правовые технологии гуманизации российской государственности : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
9. Гдалевич И.А. Политико-правовые технологии противодействия злоупотреблениям публичной властью в России : дис. ... канд. юрид. наук. Таганрог, 2008.
10. Долотова Д.В. Техника и технология правовых актов : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012.
11. Власенко Н.А. Законодательная технология: теория, опыт, правила. Иркутск, 2001.
12. Карташов В.Н., Бахвалов С.В. Правотворческая практика субъектов РФ (некоторые проблемы законодательной технологии). Ярославль, 2007.
13. Бобров В.В., Черненко А.К. Правовая технология. Новосибирск, 2010.
14. Миронов А.Н. Юридическая технология подготовки нормативных правовых актов. М. : ИД "Форум", 2010.
15. Veith C. et al. How Legal Technology will change the business of law. Boston Consulting Group, Bucerius Law School, 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bucerius-education.de/fileadmin/content/pdf/studies_publications/Legal_Tech_Report_2016.pdf (дата обращения: 18.11.2019).
16. Martin Fries. Man versus Machine: Using Legal Tech to Optimize the Rule of Law. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2016-09-24. No. ID 2842726.
17. Biagioli Mario, Buning Marius. Technologies of the law/ law as a technology [Электронный ресурс] // History of Science Volume 57 Issue 1, March 2019, pp. 3-17. URL: <https://journals.sagepub.com/toc/hosa/57/1> (дата обращения: 18.11.2019).

18. Иеринг Рудольф фон. Юридическая техника / пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб. : Типо-лит. А.Г. Розена (А.Е. Ландау), 1905.
19. Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философия техники : учебник. М. : МИИТ, 2010.
20. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. М. : Политиздат, 1977
21. Колпаков В.А., Федотова В.Г. Технология постепенных социальных преобразований или социальной инженерии К. Поппера // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2013. № 4. С. 62-71.
22. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М., 1992.
23. Миронов А.Н. К вопросу о понятии и элементах юридической технологии // *Юридическая техника*. 2007. № 1. С. 44-47.
24. Хабриева Т. Я. Современные юридические технологии в теории и практике правотворчества и правоприменения // *Эффективность законодательства и современные юридические технологии* / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М. : Издательство: Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2009.

References

1. Rayanov F.M. *Teoriya pravovogo gosudarstva: problema modernizacii* (Theory of the Rule-of-Law State: Modernization Problem). Ufa , AN RB, Gilem, 2010.
2. Stepanov O.A. *Perspektivy gosudarstvenno-pravovogo stroitel'stva, svyazanny'e s realizaciej e'ffektivnoj modeli gosudarstva* (Prospects of state law construction related to the implementation of the effective state model). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2014, No. 12, pp. 67-68.
3. Tikhomirov Yu.A. *Optimizaciya pravovogo regulirovaniya v kontekste social'no-e'konomicheskogo razvitiya* (Optimization of legal regulation in the context of social and economic development). *Aktual'ny'e problemy e'konomiki i prava*, 2015, No. 1 (33), pp. 108-113.
4. Bahvalov S.V. *Zakonodatel'naya tekhnologiya: nekotory'e problemy teorii i metodologii* (Legislative technology: some problems of theory and methodology), dis. ...k.yu.n, N. Novgorod, 2006.
5. Kartashov N.N. *Tekhnologii normotvorchestva (Na primere MVD Rossii)* (Technologies of norm-setting (On the example of the Ministry of Internal Affairs of Russia)), dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2004.
6. Kolesnik I.V. *Teoreticheskaya model pravoprimenitel'noj tekhnologii* (Theoretical model of law enforcement technology), dis. ... d-ra yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2015.
7. Piyasov A.N. *Pravoprimenitel'naya tekhnika i pravoprimenitel'naya tekhnologiya: teoretiko-pravovoj analiz* (Law Enforcement Technique and Law Enforcement Technology: Theoretical and Legal Analysis), dis.... kand. yurid. nauk. Saratov, 2008.
8. Ceev A.V. *Politiko-pravovy'e tekhnologii gumanizacii rossijskoj gosudarstvennosti* (Political and legal technologies for humanizing Russian statehood), dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2009.
9. Gdalevich I.A. *Politiko-pravovy'e tekhnologii protivodejstviya zloupotrebleniyam publichnoj vlast'yu v Rossii* (Political and legal technologies to counteract abuses of public power in Russia), dis. ... kand. yurid. nauk. Taganrog, 2008.
10. Dolotova D.V. *Tekhnika i tekhnologiya pravovy'h aktov* (Technique and technology of legal acts), dis. ... kand. yurid. nauk. Vladimir, 2012.
11. Vlasenko N.A. *Zakonodatel'naya tekhnologiya: teoriya, opy't, pravila* (Legislative technology: theory, experience, rules). Irkutsk, 2001.
12. Kartashov V.N., Bahvalov S.V. *Pravotvorcheskaya praktika sub'ektov RF (nekotory'e problemy zakonodatel'noj tekhnologii)* (Law-making practice of subjects of the Russian Federation (some problems of legislative technology). Yaroslavl, 2007.
13. Bobrov V.V., Chernenko A.K. *Pravovaya tekhnologiya* (Legal technology). Novosibirsk, 2010.
14. Mironov A.N. *Yuridicheskaya tekhnologiya podgotovki normativny'h pravovy'h aktov* (Legal technology of preparation of normative legal acts). Moscow, ID "Forum", 2010.
15. Veith C. et al. *How Legal Technology will change the business of law*, Boston Consulting Group, Bucerius Law School, 2016. URL: https://www.bucerius-education.de/fileadmin/content/pdf/studies_publications/Legal_Tech_Report_2016.pdf (accessed date: 18.11.2019).
16. Martin Fries. *Man versus Machine: Using Legal Tech to Optimize the Rule of Law*, Rochester, NY: Social Science Research Network, 2016-09-24, No. ID 2842726.

17. Biagioli Mario, Buning Marius. Technologies of the law/ law as a technology. *History of Science*, Volume 57 Issue 1, March 2019, pp. 3-17. URL: <https://journals.sagepub.com/toc/hosa/57/1> (accessed date: 18.11.2019).
18. Iering Rudol`f fon. *Yuridicheskaya tekhnika* (Legal technique), per. s nem. F.S. Shendorfa. St. Petersburg, Tipo-lit. A. G. Rozena (A. E. Landau), 1905.
19. Nekrasov S.I., Nekrasova N.A. *Filosofiya tekhniki* (Philosophy of Engineering): uchebник. Moscow, MIIT, 2010.
20. Afanas`ev V.G. *Chelovek v upravlenii obshchestvom* (Man in the Management of Society). Moscow, Politizdat, 1977.
21. Kolpakov V.A., Fedotova V.G. Tekhnologiya postepenny`h social`ny`h preobrazovaniy ili social`noj inzhenerii K. Poppera (Technology of gradual social transformation or social engineering of K. Popper). *Epistemology & Philosophy of Science*, 2013, No. 4, pp. 62-71.
22. Popper K. *Otkry`toe obshchestvo i ego vragi* (Open society and its enemies), T. 1. Chary` Platona, Moscow, 1992.
23. Mironov A.N. К вопросу о понятии и е`lementah yuridicheskoy tekhnologii (To the question of a concept and elements of legal technology). *Yuridicheskaya tekhnika*, 2007, No. 1, pp. 44-47.
24. Habrieva T.Ya. *Sovremennyye yuridicheskie tekhnologii v teorii i praktike pravotvorchestva i pravoprimeneniya* (Modern legal technologies in theory and practice of law-making and law enforcement), E`ffektivnost` zakonodatel`stva i sovremennyye yuridicheskie tekhnologii, otv. red. T.Ya. Habrieva. Moscow, Izdatel`stvo: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya, 2009.

Дата поступления: 10.10.2019

Received: 10.10.2019

УДК 340.1+34(091)

**РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О СУЩНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович

*доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru*

САХАУТДИНОВА Индира Венеровна

*магистрант Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: indira2172@yandex.ru*

**THE DEVELOPMENT OF THE IDEAS OF
THE ESSENCE OF CIVIL SOCIETY:
HISTORY AND MODERNITY**

GALIEV Farit Khatipovich

*Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru*

SAKHAUTDINOVA Indira Venerovna

*Master's Student of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: indira2172@yandex.ru*

Проблемы, связанные с гражданским обществом, уже давно стали актуальными не только для юристов, но и для представителей таких наук, как политология, социология, философия и т.д. Тем не менее, до сегодняшнего времени нет единства в отношении вопроса о

The problems associated with civil society have long become relevant not only for lawyers, but also for representatives of such sciences as political science, sociology, philosophy, etc. However, to this day there is no unity on the issue of the essence of civil society. At the same

сущности гражданского общества. В то же время совершенно очевидно, что гражданское общество немислимо без взаимной связи и взаимной обусловленности с такими глобальными явлениями в жизни людей, как государство и право. Более того, как показывает практика современных развитых государств, функционирование гражданского общества в полном смысле слова возможно только в демократическом правовом государстве, в котором не только де-юре, но и де-факто гарантируются и осуществляются права и свободы человека и гражданина, действительно реализуются принципы верховенства права, взаимной ответственности государства и общества.

Ключевые слова: государство, право, общество, гражданское общество, сущность, власть.

time, it is completely obvious that civil society is inconceivable without mutual connection and interdependence with such global phenomena in people's lives as the state and law. Moreover, as the practice of modern developed countries shows, the functioning of civil society in the proper sense of the word is possible only in a democratic rule-of-law state. In such a state human and civil rights and freedoms are guaranteed and implemented de jure and de facto, the principles of the rule of law, mutual responsibility of the state and society are really implemented.

Key words: state, law, society, civil society, essence, power.

При рассмотрении проблем, связанных с гражданским обществом, его признаками и структурными элементами, закономерно возникает ситуация, связанная с необходимостью решения вопроса о сущности гражданского общества. Это обусловлено тем, что понятие «гражданское общество» в современных условиях стало привлекать к себе особое внимание. В наши дни о гражданском обществе говорят много, и, как подчеркивает М.Н. Марченко, концепция «гражданского общества» за последние десятилетия становится даже «модной» [13, с. 101]. Действительно, несмотря на множество научных работ на эту тему, представления о гражданском обществе отличаются друг от друга. В науке, как в политологической, так и в юридической, существует множество совершенно разных подходов к раскрытию сущности данного общественно-политического явления.

Примечательно, что понятие «гражданское общество» связано с сочетанием двух слов из латинского языка: «societas civilis», и во многих случаях понимается как «гражданский», может употребляться в нескольких значениях, и гражданское общество можно оценивать как сообщество людей, не имеющих отношение к государственной власти. Новый энциклопедический словарь определяет гражданское общество, во-первых, как сообщества свободных и равных граждан, связанных между собой определенным образом. А во-вторых, как систему отношений в рамках демократического общества, развивающихся автономно от государства и предполагающую наличие широкого круга демократических прав и свобод [15, с. 352].

Изучение вопросов, связанных с сущностью гражданского общества, позволяет говорить о том, что, в первую очередь, нужно обратить внимание на особенности взаимодействия и взаимных отношений гражданского общества и государства [9, с. 15].

На наш взгляд, это закономерно, потому что сущность гражданского общества наиболее полно раскрывается в соотношении именно таких понятий, как «общество» и «государство», потому что гражданское общество формируется в недрах самого государство образующего общества.

В современной правовой литературе можно выделить несколько подходов к пониманию понятия «гражданское общество». Наиболее традиционной является точка зрения, согласно которой появление на общественно-политической арене государства такого явления, как гражданское общество, связано с возникновением частной собственности. Понятие «гражданское общество» в данном случае используется для характеристики состояния обще-

ства и отождествляется с государством особого типа, в котором возможно юридическое обеспечение и политическая защита основных прав и свобод личности, и поэтому данное общество может считаться цивилизованным. Однако, при таком случае, понятие «гражданское общество» охватывает только тех представителей общества, у которых есть частная собственность, что обеспечивает этим людям возможность реализовать свои права и свободы, а также определенную самостоятельность в организации собственной жизнедеятельности, создающая состояние относительной независимости от государства.

В соответствии с другой точкой зрения, гражданское общество – это область внегосударственных отношений и структур. Можно выделить и другие различные варианты: понимание гражданского общества как общества в целом или как его части, как социальной характеристики составляющих его людей и т.д. На наш взгляд, гражданское общество нужно воспринимать как такое явление в соотношении понятий «общество» и «государство», которое появляется на определенном этапе государственно-правового развития общества.

Как правило, многие исследователи в целях теоретико-правового понимания понятия «гражданское общество» обращаются к трудам таких мыслителей древности, как Аристотель, Цицерон и т.д., обращают большое внимание на работы Ш.Л. Монтескье, Ф. Аквинского, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и др. Действительно, Аристотель в Книге первой своего труда, который назвал «Политикой», пишет, что «вне полиса человек не является человеком, потому что «по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [3, с. 387]. В трудах и высказываниях философов прошлого можно найти множество интересных мыслей о соотношении общества и государства.

Например, Т. Гоббс рассматривает проблемы гражданского общества с трех позиций: общества, государства и индивида. Т. Гоббс обращает внимание на то, что «инстинкт самосохранения подталкивает людей к заключению общественного договора и переходу из «естественного состояния» (*status naturalis*) к «состоянию гражданскому» (*status civilis*), и созданное таким образом единение называется государством или гражданским обществом (*societas civilis*), объединяя гражданское общество и государство в одно целое» [7, с. 373].

Дж. Локк тоже считал, что «гражданское общество возникло из естественного состояния в результате общественного договора» [12, с. 272]. В соответствии с воззрениями Дж. Локка, что о гражданском обществе можно говорить в том случае, «когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу» [12, с. 311].

Представляется, что при рассмотрении вопроса о соотношении общества и государства необходимо учитывать и высказывание Дж. Локка об «общем установленном законе», и слова Ж.-Ж. Руссо о том, что цель создания общественного договора – в формировании ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силу личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой, каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» [23]. В соответствии с убеждениями И. Канта, гражданское общество характеризуется «свободой каждого члена общества как человека, равенством его с каждым другим как подданного, самостоятельностью каждого члена общества как гражданина», и, в то же время, достижение всеобщего правового гражданского общества для человечества является величайшей проблемой, разрешить которую его вынуждает природа [10, с. 95].

Гегель писал, что «гражданское общество – «формальная всеобщность индивидуумов», интегрированных в мире частной собственности, потребности и трудах» [6, с. 73]. По мнению Б.Н. Чичерина, гражданское общество представляет собой совокупность частных отношений [26, с. 257].

Уделяя большое внимание проблемам гражданского общества И.А. Покровский писал, что «множества отдельных автономных центров как центры хозяйственной жизни, клеточки гражданского организма называются субъектами гражданского права, а вся совокупность их внутри данного государства составляет то, что мы называем гражданским обществом» [17, с. 214].

В общем и целом, из вышеупомянутых утверждений следует, что гражданское общество представляет собой единение людей, которое основано на соглашении граждан – общественном договоре, и эта мысль оказала огромное влияние на современное понимание сущности гражданского общества.

А.Н. Чашин, объясняя суть данного понятия, пишет, что общественный договор – это «достижение передовой группы людей, которые создали государственно-правовой механизм. Остальные люди постепенно присоединились к этому договору или понуждались к соблюдению его условий насильно в случае экспансии государственности на дикие территории. Каждый рождающийся сегодня человек в процессе социализации узнает условия общественного договора и принимает их» [25, с. 375-376].

Интерес представляет подход к определению понятия «гражданское общество», предложенный С.С. Алексеевым. Отвечая на вопрос о том, «в каких же все-таки принципах, государственно-правовых началах должны найти выражение императивы нынешней эпохи, современной цивилизации, гигантского научно-технического прогресса – начала современного гуманизма, истинно демократического общества, в центре которого должен быть человек?», он писал, что «наибольшую теоретическую и практическую значимость имеют здесь идеи социальной солидарности в государстве» [2, с. 730-731]. На наш взгляд, общественный договор как раз и является выражением социальной солидарности.

М.И. Абдулаев указывает на обязательность наличия трех факторов, которые способствуют становлению и развитию гражданского общества: это правовой характер государства, в котором строится гражданское общество, соответствующее культурное состояние общества, обязательный процесс перехода населения из категории подданных государства в категорию свободных граждан [1, с. 168]. Данную позицию разделяет и В.К. Бабаев, полагающий, что гражданское общество представляет собой особое социальное пространство, для которого характерно свободное взаимодействие людей, при минимизированном вмешательстве со стороны государства [4, с. 152]. В соответствии с выводами этих ученых сущность гражданского общества заключается в том, что гражданское общество представляет собой независимое объединение людей, безо всякого принуждения объединившихся в различные организации и союзы для удовлетворения своих потребностей и интересов.

Тем не менее, как пишет Ф.М. Раянов, при всем при этом, «гражданское общество оставляет за собой право контролировать деятельность государственной власти и привлекать к ответственности нарушителей общественного договора (конституции)» [22, с. 180]. «Гражданское общество – это обобщенная по фундаментальным, существенным характеристикам обществоведческая категория, обозначающая природу формирования и процесс контроля над органами государственной власти различного уровня» [5, с. 73].

Такие понятия, как «гражданский контроль» [8], «общественный контроль» [16, с. 105] активно употребляются в современной научной литературе, что обусловлено следующими факторами. Это, во-первых, функционирование политических партий, которые представляют интересы граждан, во-вторых, наличие профессиональных союзов, с помощью которых трудовые коллективы имеют возможность отстаивать свои права, в-третьих, наличие территориального общественного самоуправления, посредством которого население удовлетворяет и защищает общественные интересы и потребности и представляет его во взаимоотношениях с органами государственной власти, в-четвертых, многообразие общественных организаций и объединений некоммерческого характера и, в-пятых, наличие Общественной палаты Российской Федерации, чьи полномочия отражены в законодательных актах [24].

При этом нужно отметить, что в нашей стране появляются и соответствующие предпосылки для формирования и функционирования общественного контроля. В этом плане можно говорить о «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», которая была утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 года № 1662-р, и предусматривает поддержку самоорганизаций граждан, желающих осуществлять контроль деятельности государственных органов и органов местного самоуправления [19].

Одним из составляющих сущности гражданского общества является наличие возможности экономической самостоятельности, отсутствие сословных и иных привилегий и возрастание значения личности, способствующих тому, что гражданское общество находится с государством в постоянном сложном единстве. Ф.М. Раянов подчеркивает, что «сегодня в мире в числе развитых государств числятся именно те страны (причем независимо от природных богатств и климатических условий), где установилось правильное соотношение между гражданским обществом и государственной властью» [21, с. 309].

Исследуя проблемы, связанные с современным государством, А.Д. Керимов совершенно справедливо отмечает, что «сущностные характеристики, основные черты гражданского общества в действительности не нашли своего полного, исчерпывающего воплощения ни в одной стране мира» [11, с. 138-139]. Эта ситуация обусловлена тем, что идея гражданского общества, как и идея правового государства конкретизируются в современных институтах общества и государственной власти, в поступках граждан, что, в свою очередь, зависит от многих факторов, в том числе и от правовой культуры общества, менталитета людей и т.д.

Рассматривая проблемы, связанные с гражданским обществом, Н.И. Матузов подчеркивал, что «по существу же, термин «гражданское общество» приобрел в литературе свое особое содержание и в современной трактовке выражает определенный тип (состояние, характер) общества, его социально-экономическую, политическую и правовую природу, степень развитости, завершенности» [14, с. 387]. В его понимании «не всякое общество, населенное гражданами, изначально является гражданским, подобно тому, как не любое государство, где действует право, является правовым» [14, с. 387]. Н.И. Матузов отмечал, что «гражданское общество – не государственно-политическая, а главным образом экономическая и личная, частная сфера жизнедеятельности людей, реально складывающиеся отношения между ними» [14, с. 396], «гражданское общество охватывает собой все негосударственные и некоммерческие организации и объединения. Иначе говоря, это общество, взятое в целом, минус государство» [14, с. 396].

«Гражданское общество, – пишет М.Н. Марченко, – первично по отношению к правовому государству, так же, как и традиционное общество – по отношению к «доправовому» государству: сначала формируется гражданское общество, а затем на его основе «конструируется» правовое государство, но не наоборот» [13, с. 143]. При всем этом, гражданское общество «может быть сформировано только в условиях демократического строя, правового и социального государства, когда государство и общество – не антагонисты, а союзники, цель которых – обеспечение нормальной жизнедеятельности всех членов общества: граждан, иностранцев, лиц без гражданства» [18, с. 67-68].

Рассматривая теоретические проблемы гражданского общества, Ф.М. Раянов подчеркивает, что «гражданское общество – совершенно новое явление для России» [20, с. 258], «гражданское общество как учредитель государственной власти в России еще явно не институционаровано. Речь, по существу, идет о так называемом электорате» [20, с. 258]. Ф.М. Раянов характеризует гражданское общество как «самостоятельный институт в государственно-организованном обществе, образуемый его гражданами в целях формирования органов государственной власти» [20, с. 259].

Какими бы разными не были рассмотренные нами подходы ученых прошлого и настоящего к определению понятия «гражданское общество» и раскрытию сущности гражданского общества, становится ясной следующая картина. Сущность гражданского общества определяется, во-первых, тем, что гражданское общество вызревает в недрах самого общества, и представляет собой сообщество людей, объединенных общей целью упорядочить взаимоотношения между обществом и государством с помощью права и путем формирования высших органов государственной власти. Во-вторых, для формирования такого объединения людей общество в целом должно достичь довольно высокого уровня политического, экономического, социального и духовного развития.

Библиографические ссылки

1. Абдулаев М.И. Проблемы теории государства и права. СПб. : Питер, 2003.
2. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Издательство НОРМА, 2001.
3. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т 4. М. : Мысль, 1983.
4. Бабаев В.К. Теория государства и права. М. : Юрист, 2003.
5. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Баш. энцикл., 2018.
6. Гегель Г.В. Философия права. М. : Эксмо, 2005.
7. Гоббс Т. О гражданине. Соч. в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1989.
8. Гончаров А.А. Гражданский контроль над органами власти. М. : Издательство «Весь Мир», 2010.
9. Жичкина С.Е. К вопросу о понятии гражданского общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 18 (194).
10. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения на немецком и русских языках. Т.1. М., 1994.
11. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. М. : Норма, 2007.
12. Локк Дж. Два трактата о правлении // Дж. Локк. Сочинения в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988.
13. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М. : Проспект, 2009.
14. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов : Изд-во Саратов. гос. академии права, 2004.
15. Новый энциклопедический словарь. М. : РИПОЛ классик, 2012.
16. Плотников А.А. Общественный контроль и его потенциал в противодействии коррупции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 11.
17. Покровский И.А. История римского права. Мн. : Харвест, 2002.
18. Права человека и процессы глобализации современного мира /отв. ред. Е.А. Лукашева. М. : Норма, 2007.
19. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (с посл. изм. и доп. от 10 февраля 2017 г. № 172-п) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47, ст. 5489.
20. Раянов Ф.М. Теория правового государства : монография. М. : Юрлитинформ, 2014.
21. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения: монография. М. : Юрлитинформ, 2015.
22. Раянов Ф.М. Правовое обществоведение: монография. М. : Юрлитинформ, 2018.
23. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Электронная библиотека «Гражданское общество» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civisbook.ru/> (дата обращения: 11.07.2017).
24. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 28 декабря 2016 г. № 487-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 15, ст. 1277.
25. Чашин А.Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Дело и сервис, 2016.
26. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб. : Наука, 1998.

References

1. Abdulayev M.I. Problemy teorii gosudarstva i prava (Problems of theory of state and law), St. Petersburg, Piter, 2003.
2. Alekseyev S.S. Voskhozhdeniye k pravu. Poiski i resheniya (Ascent law. Searches and solutions), Moscow, Izdatel'stvo NORMA, 2001.
3. Aristotel'. Politika (Politics), Aristotel'. Sochineniya, V 4 t., T 4, Moscow, Mysl', 1983.
4. Babayev V.K. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of state and law), Moscow, Yurist, 2003.
5. Galiyev F.KH., Rayanov F.M. Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspekt (Social Studies in the XXI Century: Theoretical and Legal Aspect), Ufa, Bash. entsikl., 2018.
6. Gegel' G.V. Filosofiya prava (The philosophy of law), Moscow, Eksmo, 2005.
7. Gobbs T. O grazhdanine (On the citizen), Soch. V 2 t., T. 1, Moscow, Mysl', 1989.
8. Goncharov A.A. Grazhdanskiy kontrol' nad organami vlasti (Civilian control over authorities), Moscow, Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2010.
9. Zhichkina S.Ye. K voprosu o ponyatii grazhdanskogo obshchestva (To the question of the concept of civil society), *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, No. 18 (194).
10. Kant I. Ideya vseobshchey istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane (The idea of universal history in global civilian view), Kant I. Sochineniya na nemetskom i russkikh vazykakh, T.1, Moscow, 1994.
11. Kerimov A.D. Sovremennoye gosudarstvo: voprosy teorii (Modern state: theory questions), Moscow, Norma, 2007.
12. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii (Two treatises on governing), Dzh. Lokk. Sochineniya V 3 t., T. 3, Moscow, Mysl', 1988.
13. Marchenko M.N. Gosudarstvo i pravo v usloviyakh globalizatsii (State and law in the context of globalization), Moscow, Prospekt, 2009.
14. Matuzov N.I. Aktual'nyye problemy teorii prava (Actual problems of theory of law), Saratov, Izd-vo Sarat. gos. akademii prava, 2004.
15. Novyy entsiklopedicheskiy slovar' (The new encyclopedic dictionary), Moscow, RIPOL klassik, 2012.
16. Plotnikov A.A. Obshchestvennyy kontrol' i yego potentsial v protivodeystvii korruptsii (Public control and its anti-corruption potential), *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. 2013. No. 11.
17. Pokrovskiy I.A. Istoriya rimskogo prava (The history of Roman law), Minsk, Kharvest, 2002.
18. Prava cheloveka i protsessy globalizatsii sovremennogo mira (Human rights and the processes of globalization of the modern world), otv. red. Ye.A. Lukasheva. Moscow, Norma, 2007.
19. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 17 novabrya 2008 g. No. 1662-r «O Kontseptsii dolgo-srochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda» (s posl. izm. i dop. ot 10 fevralya 2017 g. No. 172-p) (The order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-r “On the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020” (with the last amendments dated February 10, 2017 No. 172 -p), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2008, No. 47, st. 5489.
20. Ravanov F.M. Teoriya pravovogo gosudarstva (Theory of the rule-of-law state), monografiya, Moscow, Yurlitinform, 2014.
21. Rayanov F.M. Grazhdanskoye obshchestvo i pravovoye gosudarstvo: problemy ponimaniya i sootnosheniya (Civil society and the rule-of-law state: problems of understanding and correlation), monografiya, Moscow, Yurlitinform, 2015.
22. Rayanov F.M. Pravovoye obshchestvovedeniye (Legal social science), monografiya, Moscow, Yurlitinform, 2018.
23. Russo Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore. Elektronnyaya biblioteka «Grazhdanskoye obshchestvo» (On social contract. Digital Library “Civil Society”). URL: <http://www.civisbook.ru/> (accessed date: 11.07.2017).
24. Federal'nyy zakon ot 4 aprelya 2005 g. No. 32-FZ «Ob Obshchestvennoy palate Rossiyskoy Federatsii» (s posl. izm. i dop. ot 28 dekabrya 2016 g. No. 487-FZ) (Federal law of April 4, 2005 No. 32-FZ “On the Public Chamber of the Russian Federation” (with the last amendments of December 28, 2016 No. 487-ФЗ), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2005, No. 15, st. 1277.

25. Chashin A.N. *Teoriya gosudarstva i prava (Theory of state and law)*, uchebnik, 2-ye izd., pere-rab. i dop., Moscow, Delo i servis, 2016.
26. Chicherin B.N. *Filosofiya prava (The philosophy of law)*, St. Petersburg, Nauka, 1998.

Дата поступления: 12.10.2019

Received: 12.10.2019

УДК 340.1+34(091)

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЕДОМСТВЕННОГО
НОРМОТВОРЧЕСТВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

ГВОЗДЕЦКИЙ Дмитрий Сергеевич

*Магистрант ФГНИУ «Институт законода-
тельства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Россия.*

E-mail: Gvozdezkid@yandex.ru

**THEORETICAL ASPECTS OF
DIGITALIZATION OF DEPARTMENTAL
RULE-MAKING**

GVOZDETSKY Dmitry Sergeevich

*Master's Degree Student of the Federal
State Scientific Research Institution
"Institute of Legislation and Comparative Law
Under the Government of the Russian
Federation", Moscow, Russia.*

E-mail: Gvozdezkid@yandex.ru

В настоящее время на цифровую трансформацию нормотворческой работы федеральных органов исполнительной власти направлен один из федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика». В статье отмечается, что цифровизация ведомственного нормотворчества должна стать предметом пристального государственного внимания, так как существенно повлияет на эффективность процедуры согласования и принятия ведомственных актов. Новизна подхода к изучению проблем цифровизации ведомственного нормотворчества позволила сформулировать выводы по исследуемой проблематике.

Ключевые слова: ведомственное нормотворчество, цифровизация, нормотворческая работа, цифровая экономика, цифровые технологии, искусственный интеллект, нормативное регулирование, нейросеть.

At the present moment, digital transformation of the rule-making activity of federal executive bodies is the subject matter of one of the federal projects of the national program "Digital Economy". This article points out that digitalization of departmental rule-making should draw careful attention of governmental agencies because it has significant influence on the efficiency of procedures for approval and adoption of departmental acts. The originality of the research approach to the problem of digitalization of departmental rule-making activity makes it possible to draw conclusions and to make some proposals within the subject matter of the research.

Key words: departmental rule-making, digitalization, rule-making activity, digital economy, digital technologies, artificial intelligence, normative regulation, neural network.

Тенденция цифровизации ведомственного нормотворчества привлекает к себе научный и практический интерес не столько к раскрытию самой природы цифровизации нормотворческой работы федеральных органов исполнительной власти, сколько к поиску тех преимуществ, которые несет с собой это постепенно развивающееся экономическое, социальное и правовое явление. В свою очередь адаптация нового для российского законодательства рассматриваемого правового явления, появившегося в результате стремительного развития циф-

ровых платформ, происходит бурно и со значительными трудностями, вызванными спецификой законодательства регламентирующего нормотворческую работу федеральных органов исполнительной власти.

Вопросы нормативного регулирования цифровой среды предусмотрены в постановлении Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации») [1], Паспортом национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7 [2], Паспортом федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», утвержденный президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9 [2], Паспортом федерального проекта «Цифровое государственное управление», утвержденный президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9 [2].

Цифровой прорыв, реализуемый Министерством экономического развития РФ, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, автономной некоммерческой организацией «Россия – страна возможностей», автономной некоммерческой организацией «Цифровая экономика» Е.В. Ковнира, а также рядом крупнейших организаций в области информационных технологий России позволяет формировать новую регуляторную среду и перспективное направление в совершенствовании нормотворческих процедур, осуществляемые федеральными органами исполнительной власти с использованием потенциала применения цифровых технологий.

Цифровое нормотворчество развивается на основе двух подходов: «от модели» (формирование нормативных правовых актов на основе цифровых моделей) и «от бумаги» (трансформация классического бумажного законодательства в правила, пригодные одновременно для использования как человеком, так и машиной) [4, с. 42-49]. В России в течение последних 20 лет активно разрабатываются методы и алгоритмы, позволяющие производить формализацию текстов нормативных документов, представляя данные документы в виде набора логических формул [6, с. 285-290; 8, с. 60-67; 9, с. 104-106]. Строгий математический аппарат, лежащий в основе таких методов и алгоритмов, гарантирует однозначность полученных логических формул и позволяет выявить противоречия между ними [4, с. 46].

Цифровизация влияет на сферу правового регулирования, в которую вовлекаются новые общественные отношения, которые прежде либо не существовали, либо не требовали правового регулирования или объективно не могли быть урегулированы правом.

Цифровые технологии формируют новую технологическую среду, в которой действует такой социальный феномен, как право. Более того, цифровые технологии начинают диктовать свои условия, к которым следует адаптировать правовые институты [7, с. 25], в том числе и ведомственное нормотворчество.

Вместе с тем, на сегодняшний день единых правовых подходов к цифровизации ведомственного нормотворчества не существует. Информационные технологии развиваются гораздо быстрее, чем развивается правовое регулирование. В этой связи для развития цифровизации ведомственного нормотворчества требуется комплексный и системный подход, наличие последовательной непротиворечивой правоприменительной практики, создание соответствующих механизмов правового регулирования и применения машиночитаемых норм права [5, с. 35-41].

Одновременно с этим имеют место быть не решенные проблемы, касающиеся перехода федеральных органов исполнительной власти на безбумажное взаимодействие, где важная роль будет отведена технологиям искусственного интеллекта. В частности представляется проблематичным разработать программу, в которой необходимо будет предусмотреть все тонкости отраслевого законодательства, а также включить в программную среду встречающиеся неточности и ошибки, допускаемые федеральными органами исполнительной власти для их анализа искусственным интеллектом в процессе подготовки ведомственных нормативных правовых актов (далее – ведомственный акт).

Разработка сложных технологических решений для комплексного анализа проектируемого ведомственного акта, применяя искусственный интеллект и алгоритмы машинного обучения, повышает эффективность работы правовых структурных подразделений федеральных органов исполнительной власти.

Для оптимизации нормотворческой работы в федеральных органах исполнительной власти представляется возможным использовать технологии искусственного интеллекта из двух нейросетей. В одну необходимо ввести нормативные положения и юридическую терминологию (слова и словосочетания), а также прогнозируемый результат. Вторая нейросеть учится у первой: прорабатывает содержащуюся в базе данных информацию, анализирует и предлагает возможные варианты проекта ведомственного акта.

В данном контексте ведомственное нормотворчество с использованием технологий искусственного интеллекта рассматривается как конструктор, в котором на основе имеющейся информации у искусственного интеллекта с помощью машинного обучения генерируется новый продукт нормотворческой деятельности.

При рассмотрении указанной проблематики важно определить четкий юридический критерий искусственного интеллекта, порядок перевода на компьютерный язык норм права и многозначные юридические термины. Наряду с этим, переход на цифровой формат ведомственного нормотворчества предполагает новое видение и требования, предъявляемые к языку права в условиях цифровизации ведомственного нормотворчества.

Цифровизация ведомственного нормотворчества должна стать предметом самого пристального государственного внимания, поскольку существенно повлияет на эффективность процедуры согласования и принятия ведомственных актов. В свое время технические достижения сыграли важную роль в развитии государственного управления с точки зрения техники и технологий, так же произойдет и с цифровизацией ведомственных актов.

Следует также отметить, что процесс цифровизации ведомственных актов достаточно сильно станет зависеть от технологии, формата, стандарта, в рамках которых будут создаваться акты.

Особого порядка потребует решение проблем по стандартизации и унификации информационных технологий, определению подходов к развитию машиночитаемого и машиноисполняемого нормотворчества, формирование условий для создания инструментария эффективного межведомственного согласования и правоприменения [3].

Прогнозирование развития ведомственного нормотворчества, основанного на цифровых технологиях, а также формирование общих подходов к совершенствованию процедуры управления изменениями в цифровой среде являются одним из приоритетных направлений в работе федеральных органов исполнительной власти.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы.

I. Цифровизация ведомственного нормотворчества способствует более эффективному межведомственному согласованию, повышению корректности и непротиворечивости ведомственных актов, определению взаимосвязанных актов для последующего внесения в них изменений при разработке новых проектов ведомственных актов. При этом переход нормотворческой работы федеральных органов исполнительной власти с бумажной на цифровую

форму позволяет более качественно конкретизировать, систематизировать и детализировать законодательство Российской Федерации в ведомственных актах, проверять акты на их избыточность и непротиворечивость.

В свою очередь, для граждан появится возможность реализовывать эффективнее общественный контроль нормотворческого процесса, осуществляемого федеральными органами исполнительной власти, тем самым подготовка актов станет более прозрачной и предсказуемой.

II. Цифровизация ведомственных актов, а в последующем и всей системы законодательства Российской Федерации придаст источникам права более целостный, открытый и непротиворечивый характер. При этом необходимо определить недостатки действующей практики подготовки и принятия (издания) ведомственных актов и пути их устранения.

III. Цифровизация ведомственного нормотворчества несет в себе задачу приведения к общей форме и систематизации действующих нормативных правовых актов, что способствует формированию единой правовой системы в условиях реализации в России национальной программы «Цифровая экономика».

IV. Переход на безбумажное взаимодействие, использование технологий искусственного интеллекта правовыми структурными подразделениями федеральных органов исполнительной власти потребует внесение изменений в федеральные отраслевые законы и иные источники права в тех случаях, когда новая структура нормативного регулирования будет целесообразна в условиях становления и перехода языка права на язык «цифры».

При этом без создания эффективной законодательной системы нельзя рассчитывать на успешное осуществление цифровизации и использование технологий искусственного интеллекта в нормотворческой работе федеральных органов исполнительной власти. В перспективе цифровые технологии помогут уменьшить ошибки, допускаемые вследствие «человеческого фактора», так как определенный объем работы выполнит правильно налаженная автоматизированная система. Наряду с этим, толкование ведомственных актов правоприменительными органами будет практически единообразным и не противоречивым.

Библиографические ссылки

1. Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»». Собрание законодательства РФ. 2019. № 11, ст. 1119.
2. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru> свободный (дата обращения: 08.10.2019).
3. Вашкевич А. Началась работа по автоматизации правоприменения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.simplawyer.com/amazing/publications/advgazeta-law-enforcement-automation/> (дата обращения: 08.10.2019).
4. Аверьянов М.А., Баранова О.В., Кочетова Е.Ю., Сиваков Р.Л. Цифровая трансформация процессов нормативного регулирования: тенденции, подходы и решения // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Vol. 6. No. 11. P. 42-49.
5. Иванов А.А. О глубине механизации права // Закон. 2018. № 5. С. 35-41.
6. Иванов Г.И., Ельчанинова Н.Б., Саак А.Э. Методы формализации нормативно-правовой информации на основе декларативного программирования // Известия ТРТУ. 1998. № 1 (7). С. 285–290.
7. Карцхия А.А. Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. № 1 (30). 2019. С. 25-29.

8. Миков А.И. Представление онтологий нормативных документов с использованием прикладных логик // Известия ЮФУ. Технические науки. 2014. № 6 (155). С. 60–67.
9. Пекшева М.В. Аксиоматизация нормативных документов на основе деонтической логики // Информатизация и связь. 2014. № 2. С. 104-106.

References

1. Postanovlenie Pravitelstva RF ot 02.03.2019 № 234 «O sisteme upravleniya realizacii nacionalnoy programmu «Cifrovaya economica Rossiyscoy Federacii» (vmeste s Polojeniem o sisteme upravleniya realizacii nacionalnoy programmu «Cifrovaya economica Rossiyscoy Federacii») (Decree of the Government of the Russian Federation of 02.03.2019 No. 234 “On the system for managing the implementation of the national program “Digital Economy of the Russian Federation” (together with the Regulation on the system for managing the implementation of the national program “Digital Economy of the Russian Federation”), *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2019, No. 11, Article 1119.
2. Oficialniy sait Ministerctva sivrovogo razvitiya, svazy I massovux kommunikaciy Rossiyscoy Federacii (Official website of the Ministry of Digital Development, Telecommunications and Mass Media of the Russian Federation). URL: <https://digital.gov.ru> cvobodnuy (accessed date 08.10.2019).
3. Vashkevich A. Nachalas' rabota po avtomatizatsii pravoprimereniya (Work has started on the automation of law enforcement). URL: <https://www.simplawyer.com/amazing/publications/advgazeta-law-enforcement-automation/> (accessed date 08.10.2019).
4. Averyanov M.A., Baranova O.V., Kochetova E.Yu., Sivakov R.L. Cifrovay transformacia proscov normativnogo regulirovaniya: tendencii, podxodu I rewenia (Digital transformation of regulatory processes: trends, approaches and solutions), *International Journal of Open Information Technologies*, 2018, vol. 6, No. 11, pp. 42–49.
5. Ivanov A.A. O glubine mawinizatsii prava (On the depth of machinization of law), *Law*, 2018, No. 5, pp. 35-41.
6. Ivanov G. I., Yelchaninova N.B., Saak A. E. Metodu formalizatsii normativno-pravovoi informatsii na osnove deklarativnogo programmirovaniya (Methods of formalization of regulatory information on the basis of declarative programming), *Izvestiya of TSURE*, 1998, No. 1 (7), pp. 285-290.
7. Carchia A.A. Cifrovay transformacia prava (Digital transformation of law), *Law enforcement monitoring*, 2019, No. 1 (30), pp. 25-29.
8. Mikov A. I. Predctavlenie ontologiy normativnux dokumentov s ispolzovaniem prikladnux logic (The representation of the ontology of normative documents with the application logic), *News of SFU. Technical science*, 2014, No. 6 (155), pp. 60-67.
9. Peksheva M. V. Aksiomatizatsia normativnux dokumentov na ocnove deonticheckoy logici (Axiomatization of normative documents on the basis of deontic logic), *Informatization and communication*, 2014, No. 2, pp. 104-106.

Дата поступления: 11.10.2019

Received: 11.10.2019

УДК 340.1+34(091)

**ИДЕЯ СВОБОДНОЙ ВОЛИ И АФФЕКТА
В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ
КОНЦЕПЦИИ БЕНЕДИКТА СПИНОЗЫ****THE IDEA OF FREE WILL AND AFFECT
IN THE POLITICAL AND LEGAL
CONCEPT OF BENEDICT SPINOZA****ЗОРИНА Наталья Владимировна***адвокат Коллегии адвокатов «Санкт-Петербургская Адвокатская Коллегия Нарышкиных», г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: Maxsh777@mail.ru***ZORINA Natalya Vladimirovna***Attorney at the Bar Association “St. Petersburg Bar Association of the Naryshkins”, St. Petersburg, Russia. E-mail: Maxsh777@mail.ru*

Показывается, как Бенедикт Спиноза разрабатывает модель общественного договора, права и государства, основанную на реализации воли человека в соответствии с принципами свободы. Итогом оказывается адресация к идеалам свободы, которую мы находим и в «Этике», и в «Богословско-политическом трактате». Делается вывод о том, что установленная Спинозой корреляция перехода человека от уровня «воли к самосохранению» на уровень «воли к самосовершенствованию» с переходом человека от уровня естественного состояния на уровень состояния политического и правового, позволяет говорить о том, что голландский мыслитель опередил свое время и во многом подошел к идеям более поздней парадигмы правовой мысли, развитой уже немецкими классиками на рубеже XVIII–XIX вв.

It is shown how Benedict Spinoza develops a model of social contract, law and state, based on the implementation of human will in accordance with the principles of freedom. The result is an address to the ideals of freedom, which we find both in “Ethics” and in “The Theological and Political Treatise”. It is concluded that the correlation established by Spinoza of the transition of a person from the level of “will to self-preservation” to the level of “will to self-improvement” with the transition of a person from the level of the natural state to the level of the political and legal state allows us to say that the Dutch thinker was ahead of his time and largely approached the ideas of the later paradigm of legal thought, developed by German classics at the turn of the 18th-19th centuries.

Ключевые слова: Спиноза, Гоббса, Гегель, свобода воли, аффект, общественный договор, право, государство.

Key words: Spinoza, Hobbes, Hegel, free will, affect, social contract, law, state.

Без детального изучения трудов Гуго Гроция и Томаса Гоббса [5; 7; 18], Джона Локка и Бенедикта Спинозы [6, с. 127-136; 8; 19] невозможно понять современное общество, во многом сформированное по схемам, предложенным великими учеными Нового времени. Опираясь на труды предшественников, они создали принципиально новую парадигму правового мышления – парадигму общественного договора, которая не теряет своего влияния вплоть до наших дней [10, с. 170]. Следование этой парадигме вело к отказу от основных постулатов господствовавшей веками субстанционалистской концепции естественного права, основы которой заложил Платон, а законченные формы общепризнанной научной теории придал Фома Аквинский [13; 17, с. 19-25].

Экстраполируя механистическую картину мира на социальные процессы, классики Нового времени (прежде всего, Джон Локк [9]) предложили новое понимание права и государства как результата сложения свободных волей множества людей, стремящихся к самосохранению с той же необходимостью, с какой действуют законы природы. Свобода воли, та-

ким образом, и в своей изначальной форме, когда она в естественном состоянии задает импульс к заключению общественного договора, и в преображенной форме, когда она в результате этого договора спрессовывается в волю суверена-государствообразующего народа, мыслится отныне как основной принцип права, полагаемый вместо Бога или Абсолюта [16, с. 32-35; 21, с. 17-25], а также как абсолютная ценность [15, с. 71-85].

В отечественной теоретической правовой науке проблеме соотношения воли и общественного договора обращал свое внимание проф. Ф. М. Раянов. Так, в аннотации к одной из статей, посвященных общественному договору, он прямо и пишет: «Впервые в отечественной теоретической правовой науке общественный договор осмысливается в качестве акта, содержащего волю государство организованного народа» [11, с. 36]. В другой же статье, где также речь идет об общественном договоре, он пишет: «Тема общественного договора в нашей теоретической правовой науке упоминается лишь в связи с происхождением государства, да и то в гегелевском критическом духе. Между тем общественный договор в современном цивилизованном мире – это оформленная воля государственно-организованного народа» [12, с. 162].

Во всем этом контексте несколько проблематичной оказывается позиция не менее знаковой для Нового времени фигуры Бенедикта Спинозы. Трактую бытие как единую субстанцию, которая заключает в себе единственно закон необходимости, он, казалось бы, должен отрицать саму возможность свободы выбора в волевом акте человека. Вместе с тем Спиноза утверждает принцип свободы личности и свободы индивидуального мышления в качестве идеала государственности. Учитывая ключевую роль голландского мыслителя для политико-правовой мысли Нового времени и Просвещения, а отчасти и немецкой классики, этот вопрос требует тщательного исследования.

Политико-правовая концепция Спинозы была связана с его монистической онтологией единой субстанции, может быть, в самой большой степени, чем у других ученых Нового времени [1, с. 4-7]. Единая и единственная субстанция, по Спинозе, является одновременно Богом, природой и всеобщей необходимостью. У нее нет внешней причины, какого-либо детерминирующего начала, она сама по себе – причина самой себя. Все процессы и явления природного, социального и душевного мира человека Спиноза определял, как всего лишь частные модификации, или «модусы», единой субстанции. Поскольку реальное существование мы можем приписывать только единой субстанции, а субстанция тождественна с необходимостью, постольку мы должны признать, что вопреки мнению обыденного сознания в мире нет случайности, и все является лишь тем или иным модусом всеобщей необходимости. Подчиняясь этой необходимости, человек непрерывно попадает под действие своих природных качеств – аффектов, которые не отвечают признакам рациональности, но могут быть исправлены с помощью других аффектов.

Центральная мысль Спинозы состоит в том, что человеку в современном государстве может и должна быть предоставлена максимально возможная свобода, которая не разрушала бы социальную общность, сложившуюся с естественной необходимостью. Свобода человека как моральная категория является одним из результатов анализа понятия субстанции, т.е. всеобщей необходимости, которая была осуществлена им в «Этике». Свобода может быть определена лишь в качестве характеристики разума. Рассматриваемая лишь как акциденция субстанции, душа, по Спинозе, не может трактоваться как вещь, наделенная таким качеством как свобода воли: «В душе нет никакой абсолютной или свободной воли; но к тому или другому хотению душа определяется причиной, которая, в свою очередь, определена другой причиной, эта – третьей и так до бесконечности» [20, с. 445].

Ближайшие причины, определяющие волю человека, как раз и составляют аффекты. Аффектам он давал следующее определение: «Под аффектами я разумею состояния тела, которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к действию, благоприятствуют ей или ограничивают ее, а вместе с тем и идеи этих состояний. Если, таким образом, мы мо-

жем быть адекватной причиной какого-либо из этих состояний, то под аффектом я разумею состояние активное, в противном случае – пассивное» [20, с. 456]. Это – определение в категориях «протяженной субстанции». В другом месте своей «Этики» он дает им также определение в категориях «субстанции мыслящей»: «Аффект, называемый страстью души, есть смутная идея, в которой душа утверждает большую или меньшую, чем прежде, силу существования своего тела или какой-либо его части и которой сама душа определяется к мышлению одного преимущественно перед другим» [20, с. 519]. Таким образом, аффект, в полном соответствии с монистическим принципом Спинозы, является как причиной природной, так и интеллектуального порядка, состояние как тела, так и разума.

Учение об аффектах составляет истинную основу учения Спинозы о праве и государстве [22, с. 12]. Помимо всего прочего оно позволяет автору «Этики», «Богословско-политического трактата» и «Политического трактата» уйти от обычного для Нового времени утопизма, начало которого было положено социально-политическими утопиями Томаса Мора и Френсиса Бэкона, и определенные черты которого мы можем разглядеть также в предельном уповании на конструктивную природу разума у Гоббса и Локка. Напротив, Спиноза стремится в своей политико-правовой теории исходить из реалистических предпосылок, принимая во внимания все детерминанты действия человека. Поэтому исходным пунктом для него должен быть не человек-атом как абстрактная теоретическая модель в системе Гоббса, а реальный человек, человек «как он есть». Поэтому «природность» человека Спиноза не оставляет, подобно Гоббсу, в сфере естественного состояния, а стремится распространить на всю теория человека и общества, а в конечном итоге и на теорию права и государства. С этих позиций Спиноза критикует утопизм и произвольность теоретических конструкций своих оппонентов и оправдывает свое обращение к таким, с точки зрения человека эпохи барокко недостаточно «изящным» предметам [20, с. 455].

Аффект для Спинозы – это не свидетельство ошибки или слабости человека, а его неотъемлемое качество. Его можно также охарактеризовать как чисто антропологическое, то есть неразумное, начало человека, которое Спиноза, прежде всего, стремится рассмотреть, исходя из идеалов реализма и научности. Аффекты, переплетаясь друг с другом и взаимно воздействуя на человека, образуют неповторимый духовный «портрет» каждой человеческой личности. Свой специфический вид аффекты приобретают вследствие различных отношений, в которые человек вступает с другими людьми. В самой значительной мере аффективность формируется именно на основе различных отношений, которые простираются между человеком и сообществом.

Своеобразный антропологический реализм Спинозы получает свое логическое завершение тогда, когда концепция «непосредственного порыва» человека как перводетерминанты фактического единства его личности, развернутая в третьей и четвертой части «Этики», становится исходным пунктом теории права и государства.

Согласно Спинозе, тело и разум едины, составляют единую субстанцию, а, следовательно, едины также разум и воля человека. На этом основании Спиноза вполне логично отвергал свободу воли в обычном, физическом, смысле этого слова [20, с. 455]. Вместе с тем, он вовсе не отвергал саму свободу, которую соотносил с деятельностью разума. Именно разум в состоянии изменить комплекс детерминант поведения человека, воздействия на аффекты: «Аффект может быть ограничен или уничтожен только противоположным или более сильным аффектом, чем аффект, подлежащий укрощению» [20, с. 530]. Человек стремится пролонгировать действие позитивных аффектов и нейтрализовать действие негативных аффектов.

Чтобы обосновать саму эту возможность выбора между аффектами и возможность манипулирования ими, Спиноза полагает в основу своего учения о практической деятельности человека в политико-правовой сфере некий «непосредственный порыв», который в ходе сравнительного анализа можно максимально сблизить с новоевропейским понятием свобод-

ной воли. Между этими понятиями существует жесткая корреляция, обусловленная не только изначальным влиянием английских политических авторов (прежде всего – Гоббса) на Спинозу, но и внутренней взаимосвязью этих понятий [22, с. 38-44]. «Непосредственный порыв» направлен на самоопределение человека, природа которого требует от него достижения необходимого на основе требований разума. Разум же определяет необходимость «объединения сил», понятие которого Спиноза рассмотрел еще в «Этике». Это «объединение сил» в конечном итоге получает свое разрешение в утверждении права и государства [22, с. 14-15].

Моральная свобода, являющаяся следствием осознания, а потому и преодоления, аффективности души, должна получить также и адекватное юридическое оформление [23, с. 89-102]. Таким образом, свобода личности составляет ключевой момент теории государства, поскольку государство состоит из индивидов, а все индивиды стремятся к самореализации. В своем «Богословско-политическом трактате» Спиноза показал, что мир и нравственные межличностные отношения возможны лишь в том государстве, в котором люди могут свободно высказывать свое мнение по любому вопросу, в том числе и относящемуся к государственному строительству. Эта свобода мнения является основным мерилем свободы государства и общества независимо от формы правления.

Для Спинозы оптимальной формой выражения субстанциальности воли, синтетического единства определений ее свободы и необходимости, было естественное право. Спиноза, в отличие от Т. Гоббса, не противопоставлял друг другу естественное право, смотря по тому, как оно реализует себя в государственном и в природном состоянии общества. Согласно точке зрения Спинозы, верховная власть в государстве имеет не больше прав по отношению к подданным, чем в меру того могущества, которым она превосходит подданного, а это всегда имеет место в естественном состоянии. Поскольку и в естественном, и в государственном состоянии реализуется себя единая субстанция естественного права, постольку для обоснования существования общества не является принципиально значимой теория общественного договора, игравшая, напротив, системообразующую роль в политико-правовой концепции Гоббса.

Спиноза справедливо полагал, что бытие людей всегда имеет в той или иной мере социальную природу, что позволяет, в свою очередь, всегда говорить об определенной мере правового статуса человека, социальных и политических институтов. Поэтому чисто естественное состояние Спиноза мог допустить только в качестве некоторого интеллектуального эксперимента [22, с. 246-257]. Вместе с тем, он не отрицает правильности основного посыла Гоббса, согласно которому для того, чтобы судить о личности, обществе и государстве объективным образом, следует выявить то качество, которое обще всем людям. Таким общим качеством для Спинозы, как и для Гоббса, оказывается стремление человека к самосохранению.

Здесь Спиноза идет еще дальше, теоретически доказывая, в отличие от Гоббса, этот тезис. А именно, в теореме 7. третьей части «Этики» доказывается, что «стремление вещи пребывать в своем существовании есть ничто иное, как действительная (актуальная) сущность само вещи» [20, с. 463]. Таким образом, этот принцип стремления к самосохранению даже возводится голландским мыслителем в ранг универсальности и абсолютности, будучи распространенным не только на живые существа, но на всякую действительно существующую вещь.

Согласно теоретическим посылкам Спинозы, в естественном состоянии всякое существование человека находится под угрозой и каждый человек знает, что может существовать свободно, опираясь исключительно на собственную силу. Однако такого рода иллюзия возможности для человека реализовать свое стремление к самосохранению должна быть тотчас обнаружена, поэтому каждый рассматривает другого как своего естественного врага и воля каждого, побуждаемая страхом, ищет способ уничтожить его. Так, подчиняясь своему собственному – то есть, естественному праву, может существовать только тот, кому не нужно бояться никого другого, кто его может превосходить и угрожать его естественному устремлению к самосохранению. Так как все же каждое чужое бытие ставит под угрозу собственное

существование личности и, тем самым, может стать нападение во имя защиты, то это так называемое естественное состояние складывается в своего рода игру с ничейным результатом для всех сил, потенциально настроенных на уничтожение друг друга [23, с. 61-62].

Поэтому предположение о том, что люди могли бы прийти к решению заключить общественный договор, само по себе является чисто интеллектуальной фикцией. Спиноза не без основания полагал, что фикция общественного договора пригодна к тому, чтобы стать теоретическим обоснованием абсолютизма, но, отнюдь, не годится для того, чтобы служить теоретическим обоснованием естественной свободы индивидов в гражданском обществе. В действительности, полагает Спиноза, естественные законы, в соответствии с которыми живут люди, предписывают всегда отдавать предпочтение лучшему перед хорошим и при наличии выбора из двух зол выбирать меньшее.

Следование естественным законам, указывает Спиноза, свойственно, по преимуществу, всем людям. Все люди хотят жить свободно согласно пониманию того, что свобода отдельного человека возможна только тогда, когда она причитается каждому члену общества. Поэтому все люди должны взаимодействовать друг с другом в соответствии с естественным законом, а не враждовать, как это описывал Гоббс, рассуждая о «войне всех против всех». Государство, созданное на основе естественного закона, должно иметь целью обеспечить каждому гражданину наряду с безопасностью индивидуальное развитие. Изначальный «непосредственный порыв» к самосохранению при переходе человека из естественного в политическое состояние должен трансформировать в «порыв» к самовоплощению [22, с. 13].

Это – исключительно глубокая мысль голландского ученого, которая в значительной мере возвышает его над либеральной доктриной Гоббса, которая не знала идеи развития свободы воли. По сути дела, речь идет о том, что мысль Спинозы о необходимости найти первооснову первичного импульса человека к утверждению своей воли над своими аффектами означает ничто иное как идею свободы. Сочетание ориентированного на стремление к самосохранению «непосредственного порыва» с процессом осознания аффектов в деятельности разума, образует то понятие, которое можно считать аналогом новоевропейского понятия «свободной воли» и с еще большей степенью точности – аналогом понятия «свободной воли» как исходного пункта «Философии права» Гегеля. Хотя сам Спиноза опровергает и отвергает проблематику свободной воли, но в тексте «Этики» [20, с. 445] речь, скорее, идет о критике концепта, а не о критике понятия (в известном гегелевском понимании содержания лексемы «понятие»).

При переходе от уровня естественного состояния к уровню политического состояния (этот переход, как мы помним, не является у Спинозы, в отличие от Гоббса, скачкообразным переходом: естественное и политическое состояние не противопоставляются голландским мыслителем друг другу, будучи связаны единым определением «природности») «непосредственный порыв» к самосохранению трансформируется в «непосредственный порыв» к самовоплощению. При этом «стремление к самосохранению» данным переходом отрицается, но не отбрасывается, в точном смысле гегелевского термина «Aufheben» – отрицание с сохранением существенного. Таким образом, согласно Спинозе, политическое состояние человека, его бытие в сфере, определяемой правом и государством, должно описываться в определениях концептуального пространства, тематизируемого порывом к самовоплощению, которое одновременно является и целью, и процессом деятельности субъекта.

Таким образом, на политико-правовом уровне формируется новый тип субъектности и новый тип детерминации аффектов, уже не сводимый к индивидуальному уровню. Формируется тот тип субъекта, который в философии права Гегеля обозначается понятием «духа» [2, с. 180-181; 3, с. 147-153]. Хотя в работах историков права, специально проводивших компаративистское исследование философско-правовых текстов Спинозы и Гегеля, мы не найдем такого рода выводов, они представляются нам справедливыми, учитывая также и то значение, которое уделял автор «Этики» понятию разума в представленной им концептуальной динамике движения от анализа детерминант аффектов к анализу детерминант закона и норм права, и то влияние, которое он оказал на становление философии права Гегеля [4, с. 321; 14, с. 38; 22].

Библиографические ссылки

1. Галкин И.В. Политико-правовые идеи в монистической философии Бенедикта Спинозы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
2. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 178-187.
3. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М. : Юрлитинформ, 2019.
4. Зенн М. История права – Культурно-исторический очерк. СПб. : Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2016.
5. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. 2016. № 10. С. 38-44.
6. История философии права : монография / А.П. Альбов [и др.]; отв. ред.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. СПб. : Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
7. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12 (79). С. 120-122.
8. Лежнева О.Ю. Д. Локк об институтах перехода от естественного состояния в гражданское состояние // Государственно-правовые институты современного общества : сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 229-235.
9. Лежнева О.Ю., Поливко Е.А. Дж. Локк о судебной власти как проявлении верховенства права и прав личности в гражданском состоянии общества // Верховенство права и национальные интересы России : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 30 ноября 2018 г.) / отв. ред. Г.М. Азнагулова. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 92-96.
10. Масленников Д.В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. 2015. № 12. С. 167-173.
11. Раянов Ф.М. Общественный договор и его значение для теоретической правовой науки // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2015 : материалы XVII Международной научно-практической конференции, посвященной 29-летию Государственного Собрания-Курултая Республики Башкортостан. Уфа, 2015. С. 36-43.
12. Раянов Ф.М. Источник современного права-просвещенный разум государство-организованного народа (рецензия на монографию: Бринчук М. М. Законы природы и общества: в 2 Ч. М., 2015, 852 с.) // Журнал российского права. 2016. № 2 (230). С. 158-166.
13. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. 2014. № 4 (84). С. 70-86.
14. Сальников В.П., Масленников Д.В. Институты права в идее абсолютного Добра // Государственно-правовые институты современного общества : сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 32-40.
15. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 19-26.
16. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. 2014. № 10. С. 11-20.

17. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // *Юридическая наука: история и современность*. 2016. № 5. С. 173-179.
18. Спиноза Б. Избранные произведения. Т. I. М., 1957.
19. Berges A. Der freie Wille als Rechtsprinzip. Untersuchungen zur Grundlegung des Rechts bei Hobbes und Hegel. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2012.
20. Güngören B. Die Bedeutung von Hegels Spinoza – Lektüre für seine Staats- und Rechtstheorie. Berlin: Logos Verlag, 2011.
21. Senn M. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesischen Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Eine Einführung mit Quellenmaterial. Zürich: Dike Verlag, 2012.
22. Walther M. Institution, Imagination und Freiheit bei Spinoza // *Politische Institutionen im Gesellschaftlichen Umbruch*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. P. 246-275.
23. Walther M. Politische und ethische Freiheit oder Spinozas Dialektik der Freiheit // *Ethik, Recht und Politik bei Spinoza*. Zürich: Schulthess, 2001. P. 89-103.

References

1. Galkin I.V. Politiko-pravovyye idei v monisticheskoy filosofii Benedikta Spinozy (Political and legal ideas in the monistic philosophy of Benedict Spinoza), avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2013.
2. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. K voprosu o znachenii logicheskoy formy filosofii dlya ponimaniya prirody absolyutnogo v prave (To the question of the significance of the logical form of philosophy for understanding the nature of the absolute in law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2018, No. 2, pp. 178-187.
3. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulyativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava (Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoyevsky. To the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law), Moscow, Yurlitinform, 2019.
4. Zenn M. Istoriya prava – Kul'turno-istoricheskij ocherk (History of Law – Cultural and historical essay), St. Petersburg, Izdatel'stvo Yuridicheskogo instituta (Sankt-Peterburg), 2016.
5. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Poisk empiricheskikh osnovaniy spravedlivosti i prava v tvorchestve Tomasa Gobbssa, Dzhona Lokka, Sharlya Montesk'ye i Zhana-Zhaka Russo (Search for the empirical foundations of justice and law in the works of Thomas Hobbes, John Locke, Charles Montesquieu and Jean-Jacques Rousseau), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 10, pp. 38-44.
6. Istoriya filosofii prava (History of the philosophy of law), monografiya, A.P. Al'bov [i dr.], otv. red.: A.P. Al'bov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov, St. Petersburg, Yuridicheskij institut (Sankt-Peterburg), Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, 1998.
7. Kurzenin E.B., Sal'nikov V.P. Idei yestestvennogo prava v trudakh Gugo Grotsiya (Ideas of natural law in the writings of Hugo Grotius), *Yevraziyskiy yuridicheskij zhurnal*, 2014, No. 12 (79), pp. 120-122.
8. Lezhneva O.Yu. D. Lokk ob institutakh perekhoda ot yestestvennogo sostoyaniya v grazhdansko-ye sostoyaniye (Locke on the institutions of transition from a natural state to a civil state), *Gosudarstvenno-pravovyye instituty sovremennogo obshchestva*, sbornik statey k Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii posvyashchenoy 100-letiyu Respubliki Bashkortostan (g. Ufa, 14 dekabrya 2018 g.), otv. red. F.M. Rayanov. Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 229-235.
9. Lezhneva O.Yu., Polivko Ye.A. Dzh. Lokk o sudebnoy vlasti kak proyavlenii verkhoventva prava i prav lichnosti v grazhdanskom sostoyanii obshchestva (J. Locke on the judiciary as a manifestation of the rule of law and individual rights in the civil status of society), *Verkhoventvo prava i natsion-*

- al'nyye interesy Rossii*, materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 30 noyabrya 2018 g.), otv. red. G.M. Aznagulova, V 2-kh ch., CH. 1, Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 92-96.
10. Maslennikov D.V. Bogochelovek i ideya prava (God-man and the idea of law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 12, pp. 167-173.
11. Rayanov F.M. Obshchestvennyy dogovor i yego znacheniye dlya teoreticheskoy pravovoy nauki (The social contract and its significance for theoretical legal science), *Aktual'nyye problemy prava Rossii i stran SNG – 2015*, materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 29-letiyu Gosudarstvennogo Sobraniya-Kurultaya Respubliki Bashkortostan, Ufa, 2015, pp. 36-43.
12. Rayanov F.M. Istochnik sovremennogo prava-prosveshchenny razum gosudarstvo-organizovannogo naroda (retsenziya na monografiyu: Brinchuk M. M. Zakony prirody i obshchestva: v 2 Ch. M., 2015, 852 s.) (The source of modern law is the enlightened mind of a state-organized people (review of the monograph: M. Brinchuk. Laws of nature and society: in 2 Parts. M., 2015, 852 pp.), *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2016, № 2 (230), pp. 158-166.
13. Sal'nikov V.P., Sal'nikov M.V. Pravovaya kul'tura i politiko-pravovyye traditsii v kontekste absol'yutnykh tsennostey (Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values), *Yuridicheskaya mysl'*, 2014, No. 4 (84), pp. 70-86.
14. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Instituty prava v ideye absol'yutnogo Dobra (Law institutions in the idea of Absolute Good), *Gosudarstvenno-pravovyye instituty sovremennogo obshchestva* : sbornik statey k Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Respubliki Bashkortostan (g. Ufa, 14 dekabrya 2018 g.), otv. red. F.M. Rayanov, Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 32-40.
15. Sal'nikov V.P., Ismagilov R.F., Sal'nikov M.V. Platon, Aristotel', Foma Akvinskiy i ideya spravedlivosti v yestestvenno-pravovoy traditsii (Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural legal tradition), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 9, pp. 19-26.
16. Sal'nikov V.P., Kurzenin E.B., Sal'nikov M.V. Razvitiye politiko-pravovoy mysli ot Gugo Grotsiya k predstaviteleyam germanskoy gosudarstvenno-pravovoy nauki (The development of political and legal thought from Hugo Grotius to representatives of the German state law science), *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2014, No. 10, pp. 11-20.
17. Sal'nikov S.P., Klimenko O.A., Mirzoyev A.K., Tret'yakov I.L. Zhan-Zhak Russo i Dzhon Lokk: nekotoryye idei o suverenitete i yestestvennom prave (Jean-Jacques Rousseau and John Locke: some ideas about sovereignty and natural law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 5, pp. 173-179.
18. Spinoza B. Izbrannyye proizvedeniya (Selected works). T. I. Moscow, 1957.
19. Berges A. Der freie Wille als Rechtsprinzip. Untersuchungen zur Grundlegung des Rechts bei Hobbes und Hegel, Hamburg, Felix Meiner Verlag, 2012.
20. Güngören B. Die Bedeutung von Hegels Spinoza – Lektüre für seine Staats- und Rechtstheorie, Berlin, Logos Verlag, 2011.
21. Senn M. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesischen Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Eine Einführung mit Quellenmaterial, Zürich, Dike Verlag, 2012.
22. Walther M. Institution, Imagination und Freiheit bei Spinoza, *Politische Institutionen im Gesellschaftlichen Umbruch. Opladen: Westdeutscher Verlag*, 1990, pp. 246-275.
23. Walther M. Politische und ethische Freiheit oder Spinozas Dialektik der Freiheit, *Ethik, Recht und Politik bei Spinoza*, Zürich, Schultess, 2001, pp. 89-103.

УДК 340.1+34(091)

**ИДЕЯ СВОБОДЫ КАК ПРЕДПОСЫЛКА
СТАНОВЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СУВЕРЕНИТЕТА В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

ЗОРИНА Наталья Владимировна

*адвокат Коллегии адвокатов «Санкт-Петербургская Адвокатская Коллегия Нарышкиных», г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: Maxsh777@mail.ru*

ИСМАГИЛОВ Игорь Рашидович

*юрист по корпоративному праву компании Eurasian Resources Group, Люксембург.
E-mail: ismagilovir@gmail.com*

КЛИМЕНКО Оксана Алексеевна

сотрудник факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, г. Орел, Россия. E-mail: oksikgol@mail.ru

**THE IDEA OF FREEDOM AS A
PREREQUISITE FOR THE FORMATION
OF THE CONCEPT OF STATE
SOVEREIGNTY IN THE LATE
MIDDLE AGES**

ZORINA Natalya Vladimirovna

*Attorney at the Bar Association "St. Petersburg Bar Association of the Naryshkiny",
St. Petersburg, Russia.
E-mail: Maxsh777@mail.ru*

ISMAGILOV Igor Rashidovich

*Corporate Lawyer of the Eurasian Resources Group, Luxembourg.
Email: ismagilovir@gmail.com*

KLIMENKO Oksana Alekseevna

*Employee of the Faculty of Training Investigators of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Oryol, Russia.
E-mail: oksikgol@mail.ru*

На основе естественно-правовой парадигмы в эпоху позднего Средневековья впервые разрабатывается понятие суверенитета, которое можно рассматривать как экстраполяцию понятия свободы воли на уровень политического образования, при том, что само понятие свободы трактуется, прежде всего, в аспекте субъектности, т.е. самоопределяемости, самоограничения и саморазвития общества как единого политического актора.

Ключевые слова: Марсилиус Падуанский, Макиавелли, Боден, Гегель, свобода, субъектность, суверенитет.

On the basis of the natural law paradigm in the late Middle Ages, the concept of sovereignty is developed for the first time, which can be seen as an extrapolation of the concept of free will to the level of political education, despite the fact that the very concept of freedom is interpreted primarily in the aspect of subjectivity, id est. self-determination, self-restraint and self-development of society as a single political actor.

Key words: Marcilius Patavensis, Machiavelli, Bodin, Hegel, freedom, subjectivity, sovereignty.

Г.В.Ф. Гегель, философия права которого представляет собой вершину и своего рода итог истории политико-правовой мысли Античности, Средневековья и Нового времени, размышляя над природой государства, дал ему наиболее емкую характеристику: «государство – не механизм, а разумная жизнь самосознающей свободы, система нравственного мира» [3, с. 299].

В этой выразительной характеристике стоит сделать акцент на понимании государства как «самосознания свободы». Тогда становится понятным, почему в своем учении Гегель подчеркивал такое качество государства как субъективность, которую он понимал как его самоопределяемость, самодостаточность и внутреннюю содержательность. Опираясь на такое понимание сущности государства, следует не «минимизировать» его участие в жизни обще-

ства, как это предлагалось делать в нашем недавнем прошлом, а наоборот, рассматривать его наряду с личностью и семьей как высшую социальную ценность [7, с. 138-143].

В своей трактовке государства как «разумной жизни самосознающей свободы» Гегель находит средства для выражения именно субъектной стороны права и государства [17, с. 7-13]. Для Гегеля эта субъективность государства реализуется, во-первых, в его суверенитете, а во-вторых, персонализируясь в личности монарха – главы государства. По Гегелю, монарх является олицетворением суверенитета, а, следовательно, олицетворением и до известной степени воплощением субъектности самого государства: «Суверенитет, представляющий собой сначала только всеобщую мысль этой идеальности, существует только как уверенная в самой себе субъективность и как абстрактное и тем самым не имеющее основания самоопределение воли, от которого зависит окончательное решение. Это — индивидуальное в государстве как таковое, и само государство лишь в этом индивидуальном есть одно» [3, с. 318]. Гегель рассматривает «субъективность как вершину государства в лице монарха» [3, с. 356]. Здесь целостность единства и многообразия, всеобщего и единичного в социально-политической жизни получает свое всестороннее развитие, будучи сфокусировано в понятие свободы воли [6, с.192-194].

Генезис понятия суверенитета, в таком, классическом, его истолковании, заключал в себе синтез понятий свободной воли и субъектности политического актора. Не случайно, что основные элементы этих понятий мы встречаем уже на самых первых этапах становления понятия суверенитета: у Марсилия Падуанского и у Никколо Макиавелли [5; 8; 9; 13; 16].

Идея свободной воли как правового принципа позднего Средневековья имеет своей теоретической предпосылкой античную идею свободного человека, реализующего себя как субъекта свободы в правовом пространстве города-государства и посредством этого органично вписанного в гармонию космического порядка. В христианском мышлении Бог и человек впервые понимаются как личность. Два основных направления средневековой схоластики: интеллектуализм (Фома Аквинский) и волюнтаризм (Иоанн Дунс Скотт), исходя из особенностей своей онтологии и вписанной в нее модели трактовки естественного закона, сформировали соответствующие альтернативные модели в политико-правовом мышлении [15, с.19-25].

Различие в признании приоритета разума (интеллекта) или воли в изначальном моменте существования мира, т.е. в моменте его сотворения, в сфере правовых понятий проявлялось в том, что право могло рассматриваться либо как один из вариантов проявления всеобщей истины, существующей по форме разума, либо как нечто производное от изначального импульса к реализации этой истины в практической форме в Божественной воле. В волюнтаристских концепциях Средневековья в качестве исходного начала определения личности как субъекта права принимается идея свободной воли. Позднее, в эпоху Нового времени, эта идея в своем секуляризованном виде будет воспринята теоретико-правовым мышлением Нового времени в качестве высшего правового принципа.

Результат волюнтаристского подхода можно видеть и в новоевропейской идее государственного суверенитета, начало которой также было заложено еще в Средние века, а именно Марсилием Падуанским (1280–1343) в его работе «Защитник мира». Марсилием видят в человеческом праве, прежде всего, воплощение воли разумного и справедливого законодателя, который обладает при этом всеми материальными средствами для того, чтобы заставить подчиняться своей воле. Закон лишь тогда соответствует своему понятию, когда он «может быть рассмотрен в качестве принудительного предписания, составленного в этом мире из наказания и вознаграждения в целях его (закона) соблюдения; или еще в виде того, что он дает посредством такого предписания» [12, с.110].

При этом законотворчество не может продуктом волевого акта одного человека или даже группы людей, если их воля не подчинена интересам всеобщего блага [12, с.128-129]. Напротив, источником закона может быть только коллективная воля всех граждан: «право

издавать человеческие законы принадлежит только всем гражданам или преобладающей их части ... Эта совокупность граждан или же ее преобладающая часть, которая представляет всех их ..., только совокупности граждан или ее преобладающей части принадлежит право устанавливать и издавать законы [12, с.127]. Таким образом, право создавать и утверждать законы принудительным предписанием их соблюдения принадлежит только общей массе граждан или ее преобладающей части ... Или же это право принадлежит тому или тем, кому граждане его доверили» [12, с.138].

Однако не всякое выражение коллективной воли граждан может рассматриваться как закон, но лишь такое, которое выражает сущность справедливости. В трактовке пути человека к познанию справедливости Марсилиус отходит от принятой в его время ссылки на божественное откровение. Он, скорее, склонен ссылаться на исторически сложившиеся обычаи и традиции, поддерживаемые властью, тем самым в определенной мере предвосхищая те положения Монтескье, которые были сформулированы французским автором спустя четыре столетия после выхода в свет труда Марсилиуса Падуанского [12, с.111].

Динамика общественной жизни в эпоху позднего Средневековья все более способствовала распространению в обществе культа свободной воли, пока он не получил своего яркого апологета в лице Николло Макиавелли (1469–1527), апеллировавшего к образу сильного государя, своей волей создающего царства из разрозненных феодальных полугосударственных образований.

Если для средневекового итальянца Марсилиуса Падуанского образ суверенитета еще ограничен политическим пространством позднесредневекового города-государства и еще подобен гомункулу, выведенному в реторте алхимика, то для итальянца эпохи Возрождения Николло Макиавелли опыт суверенного самоопределения города-государства актуален уже для его предполагаемого распространения на крупное территориальное образование (флорентийский мыслитель стремился к идеалу объединенной Италии). И в качестве своего рода теоретического итога становления единой нации, формирующейся из населения множества графств, герцогств и городских общин, выступило учение француза Жана Бодена о народе как источнике суверенитета крупного общенационального государства.

Макиавелли решительно расходится со средневековыми схоластами, прежде всего, в вопросе о влиянии Божественной воли на политику и право. Согласно Макиавелли Бог не правит людьми непосредственно, он лишь по-разному влияет на волю людей в зависимости от их религиозных представлений [11, с.131]. Тем самым Макиавелли делает заметный шаг к признанию основного тезиса Нового времени о свободе воли человека как основном правовом принципе и о государственной воле как совокупности индивидуальных волей индивидов.

Автор «Государя» исходит из того, что в реальном обществе люди в основном оказываются недобродетельными, вместо стремления к справедливости в них доминирует стремление к власти. На основе такого восприятия зарождается понимание того, что это естественное стремление людей к политическому доминированию должно быть введено в рамки рационально организованной политической власти и права. Таким образом, могли быть долговременно гарантированы надежность и стабильность государства по отношению к нарушающим спокойствие попыткам нелегитимной узурпации власти. Для этого легитимный правитель должен монополизировать власть в своих руках. При этом его собственный интерес к власти играет ведущую роль, так как с его пресечением, неизбежно погибнет и само государство. Для Макиавелли очевидно, что воля народа должна быть сконцентрирована в фигуре единого монарха, способного противостоять как центробежным тенденциям в противоречивых процессах национального становления, так и власти феодалов, объективно персонализирующих эти тенденции. Поэтому первоначально идея национального суверенитета не могла не корреспондировать идее абсолютной монархии.

В этом контексте свободная воля монарха, согласно Макиавелли, также является источником национального суверенитета, как и воля народа. Такая точка зрения стала результатом исторического подхода флорентийского мыслителя, считавшего, что без участия воли сильного политика из «лоскутного» феодального общества не может сложиться единого государства. «Творение Макиавелли останется в истории важным показанием, которое он засвидетельствовал пред своим временем и своей собственной верой, что судьба народа, стремительно приближающегося к политическому упадку, может быть предотвращена только волей гения», – комментирует этот ход мысли Макиавелли Г.В.Ф. Гегель [2, с.154].

В другом месте немецкий ученый дает сходную интерпретацию учению Макиавелли о становлении суверенного государства и о политической воле, реализующей тенденцию этого становления: «Это государство есть простой абсолютный дух, который знает самого себя и для которого не имеет силы ничто, кроме него самого, – не имеет силы понятие о хорошем и дурном, позорном и подлом, о коварстве и обмане; он выше всего этого, ибо зло примирено в нем с самим собой. В этом высоком духе написан «Государь» Макиавелли, согласно которому при конституировании государства то, что называется убийством, коварством, бесчеловечностью и т. д., не имеет значения зла, а имеет значение примиренного с самим собой ... Благодаря тирании произошло непосредственное отчуждение действительно единичной воли – она научилась повиновению» [2, с. 358-359].

Классическая традиция понимания сущности суверенитета, с учетом различий суверенитета народа и суверенитета государя, стал Жан Боден, который, собственно, и ввел в научный оборот понятие суверенитета как строго определенной научной категории. Боден трактовал суверенную политическую власть как необходимое качество атрибута государства, без которого никакое политическое объединение не может быть названо государством. Как и Макиавелли, Боден отстаивал абсолютистскую трактовку идеи суверенитета. В его понимании суверен должен объединить в своих руках законодательную, исполнительную и судебную власти, выработать и проводить внешнюю политику.

Согласно Бодену, вся суверенная власть проистекает от общего интереса или «благоразумия» во имя государства. Носитель высшей государственной власти несет ответственность за соблюдение общих государственных интересов так же, как и за соблюдение законов Божьих и естественных законов. Его поступки измеряются не только по тому, насколько они полезны и успешны, как считал Макиавелли, ведь, для того, чтобы быть успешными, они должны следовать институциональной обязанности, которая, в свою очередь, должна соответствовать принципам естественного права и заповедям Божьим. Как нам представляется, здесь в самой теории суверенного абсолютизма заложена возможность перехода к идее конституционной монархии.

Понятие суверенитета, сформулированное Боденом, стало действительной основой теории государства Нового времени [10, с. 22-26]. Власть, суверенитет для мыслителя – не просто атрибут государя, но сама субстанция, само определение государства. И если концепция «сильного государства» Николло Макиавелли развивается, прежде всего, в плане факта, то концепция Жана Бодена переносит нас в план легитимности и представляет собой теоретическую систему категорий и понятий, сконцентрированных вокруг понятия суверенитета. Эта система от Гоббса к Руссо, от Локка к Монтескье, от Канта к Гегелю, будет впредь развиваться и совершенствоваться.

Вместе с тем, как нетрудно заметить, что вопрос о власти суверена с необходимостью подразумевает и два других существенно важных общетеоретических вопроса: вопрос о субъекте этой власти и вопрос о свободе волевых оснований реализации им своей субъектности в процессе применения власти. Однако решение этих вопросов составило уже не предпосылку, а результат развития теоретико-правовой мысли Нового времени.

Возвращаясь к вопросу о генезисе новоевропейского понятия свободной воли в лоне средневековой философско-правовой мысли, следует отметить, что здесь теория со всей очевидностью шла на опережение практики. Фома Аквинский, Иоанн Дунс Скот или Марсилиус Падуанский, как и прочие крупные средневековые мыслители, могли рассуждать о свободе, как о всеобщем источнике права и государственной власти, поскольку в их творчестве в полной мере сохранялась интеллектуальная связь с античной наукой, с ее идеей полисной свободы, и тем более с христианской патристикой, культивировавшей идею абсолютной свободы как высшего дара Бога человеку.

Однако в практике государственного строительства, в экономической, политической и повседневной жизни феодальной Европы отсутствовали условия для формирования представления о свободе в качестве факта общественного сознания. Поэтому идеи свободы воли, доставшиеся в наследство от прошлых веков, не могли казаться чем-либо иным, кроме как комбинацией отвлеченных категорий, плодом утонченной игры ума, или же исключительной принадлежностью богословского содержания.

Здесь нужно отметить, что только в Новое время, под влиянием духа капитализма, разрушавшего все межсословные перегородки, когда общественное признание личной свободы человека, предлагающего на рынке свою способность к труду, было необходимым условием воспроизводства капиталистического способа производства, формируется представление об свободной воле абстрактной личности. Согласно этому представлению, человек свободен делать все, что не запрещено правовыми нормами. При этом существуют специальные права и свободы в сфере экономики или личной жизни, которые законодатель имеет право ограничить только в случае существования особых предпосылок и условий.

В эпоху Нового времени, когда в науке утверждается деизм, признающий две истины – научную и богословскую, прямая апелляция к Божественной воле и любви в теоретико-правовых текстах оказывается под своего рода негласным запретом как несоответствующая идеалам научности. Тогда воля индивида в некотором роде предоставляется самой себе, определяется, поэтому, как «свободная» воля и в таком качестве оказывается в состоянии выполнять в теории функции «начала» обоснования права. Свободная воля человека становится определяющей категорией для различия добра и зла, справедливости или несправедливости закона [4, с.107-126]. Разрыв с Богом в теологической форме или с Абсолютом в философской форме, который осуществил материализм Т. Гоббса и Дж. Локка, разрушил все преграды для того, чтобы объявить свободную волю человека единственным источником права и этики, а коллективную волю народа – единственным источником суверенитета и конституции государства. Оценивая значение Нового времени для развития общества, проф. Ф.М. Раянов пишет: «развитый западный мир еще со времен наступления Нового времени твердо стал на обществоведческий подход в организации жизнедеятельности людей. Суть его сводится к тому, что люди еще с периода их естественного состояния объективно стремятся к организации совместной жизнедеятельности. В процессе организации совместной жизнедеятельности также объективно формируются определенные базовые принципы, без которых совместная жизнь людей просто невозможна» [14, с.10]. В другой работе, выполненной Ф.Х. Галиевым и Ф.М. Раяновым, также утверждается, что «теперь уже известно всему миру и то, что именно труды Д. Локка легли в основу Декларации независимости США, а также и Конституции США. Именно поэтому, то есть благодаря первоначальному правильному определению взаимоотношения между обществом и властью, сегодня США являются одним из самых развитых государств мира. Да и самого Д. Локка в США до сих пор глубоко уважают и ценят» [1, с. 30]. Подобного рода взаимоотношения между обществом и государством должны быть созданы во всех государствах мира.

Библиографические ссылки

1. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Башк. энцикл., 2018.
2. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М. : Наука, 1978.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
4. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М. : Юрлитинформ, 2019.
5. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Суверенитет как выражение свободы воли общества: концепция Марсилия Падуанского // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 4. С. 173-179.
6. Исмагилов И.Р. Понятие свободы в системе правовых категорий «Философии права» Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. 2016. № 11. С. 192-195.
7. Исмагилов И.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Гегель о суверенитете как конституционной ценности // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности : материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 138-144.
8. Клименко О.А. Идея государственного суверенитета и ее формирование от античности и средневековья до исходных начал Никколо Макиавелли и Жана Бодена // Мир политики и социологии. 2014. № 11. С. 90-94.
9. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 22-29.
10. Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 22-27.
11. Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений. СПб. : Издательский Дом СПбГУ, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2007.
12. Марсилиус Падуанский. Защитник мира. *Defensor pacis* / пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. М. : Дашков и Ко, 2014.
13. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. 2013. № 11. С. 149-157.
14. Раянов Ф.М. Основные методологические проблемы современной отечественной юридической науки // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 2 (48). С. 7-13.
15. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 19-26.
16. Тарасова Т.А. Становление форм государства и оптимальные способы управления обществом (через призму учения Н. Макиавелли) // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 45-50.
17. Хабибуллин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 8. С. 7-13.

References

1. Galiyev F.Kh., Rayanov F.M. *Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspekt* (Social Studies in the XXI Century: Theoretical and Legal Aspect), Ufa, Bashk. entsikl., 2018.
2. Gegel' G.V.F. *Politicheskiye proizvedeniya* (Political works), Moscow, Nauka, 1978.
3. Gegel' G.V.F. *Filosofiya prava* (Philosophy of law), Moscow, 1990.
4. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. *Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulyativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava* (Logos of law: Par-

menides – Hegel – Dostoevsky. To the question of speculative-logical foundations of the metaphysics of law), Moscow, Yurlitinform, 2019.

5. Zorina N.V., Klimenko O.A., Mirzoyev A.K. Suverenitet kak vyrazheniye svobody voli obshchestva: kontseptsiya Marsiliya Paduanskogo (Sovereignty as an expression of the free will of society: the concept of Marsilius of Padua), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2019, No. 4, pp. 173-179.

6. Ismagilov I.R. Ponyatiye svobody v sisteme pravovykh kategoriy «Filosofii prava» G.V.F. Gegelya (The concept of freedom in the system of legal categories “Philosophy of Law” by G.W.F. Hegel), *Mir politiki i sotsiologii*. 2016. No. 11. pp. 192-195.

7. Ismagilov I.R., Klimenko O.A., Mirzoyev A.K. Gegel' o suverenitete kak konstitutsionnoy tsennosti (Hegel on sovereignty as a constitutional value), *Metodologiya sovremennogo konstitutsionalizma: konstitutsionalizatsiya pozitivnogo prava; konstitutsionnaya aksiologiya proporsional'nosti, materialy XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po konstitutsionnomu pravu*, Sankt-Peterburg, 20-22 maya 2016 g., pod obshch. red. A.A. Liverovskogo, V.P. Sal'nikova, St. Petersburg, Fond «Universitet», Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet, 2017, pp. 138-144.

8. Klimenko O.A. Ideya gosudarstvennogo suvereniteta i yeye formirovaniye ot antichnosti i srednevekov'ya do iskhodnykh nachal Nikkolo Makiavelli i Zhana Bodena (The idea of state sovereignty and its formation from antiquity and the Middle Ages to the initial principles of Niccolo Machiavelli and Jean Bodin), *Mir politiki i sotsiologii*, 2014, No. 11, pp. 90-94.

9. Klimenko O.A., Mirzoyev A.K. Razvitiye ponyatiya suvereniteta ot Marsiliya Paduanskogo do Gegelya (The development of the concept of sovereignty from Marcilius Patavensis to Hegel), *Yuridicheskaya nauka*, 2016, No. 3, pp. 22-29.

10. Klimenko O.A., Mirzoyev A.K., Tret'yakov I.L. Politicheskaya kontseptsiya absolyutnogo suvereniteta Marsiliya Paduanskogo i Zhana Bodena v kontekste sinkretizma sovremennoy pravovoy kul'tury (The political concept of absolute sovereignty of Marcilius Patavensis and Jean Bodin in the context of syncretism of modern legal culture), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 3, pp. 22-27.

11. Kozlikhin I.Yu., Polyakov A.V., Timoshina Ye.V. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy (History of political and legal doctrines), St. Petersburg, Izdatel'skiy Dom SPbGU, Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta SPbGU, 2007.

12. Marsiliy Paduanskiy. Zashchitnik mira. Defensor pacis (Defender of the world. Defensor pacis), per. s frants. B.U. Yesenova; nauch. red., vstup. st., primech. G.P. Lupareva. Moscow, Dashkov i Ko, 2014.

13. Mirzoyev A.K. Suverenitet: genezis i kontseptual'naya evolyutsiya predstavleniy v politiko-pravovoy nauke (iskhodnyye nachala – Nikkolo Makiavelli i Zhan Bodin) (Sovereignty: the genesis and conceptual evolution of ideas in political and legal science (the initial principles are Niccolo Machiavelli and Jean Bodin)), *Mir politiki i sotsiologii*. 2013, No. 11, pp. 149-157.

14. Rayanov F.M. Osnovnyye metodologicheskiye problemy sovremennoy otechestvennoy yuridicheskoy nauki (The main methodological problems of modern domestic legal science), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2017, No. 2 (48), pp. 7-13.

15. Sal'nikov V.P., Ismagilov R.F., Sal'nikov M.V. Platon, Aristotel', Foma Akvinskiy i ideya spravedlivosti v yestestvenno-pravovoy traditsii (Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural legal tradition), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 9, pp. 19-26.

16. Tarasova T.A. Stanovleniye form gosudarstva i optimal'nyye sposoby upravleniya obshchestvom (cherez prizmu ucheniya N. Makiavelli) (Formation of state forms and optimal ways of managing society (through the prism of the teachings of N. Machiavelli)), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 7, pp. 45-50.

17. Khabibulin A.G. Politicheskaya sub'yektnost' i ideologiya kak tsennostnyye svoystva gosudarstva (Political subjectivity and ideology as the value properties of state), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2012, No. 8, pp. 7-13.

Дата поступления: 14.10.2019

Received: 14.10.2019

УДК 340.1+34(091)

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ЛИЧНОСТИ НА ТРАНСПОРТЕ
В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО
ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТА**

ПРОШНИКОВ Денис Владимирович

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, история права и международное право» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия.
E-mail: dv-iroshnikov@mail.ru*

Роль транспорта в жизни общества сложно переоценить. Сегодняшний высокий ритм жизни, особенно ощущаемый в крупных городах и мегаполисах, предъявляет новые требования к мобильности человека. В этой связи с учетом развития технологий, становятся популярными ранее неизвестные транспортные решения. В частности, широкое использование в различных странах мира приобретает индивидуальный электротранспорт (сегвей, гироскутер, электросамокат, моноколесо и т.п.). Количество таких транспортных средств растет в геометрической прогрессии, а поскольку любое транспортное средство является источником повышенной опасности – безопасности личности на транспорте следует уделить особое внимание, причем не только на практике, но и в теории. На основе анализа действующего российского и зарубежного законодательства, материалов судебной практики, а также российских и зарубежных научных источников в статье анализируются правовые проблемы обеспечения безопасности личности при использовании индивидуального электротранспорта. В заключение на основе обобщения научных и нормативных источников обосновываются изменения в действующее законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: безопасность личности, дорожного движения; правила, пешеход, индивидуальный электротранспорт, электросамокат, сегвей, гироскутер, моноколесо.

**LEGAL PROBLEMS OF ENSURING
PERSONAL SAFETY IN TRANSPORT IN
THE CONDITIONS OF USING
INDIVIDUAL ELECTRIC TRANSPORT**

IROSHNIKOV Denis Vladimirovich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Theory of Law, History of Law and International Law of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT). Moscow, Russia. E-mail: dv-iroshnikov@mail.ru

The role of transport in society is difficult to overestimate. Today's pace of life, especially felt in large cities and megacities, makes new demands on human mobility. In this regard, previously unknown transport solutions are becoming popular. Individual electric vehicles are widely used in different countries of the world (Segway, gyroscope, electric scooter, monocycle, etc.). The number of such vehicles is growing exponentially, and since any vehicle is a source of increased danger personal safety in transport should be given special attention, not only in practice, but also in theory. On the basis of the analysis of the current Russian and foreign legislation, materials of judicial practice, as well as Russian and foreign scientific sources, the legal problems of ensuring personal safety when using individual electric transport are analyzed. In conclusion, on the basis of generalization of scientific and regulatory sources, the amendments to the current legislation of the Russian Federation are substantiated.

Key words: personal safety, traffic safety, traffic rules, pedestrian, individual electric transport, electric scooter, Segway, gyroscope, monocycle.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-011-00658 «Транспортная безопасность: теоретико-правовые основы, административно-правовые и уголовно-правовые средства обеспечения в Российской Федерации»

Сегодня на российский рынок уверенно выходят такие транспортные средства, как сеговей, гироскутер, электросамокат, моноколесо и т.п. Несмотря на то, что «российский рынок электротранспорта индивидуального пользования является относительно молодым по отношению к зарубежному» [12, с. 10], в крупных городах использование такого транспорта существенно увеличивается с каждым днем.

При таком массовом использовании индивидуального электротранспорта в городах (с преимущественным движением по тротуарам) остро встает вопрос о безопасности других участников дорожного движения, в частности – пешеходов. И уже зафиксированы случаи наезда на пешеходов, повлекшие вред здоровью разной степени тяжести.

Нам представляется, что в рамках обеспечения безопасности личности при использовании индивидуального электротранспорта можно выделить два аспекта:

- обеспечение безопасности лица, управляющего такими транспортными средствами;
- обеспечение безопасности пешеходов и иных участников дорожного движения, а также третьих лиц (не являющимися участниками дорожного движения), которые могут пострадать от использования таких транспортных средств.

Категория «третьи лица» была употреблена нами не случайно в рамках справедливого замечания А.И. Чучаева и А.Ю. Пожарского о том, что «понятие «участник дорожного движения» не охватывает весь круг лиц, которые могут быть потерпевшими в автотранспортном преступлении, например при наезде на лиц, сидящих на скамейке у подъезда, и причинении предусмотренного уголовным законом вреда жизни или здоровью» [13, с. 18].

На сегодняшний день правовой статус индивидуального электротранспорта определен в России весьма неоднозначно. Действующие правила дорожного движения специально не относят данные транспортные средства к какому-то отдельному виду транспорта.

В легальном определении пешехода, закрепленном в Правилах дорожного движения, фигурирует фраза, что «к пешеходам приравниваются лица ... использующие для передвижения роликовые коньки, самокаты и иные аналогичные средства» [1]. Это дало основание ГИБДД занять позицию по признанию лиц, управляющих электросамокатами и иными аналогичными транспортными средствами пешеходами. Так, на запрос депутата Государственной Думы А.Н. Васильева ГИБДД дала толкование правилам дорожного движения, приравняв тех, кто управляет сеговеями, гироскутерами, моноколесами и прочими колесными устройствами к пешеходам [11].

Аналогичную позицию занимают некоторые ученые. В частности, Г.Ш. Аюпова и И.С. Макеева однозначно отнесли к пешеходам лиц, управляющих данными транспортными средствами [8, с. 7].

Однако на практике все не так однозначно. Как показывает анализ сложившейся судебной практики, на определение правового статуса лица, управляющего таким транспортным средством, влияют технические характеристики транспортного средства и в частности – мощность электродвигателя. То есть при определенных условиях электросамокат может быть признан мопедом. Однако и в данном отношении судебная практика не всегда однозначна.

Так, Головинский районный суд г. Москвы в деле о наезде на пешехода признал электросамокат транспортным средством, а лицо, управляющее им, соответственно, водителем транспортного средства и привлек данное лицо к административной ответственности [7], однако вопрос о технических характеристиках самоката и мощности его двигателя в судебном акте не затрагивался.

Хамовнический районный суд города Москвы признал, что мировой судья обоснованно пришел к выводу, что водитель, управлявший электросамокатом, технические характеристики которого соответствуют виду транспортного средства «мопед», является водителем, то есть надлежащим субъектом административной ответственности [5].

При этом в судебной практике существует и принципиально иная позиция. Так, в апелляционном определении Ленинского районного суда г. Кемерово судьи пришли к выводу, что «с учетом норм Федерального закона от 09.02.2007 года № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (ст. 1), Федерального закона от 10.12.1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (ст. 2), Правил дорожного движения в Российской Федерации (преамбула Правил), лица, использующие роликовые коньки, самокаты и другие аналогичные средства (по совокупности эксплуатационных и технических характеристик к ним могут быть отнесены, в частности, сегвеи, гироскутеры, моноколеса, электрические самокаты), являются пешеходами, т.е. законодательством РФ перечисленные средства передвижения не признаны транспортными средствами» [4].

Постановление Верховного суда Удмуртской Республики представляет особый интерес, поскольку в нем затрагивается спор между лицом, управлявшим электросамокатом, оснащенным электродвигателем номинальной мощностью 0,25 кВт, технические характеристики которого (по его мнению) не позволяют отнести его к мопедам и мировым судьей, а также судьей районного суда (решение которых обжалуется) о том, что данное транспортное средство может быть отнесено к мопедам согласно Правилам дорожного движения [6].

Приходится согласиться с мнением И.Л. Буровой и М.В. Рудова, которые указывают на имеющиеся проблемы о возможности привлечения собственников электросамокатов и лиц, которые управляют такими видами транспортных средств, к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения [9, с. 91].

Рассмотрим понятие «мопед», содержащееся в Правилах дорожного движения: «двух- или трехколесное механическое транспортное средство, максимальная конструктивная скорость которого не превышает 50 км/ч, имеющее двигатель внутреннего сгорания с рабочим объемом, не превышающим 50 куб. см, или электродвигатель номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт» [1].

Под данное определение мопеда теоретически могут попадать такие типы индивидуального электротранспорта, как сегвей, гироскутер и электросамокат. Однако, за скобками данного определения остается моноколесо, которое не подпадает под данное определение по количеству колес. При этом моноколесо сегодня также весьма распространено в качестве индивидуального электротранспорта.

Безусловное признание, например, электросамокатов с двигателем, мощностью более 0,25 кВт мопедами влечет за собой то обстоятельство, что водители данных транспортных средств, в соответствии с п. 24.7 Правил дорожного движения должны двигаться по правому краю проезжей части в один ряд либо по полосе для велосипедистов. Отсюда следует, что использование таких транспортных средств, для движения по тротуарам и пешеходным дорожкам запрещено.

При этом нам представляется, что здравый смысл не позволяет обязать водителя электросамоката передвигаться по краю проезжей части. Малый диаметр колеса, неглубокий рисунок протектора покрышки, малый вес электросамоката, на наш взгляд, не позволяют безопасно эксплуатировать такое транспортное средство на дорогах общего пользования. Так, разлитое масло, грязь и слякоть на обочине дороги, камень или иные посторонние предметы на проезжей части, выбоины и неровности дорожного полотна, могут привести к опрокидыванию электросамоката, и наезду на его водителя других транспортных средств. Такая правоприменительная позиция скажется на безопасности водителей электросамокатов и подобных транспортных средств.

Однако при движении данных транспортных средств по тротуарам наблюдается противоположная проблема. Жителям Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов России сегодня приходится наблюдать примеры такого использования индивидуального электротранспорта, которое не может гарантировать безопасность пешеходам, а именно: управление несовершеннолетними, а также лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, передвижение на предельных скоростях в плотном потоке людей (в том числе детей) на тротуарах, во дворах, парках и скверах. В этой связи не исключены случаи наезда на пешеходов и встает вопрос о безопасности иных участников дорожного движения.

Но есть и другая крайность – жители мегаполиса нередко приняв свой электротранспорт за быстрый способ добраться до места назначения – выезжают на проезжую часть и движутся на моноколесе или же электросамокате в плотном автомобильном потоке. В итоге водителю, который совершит дорожно-транспортное происшествие с таким участником дорожного движения, возможно придется доказывать в суде вину пешехода, особенно если мощность двигателя или количество колес (в случае с моноколесом) не позволят отнести данные средства передвижения к транспортным средствам.

В зарубежных научных статьях можно найти результаты статистических исследований травм, полученных при управлении сегвеями и другими аналогичными транспортными средствами. Одни зарубежные ученые пришли к выводу, что тяжесть травмы у ряда пациентов, получивших травмы при использовании самобалансирующегося персонального транспорта, является значительной [23, р. 370]. Другие исследователи отмечают, то подобно пешеходам и велосипедистам, скутеристы являются уязвимыми участниками дорожного движения и, как ожидается, получают серьезные травмы во время дорожно-транспортных происшествий [22, р. 115-116]. По мнению третьих – необходимо обеспечить, чтобы прокатчики предоставляли достаточные инструкции по технике безопасности и оборудование для людей, которые не знакомы с поездкой на сегвеях [19, р. 203-205]. Согласно результатам исследования японских ученых, касающегося возможным ущербам пешеходов, причиненных наездами индивидуального электротранспорта, эксперименты, основанные на особенностях человеческого восприятия, показали, что пешеходы проявляют высокую чувствительность к приближающимся к ним объектам спереди и низкую чувствительность к приближающимся объектам сзади [26, р. 266].

Рассмотрим позиции зарубежных исследователей по вопросам регулирования использования индивидуального электротранспорта.

Авторы научной статьи «Разнообразие "пешеходов на колесах", новой проблемы для городов в 21 веке» отмечают, что быстрое распространение и растущая тенденция новых моделей пешеходной мобильности в городах наряду со слабой правовой ситуацией с точки зрения регулирования вызывает определенные проблемы. По их мнению, мобильные электронные транспортные средства наделяют эксплуатирующего их человека промежуточным статусом между пешеходами и автомобилями [20, р. 360].

Исследователи предложили классификацию данных средств на основе их максимальной скорости, дистанции, веса и наличия опасных углов, которые могут нанести вред людям в случае аварии. В зависимости от этого планируется определить разрешенную зону их использования (тротуар, велосипедная дорожка, автомобильная дорога). В заключение научной статьи ученые предлагают законодательно урегулировать обучение лиц, управляющих данными транспортными средствами, в том числе получения водительских прав для управления некоторыми их типами, а также урегулировать их использование в зависимости от различных типов, в том числе место их использования (выделенная полоса движения, проезжая часть или тротуар) и максимальную скорость движения [20, р. 367].

Необходимо обратить внимание на опубликованный в 2017 году исследовательский отчет на тему «Правила и безопасность для электрических велосипедов и других маломощных транспортных средств», подготовленный компанией ViaStrada Limited, которая была

нанята транспортным агентством Новой Зеландии для проведения данного исследования. Документ состоит из 182 страниц, включая графики, таблицы, схемы и диаграммы [24].

Были проведены исследования 57 моделей электросамокатов и подобных транспортных средств известных брендов, в том числе по максимальной скорости и мощности двигателя. Согласно представленной таблице, большинство представленных в исследовании моделей таких транспортных средств имеют мощность более 250 Вт [24, р. 167-168], то есть по российскому действующему законодательству и практике его применения они могут быть признаны мопедами.

Относительно безопасности пешеходов комиссия приходит к выводу, о возможности улучшить дизайн пешеходных дорожек и улиц, чтобы свести к минимуму травмы из-за конфликтов с пешеходами или подъездными путями, опрокидывания, препятствий или плохого качества поверхности [24, р. 164].

Представляет интерес вопросы нормативного регулирования использования индивидуального электротранспорта в зарубежных странах.

В США законодательство об использовании индивидуального электротранспорта начало развиваться еще в начале 2000-х годов. Так, к октябрю 2003 года 45 штатов и округ Колумбия уже приняли соответствующее законодательство, разрешающее использовать данные типы транспортных средств на тротуарах. При этом многие штаты расширили зоны использования, включив в них автомобильные дороги.

Однако от штата к штату требования к эксплуатации средств индивидуального электротранспорта различались следующим образом:

- предоставление пользователям прав и обязанностей пешеходов (Коннектикут, Нью-Йорк, Монтана и др.) или прав и обязанностей велосипедистов с соответствующей разрешенной эксплуатационной инфраструктурой (Нью-Джерси, Нью-Мексико, Юта, и др.);
- требование уступить дорогу пешеходам, дать звуковой сигнал при обгоне пешеходов, и использовать более низкие скорости на тротуарах (Северная Каролина, Нью-Гэмпшир, Нью-Мексико и др.);
- требование дополнительного оборудования, такое как фонари и отражатели, в темное время суток (Нью-Гэмпшир, Нью-Мексико, Вирджиния, и др.);
- требования к пользователям подросткового возраста носить шлемы (Юта, Пенсильвания, Джорджия и др.), и аналогичное требование независимо от возраста в Нью-Джерси;
- минимальные возрастные требования (Юта, Вирджиния, Миссури и др.) [25, р. 192].

Легальное определение понятия «тихоходный электрический скутер» зафиксировано в Кодексе США (Параграф 2085 главы 47 «Безопасность потребительских изделий») и означает двух- или трехколесное транспортное средство с работающими педалями и электродвигателем мощностью менее 750 Вт (1 л.с.), чья максимальная скорость на асфальтированной поверхности, когда она приводится в действие только таким двигателем, в то время как на ней ездит оператор, который весит 170 фунтов (ок. 77 кг – примечание авт.), составляет менее 20 миль в час (ок. 32 км/ч – примечание авт.) [14]. При этом под данное определение подпадает только электровелосипед (ввиду признака наличия педалей).

Правила дорожного движения Великобритании разрешают передвигаться на электроскутере лицам, достигшим возраста 14 лет [15].

Согласно рекомендациям Консультативной группы по активной мобильности по правилам поведения при использовании устройств личной мобильности, предоставленных министру-координатору и министру транспорта Сингапура, для пешеходных дорожек разрешается использовать велосипеды, а также средства личной мобильности (PMD – «personal mobility devices»), но с ограничением скорости 15 км / ч. В. Для велосипедных маршрутов – разрешается использовать велосипеды, PMD и электрические велосипеды, но с ограничением скорости

25 км /ч. При этом на дорогах разрешены только велосипеды и электрические велосипеды [18]. Таким образом, езда на электросамокате по дорогам авторами документа не рекомендуется.

В пояснительном меморандуме к Директиве Европейского Парламента о внесении поправок в Директиву по страхованию гражданской ответственности за использование механических транспортных средств, и исполнение обязательства по обеспечению от такой ответственности говорится следующее: «Новые виды транспортных средств, такие как электрические велосипеды, сегвеи, электрические скутеры, уже подпадают под действие Директивы. Использование этих новых типов электромобилей в дорожном движении может привести к несчастным случаям, жертвы которых должны быть быстро защищены и возмещены. Однако действующая Директива также предоставляет государствам-членам право освобождать такие транспортные средства от страхования гражданской ответственности транспортных средств, если они сочтут это необходимым» [17]. Таким образом, государства Евросоюза самостоятельно решают вопрос о необходимости страхования гражданской ответственности водителей индивидуального электротранспорта.

Согласно Правилам ЕС № 168/2013 Европейского парламента и Совета от 15 января 2013 г. по утверждению и надзору за рынком двух- или трехколесных транспортных средств и квадроциклов одобрение типа транспортных средств, не оборудованные хотя бы одним сиденьем [16]. Отсюда можно сделать однозначный вывод, что электросамокаты без сидений не могут признаваться транспортным средством в странах ЕС.

Сравнительно-правовой анализ зарубежных нормативных правовых актов и иных официальных документов показал, что общемировая тенденция, направленная на распространение использования индивидуального электротранспорта, заставляет государства принимать меры относительно правового регулирования такого использования. При этом решается данный вопрос в разных странах по-разному, общемировой практики пока не сложилось.

Особенно следует остановиться на вопросе проката индивидуального электротранспорта посредством мобильного приложения. Правовой базой организации такого проката в Москве являются Правила эксплуатации пунктов проката самокатов, утвержденные в 2019 году соответствующим Приказом департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры г. Москвы [3], при этом первый прокат электросамокатов открылся в Москве еще в 2018 году [10].

Согласно п. 4.2. Правил, владелец пункта проката самокатов своими силами и за свой счет обеспечивает доведение до сведения пользователей пункта проката требований Правил дорожного движения Российской Федерации, правил пользования пунктами проката и самокатами, установленных владельцем пункта проката самокатов, а также информирует пользователей о мерах безопасности при эксплуатации самокатов и мерах предосторожности при участии в дорожном движении. Таким образом, информацию о том, что тот или иной самокат, предоставляемый в прокат, относится в соответствии с действующим российским законодательством к мопедам и о том, что для его управления нужны водительские права должна быть в обязательном порядке предоставлена клиенту организацией проката.

Однако на практике это может происходить далеко не так. В мобильном приложении такая информация может размещаться таким образом, что она не привлечет внимание арендатора самоката и он будет добросовестно заблуждаться, что де-юре он управляет мопедом и является потенциальным субъектом административных правонарушений. Такие случаи подтверждаются анализом судебной практики. Так, заявитель, обжалуя решение мирового судьи о привлечении его к административной ответственности за правонарушение, совершенное при управлении электросамокатом, ссылался на то, что при заключении договора аренды он не был предупрежден, что данное транспортное средство подпадает под категорию мопед [5]. При этом данный довод был отвергнут как не состоятельный, поскольку водитель в силу положений Правил дорожного движения самостоятельно должен убедиться в наличии у него

специального права на управление определенным видом транспортного средства и исполнять соответствующие обязанности, предписанные законом.

В качестве сравнительного анализа можно рассмотреть вопросы организации краткосрочной аренды самокатов в Хельсинки. В настоящее время в столице Финляндии эта услуга весьма распространена и ее масштабы значительно превышают аналогичные предложения в Москве.

По информации одного из крупнейших фирм, предоставляющих услуги такой аренды, пользователи арендованных самокатов в Хельсинки должны быть совершеннолетними в соответствии с инструкциями производителя. Компания отслеживает возраст арендатора, в том числе и через платежи по банковским картам она принимает. На сегодняшний день рассматривается необходимость для пользователя отсканировать свои водительские права перед началом поездки на электросамокате, но такая практика еще не вступила в силу [21].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день в России правовой статус индивидуального электротранспорта однозначно не определен, соответствующая правовая база его использования отсутствует, сложившаяся по данному вопросу судебная практика весьма противоречива, а в зарубежных исследованиях и законодательстве также не наблюдается единого подхода.

В этой связи представляется целесообразным внести соответствующие изменения в Правила дорожного движения, Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, в рамках которых детально урегулировать общественные отношения, связанные с использованием индивидуального электротранспорта, а именно:

1. Закрепить обобщающее понятие для таких видов транспорта, как электросамокат, сегвей, гироскутер, моноколесо и др. На сегодняшний день они подпадают под легальное определение «ИМТС – индивидуальные малые транспортные средства (самокаты, роликовые коньки, сегвей, гироскутеры, моноколеса и др.)», установленное Сводом правил «Набережные. Правила градостроительного проектирования», утвержденные соответствующим Приказом Минстроя России [2]. Однако, на наш взгляд, такое понятие не совсем корректно, так как оно объединяет в себе и механические средства передвижения (самокаты, роликовые коньки) и электротранспорт, а в свете создаваемых последним угроз безопасности, их необходимо выделить в отдельную группу транспортных средств. В этой связи предлагается понятие «индивидуальный электротранспорт». Нам представляется, что данное понятие с одной стороны – обобщит его виды (сегвей, моноколесо, электросамокат) и с другой – разграничит с иными транспортными средствами (автомобилями, мотоциклами и пр.).

2. Установить классификацию данных транспортных средств, в зависимости от их типа, мощности электродвигателя, максимальной скорости и иных оснований. Такая классификация позволит приравнять по своему правовому статусу одни транспортные средства к велосипедам, другие – к мопедам, а третьи – к механическому самокату или роликовым конькам (то есть не признавать их транспортными средствами), а лицо, управляющее ими – к пешеходу.

3. Нормативно определить минимальный возраст для управления индивидуальным электротранспортом в зависимости от его типа.

4. Определить разрешенную территорию использования в зависимости от типа индивидуального электротранспорта (тротуары, велосипедные дорожки, парки, скверы и пр.). Нам представляется, что не следует допускать их использование на дорогах общего пользования в целях обеспечения безопасности водителей таких транспортных средств. Можно также предусмотреть ограничение максимальной скорости движения (например, при движении по тротуару).

4. Зафиксировать требования к производителям и поставщикам индивидуального электротранспорта об обязательном указании на транспортном средстве его мощности двига-

теля и (или) типа, а также возможно предусмотреть требования к минимальной комплектации (фонарь, отражатели и пр.).

5. Предусмотреть различные виды юридической ответственности на различных этапах приобретения, аренды и эксплуатации индивидуального электротранспорта, начиная от ответственности производителей и поставщиков таких транспортных средств, и организаций их проката, заканчивая ответственностью лиц, управляющих такими транспортными средствами как источниками повышенной опасности.

6. Для водителей некоторых категорий индивидуального электротранспорта возможно предусмотреть добровольное страхование гражданской ответственности путем внесения соответствующих изменений в законодательство о страховании.

Такие изменения законодательства должны стать основой правового обеспечения безопасности личности при использовании индивидуального электротранспорта, причем как водителей таких транспортных средств, так и пешеходов и иных участников дорожного движения, а также третьих лиц. Только комплексное правовое регулирование, основанное на детальном анализе возможных рисков, может предотвратить угрозы безопасности личности при использовании индивидуального электротранспорта.

Библиографические ссылки

1. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 29.11.2018 N 773/пр «Об утверждении свода правил "Набережные. Правила градостроительного проектирования» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры г. Москвы от 21.06.2019 № 61-02-276/9 «Об утверждении Правил эксплуатации пунктов проката самокатов и рекомендуемой формы заявления о выдаче разрешения на размещение пункта (пунктов) проката самокатов» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Кемерово от 19 февраля 2019 г. по делу №1 1-19/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решение Хамовнического районного суда города Москвы от 4 апреля 2019 г. № 12-542/19 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Верховного суда Удмуртской Республики от 10 ноября 2015 года по делу № 4а-743 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Головинского районного суда города Москвы от 07.12.2017 по делу № 05-2186/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Аюпова Г.Ш., Макеева И.С. Особенности квалификации нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, обусловленные признаками предмета // Уголовное право. 2019. № 1.
9. Бурова И.Л., Рудов М.В. О некоторых проблемах правового регулирования новых видов транспортных средств с электродвигателем // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 2.
10. Быстро, удобно, экологично: в Москве открылся прокат электросамокатов. MOS.RU Официальный сайт Мэра Москвы. 18 мая 2018 // URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/2299/4755050>.
11. На своих двоих // Российская газета. 2017. 1 ноября.
12. Хавтаси Н.В. Анализ и тенденции развития рынка электротранспорта индивидуального пользования на B2B рынке в России // Наука, образование и культура. 2018. № 5 (29).
13. Чучаев А.И., Пожарский А.Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика : монография. М. : Проспект, 2018.
14. U.S. Code. Title 15. Commerce and trade Chapter 47. Consumer product safety. Section 2085. Low-speed electric bicycles // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/2085>.
15. Electric bikes: licensing, tax and insurance. Rules in England, Scotland and Wales. UK Government // URL: <https://www.gov.uk/electric-bike-rules>.

16. Regulation (EU) No 168/2013 Of the European Parliament and of the Council of 15 January 2013 on the approval and market surveillance of two- or three-wheel vehicles and quadricycles (Text with EEA relevance) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013R0168>.
17. Proposal for a Directive of the European parliament and of the council amending Directive 2009/103/EC of the European Parliament and the Council of 16 September 2009 relating to insurance against civil liability in respect of the use of motor vehicles, and the enforcement of the obligation to ensure against such liability. Brussels, 24.05.2018 COM (2018). 336 final. 2018/0168 (COD) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0008:FIN:EN:PDF>.
18. Recommendations on Rules and Code of Conduct for Cycling and The Use of Personal Mobility Devices. Recommendations by the Active Mobility Advisory Panel Submitted to Coordinating Minister for Infrastructure, and Minister for Transport, Mr Khaw Boon Wan on 17 March 2016 // URL: https://www.lta.gov.sg/data/apps/news/press/2016/20160317_AMAPPpanelReport%28final%29.pdf
19. D. Roider, C. Busch, R. Spitaler, H. Hertz. Segway related injuries in Vienna: report from the Lorenz Böhler Trauma Centre // European Journal of Trauma and Emergency Surgery. April 2016, Volume 42, Issue 2.
20. Delfin Jiménez, Yolanda de la Fuente, Jesús Hernández-Galán. Diversity of "Pedestrians on Wheels", New Challenges for Cities in 21st Century // Studies in Health Technology and Informatics. 2018. Volume 256: Transforming our World Through Design, Diversity and Education.
21. Erika Åkman. Sähköpotkulaudat tulevat tänään kaikkien käyttöön Helsingissä – ja sen voi jättää melkein minne tahansa // Taloussanomat. 18.03.2019 г. URL: <https://www.is.fi/taloussanomat/art-2000006038969.html>.
22. Jun Xua, ShiShang, Guizhen Yu, Hongsheng Qi, Yunpeng Wang, Shucai Xu. Are electric self-balancing scooters safe in vehicle crash accidents? // Accident Analysis & Prevention. Volume 87, February 2016.
23. Keith Boniface, Mary PatMcKay, Raymond Lucas, Alison Shaffer, Neal Sikka. Serious Injuries Related to the Segway Personal Transporter: A Case Series // Annals of Emergency Medicine. Volume 57, Issue 4, April 2011.
24. Lieswyn, J, M Fowler, G Koorey, A Wilke and S Crimp (2017) Regulations and safety for electric bicycles and other low-powered vehicles. NZ Transport Agency research report 621. New Zeland, 2017.
25. Susan A. Shaheen, Caroline J. Rodier, and Amanda M. Eaken. Improving California's Bay Area Rapid Transit District Connectivity and Access with Segway Human Transporter and Other Low-Speed Mobility Devices // Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board. Volume 1927, Issue 1, 2005.
26. Yu Hasegawa, Charitha Dias, Miho Iryo-Asano, Hiroaki Nishiuchi. Modeling pedestrians' subjective danger perception toward personal mobility vehicles // Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour. 2018. Volume 56

References

1. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 23.10.1993 No. 1090 «O Pravilakh dorozhnogo dvizheniya» (Decree of the Government of the Russian Federation of 10.23.1993 No. 1090 “On the Rules of the Road Traffic”), *SPS «Konsul'tantPlyus»*.
2. Prikaz Ministerstva stroitel'stva i zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva Rossiyskoy Federatsii ot 29.11.2018 No. 773/pr «Ob utverzhdenii svoda pravil "Naberezhnyye. Pravila gradostroitel'nogo proyektirovaniya» (Order of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation of November 29, 2018 No. 773/pr “On approval of the set of rules “Embankments. Rules of urban planning”), *SPS «Konsul'tantPlyus»*.
3. Prikaz departamenta transporta i razvitiya dorozhno-transportnoy infrastruktury g. Moskvyy ot 21.06.2019 No. 61-02-276/9 «Ob utverzhdenii Pravil ekspluatatsii punktov prokata samokatov i rekomenduyemoy formy zavavleniya o vydache razresheniya na razmeshcheniye punkta (punktov) prokata samokatov»(Order of the Department of Transport and the Development of Road Transport Infrastructure of Moscow dated 06/21/2019 No. 61-02-276/9 “On approval of the Rules for the op-

eration of scooter rental centers and the recommended application form for a permit to place a scooter rental center”), *SPS «Konsul'tantPlyus»*.

4. Apellyatsionnoye opredeleniye Leninskogo rayonnogo suda g. Kemerovo ot 19 fevralya 2019 g. po delu No. 1 1-19/2019 (Appeal ruling of the Leninsky District Court of Kemerovo on February 19, 2019 in the case No. 1 1-19/2019), *SPS «Konsul'tantPlyus»*.

5. Resheniye Khamovnicheskogo rayonnogo suda goroda Moskvy ot 4 aprelya 2019 g. No. 12-542/19 (Decision of the Khamovnichesky District Court of Moscow dated April 4, 2019 No. 12-542/19), *SPS «Konsul'tantPlyus»*.

6. Postanovleniye Verkhovnogo suda Udmurtskoy Respubliki ot 10 noyabrya 2015 goda po delu No. 4a-743 (The decision of the Supreme Court of the Udmurt Republic of November 10, 2015 in the case No. 4a-743), *SPS «Konsul'tantPlyus»*.

7. Postanovleniye Golovinskogo rayonnogo suda goroda Moskvy ot 07.12.2017 po delu No. 05-2186/2017 (The decision of the Golovinsky district court of the city of Moscow dated December 7, 2017 in the case No. 05-2186/2017), *SPS «Konsul'tantPlyus»*.

8. Ayupova G.Sh., Makeyeva I.S. Osobennosti kvalifikatsii narusheniya pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv, obuslovlennyye priznakami predmeta (Features of the qualification of violation of traffic rules and the operation of vehicles, due to the signs of the subject), *Ugolovnoye pravo*, 2019, No. 1.

9. Burova I.L., Rudov M.V. O nekotorykh problemakh pravovogo regulirovaniya novykh vidov transportnykh sredstv s elektrodvigatelem (On some problems of legal regulation of new types of vehicles with electric motor), *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Fe-deratsii*, 2019, No. 2.

10. Bystro, udobno, ekologichno: v Moskve otkrylsya prokat elektrosamokatov (Fast, convenient, environmentally friendly: electric scooter rentals have opened in Moscow), *MOS.RU Ofitsial'nyy sayt Mera Moskvy*, 18 maya 2018, URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/2299/4755050>.

11. Na svoikh dvoikh (On foot), *Rossiyskaya gazeta*, 2017, 1 noyabrya.

12. Khavtasi N.V. Analiz i tendentsii razvitiya rynka elektrotransporta individual'nogo pol'zovaniya na B2B rynke v Rossii (Analysis and development trends of the market of electric vehicles for individual use on the B2B market in Russia), *Nauka, obrazovaniye i kul'tura*, 2018, No. 5 (29).

13. Chuchayev A.I., Pozharskiy A.Yu. Transportnyye prestupleniya: ponyatiye, vidy, kharakteristika (Transport crimes: concept, types, characteristics), *Monografiya*, Moscow, Prospekt, 2018.

14. U.S. Code. Title 15. Commerce and trade Chapter 47. Consumer product safety. Section 2085. Low-speed electric bicycles, URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/2085>

15. Electric bikes: licensing, tax and insurance. Rules in England, Scotland and Wales. UK Government, URL: <https://www.gov.uk/electric-bike-rules>.

16. Regulation (EU) No 168/2013 Of the European Parliament and of the Council of 15 January 2013 on the approval and market surveillance of two- or three-wheel vehicles and quadricycles (Text with EEA relevance), URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013R0168>.

17. Proposal for a Directive of the European parliament and of the council amending Directive 2009/103/EC of the European Parliament and the Council of 16 September 2009 relating to insurance against civil liability in respect of the use of motor vehicles, and the enforcement of the obligation to ensure against such liability. Brussels, 24.05.2018 COM (2018). 336 final. 2018/0168 (COD), URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0008:FIN:EN:PDF>.

18. Recommendations on Rules and Code of Conduct for Cycling and The Use of Personal Mobility Devices. Recommendations by the Active Mobility Advisory Panel Submitted to Coordinating Minister for Infrastructure, and Minister for Transport, Mr Khaw Boon Wan on 17 March 2016, URL: https://www.lta.gov.sg/data/apps/news/press/2016/20160317_AMAPPanelReport%28final%29.pdf

19. D. Roider, C. Busch, R. Spitaler, H. Hertz. Segway related injuries in Vienna: report from the Lorenz Böhler Trauma Centre, *European Journal of Trauma and Emergency Surgery*, April 2016, Volume 42, Issue 2.

20. Delfín Jiménez, Yolanda de la Fuente, Jesús Hernández-Galán. Diversity of "Pedestrians on Wheels", *New Challenges for Cities in 21st Century, Studies in Health Technology and Informatics*. 2018. Volume 256: Transforming our World Through Design, Diversity and Education.

21. Erika Åkman. Sähköpotkulaudat tulevat tänään kaikkien käyttöön Helsingissä – ja sen voi jättää melkein minne tahansa, *Taloussanomat*, 18.03.2019, URL: <https://www.is.fi/taloussanomat/art-2000006038969.html>.
22. Jun Xua, ShiShang, Guizhen Yu, Hongsheng Qi, Yunpeng Wang, Shucai Xu. Are electric self-balancing scooters safe in vehicle crash accidents?, *Accident Analysis & Prevention*. Volume 87, February 2016.
23. Keith Boniface, Mary PatMcKay, Raymond Lucas, Alison Shaffer, Neal Sikka. Serious Injuries Related to the Segway Personal Transporter: A Case Series, *Annals of Emergency Medicine*. Volume 57, Issue 4, April 2011,
24. Lieswyn, J, M Fowler, G Koorey, A Wilke and S Crimp (2017) Regulations and safety for electric bicycles and other low-powered vehicles. NZ Transport Agency research report 621. New Zealand, 2017.
25. Susan A. Shaheen, Caroline J. Rodier, and Amanda M. Eaken. Improving California's Bay Area Rapid Transit District Connectivity and Access with Segway Human Transporter and Other Low-Speed Mobility Devices, *Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board*. Volume 1927, Issue 1, 2005.
26. Yu Hasegawa, Charitha Dias, Miho Iryo-Asano, Hiroaki Nishiuchi. Modeling pedestrians' subjective danger perception toward personal mobility vehicles, *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour*, 2018, Volume 56

Дата поступления: 11.11.2019

Received: 11.11.2019

УДК 340.1+34(091)

**ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ
ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
И ЮРИДИЧЕСКАЯ ФУТУРОЛОГИЯ**

КАСИМОВ Тимур Салаватович

*кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: timursk@rambler.ru*

**PROGNOSTIC FUNCTION OF THEORY
OF STATE AND LAW AND LEGAL
FUTUROLOGY**

KASIMOV Timur Salavatovich

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: timursk@rambler.ru*

Видные российские ученые отмечают важность прогностической функции теории государства и права. В последние годы представители различных отраслей науки издают с публикации прогнозов будущего, в том числе те, что описывают сценарии развития, включающие альтернативы предполагаемого хода событий. Основываясь на установленных закономерностях, тенденциях и технократических достижениях общества, футурология изучает степень вероятности реализации разных вариантов возможного и желаемого будущего. Хотя проблемой любого многоаспектного и долгосрочного прогноза будущего является невы-

Prominent Russian scientists note the importance of prognostic function of theory of state and law. In recent years, representatives of various branches of science have published papers with forecasts for the future, including those that describe development scenarios that include alternatives to the expected course of events. Based on the established regularities, trends and technocratic achievements of society, futurology studies the degree of probability of the implementation of various options for a possible and desired future. Although the problem of any multi-aspect and long-term forecast for the future is the low probability of its im-

сокая вероятность его реализации, исследования концепций будущего государства и прогнозов будущего государства являются перспективными направлениями развития науки теории государства и права. Они могут быть объединены в одну сферу познания под названием юридическая футурология, которая как направление науки делится на футурологию государства и футурологию права.

Ключевые слова: теория, будущее, концепции, развитие, прогностическая функция, прогнозы, государство, право, юридическая футурология.

plementation, studies of the concepts of future state and forecasts for future state are promising directions for the development of theory of state and law. They can be combined into one sphere of knowledge called legal futurology, which as a direction of science is divided into futurology of state and futurology of law.

Key words: theory, future, concepts, development, prognostic function, forecasts, state, law, legal futurology.

Одним из направлений развития науки теории государства и права является исследование концепций будущего государства и прогнозов будущего государства. Существует несколько видов концепций, изучаемых в теории государства, помимо концепций будущего государства: теории происхождения государства, подходы к понятию (определению) государства, подходы к сущности государства, типология (классификация) государств, концепции права [1, с. 45].

Вероятность осуществления прогнозов зависит от разных факторов: полноты и правильности исходных данных, методики прогнозирования, а в первую очередь – от объективных факторов, которые воздействуют на государство. Концепции будущего описывают, в отличие от прогнозов, каким, по мнению их авторов, государство должно стать в будущем. Прогноз как оценка степени вероятности реализации мер, предлагаемых для изменения государства, в концепции может отсутствовать. В то же время, такие меры указываются автором концепции в качестве условий развития государства. Прогнозы по сути своей – оценка вероятности осуществления тех изменений государства, которые предложены в той или иной концепции будущего.

Согласно С.С. Алексееву и В.Д. Перевалову теория государства и права – это прогностическая наука, открывающая новые государственные и правовые явления. Как передовая юридическая наука, теория ближе других ко всему новому, неизученному. Теория государства и права быстрее реагирует на новое благодаря своему абстрактному и общенаучному характеру, и в процессе исследований выдвигает предположения о будущем права и государства [2, с. 3, 4].

В описании прогностической функции теории государства и права В.В. Лазаревым и Е.И. Темновым отмечается, что эта наука должна основываться на изучении новых данных не только юридических и иных социальных наук, но также естественных и технических наук. Теория государства и права выдвигает гипотезы, которые определяют пути развития государства и права и их элементов [3, с. 27].

Прогностическая функция науки теории государства и права является, в частности, средством изучения последствий реализации той или иной концепции будущего государства. Она позволяет предсказать, что сложится в обществе после изменений, после осуществления государством мер, предложенных в данной концепции.

Средством реализации концепций будущего государства является деятельность государства, прежде всего в форме правотворчества – закрепления концептуальных положений в нормах права с целью формирования на их основе желательных для государства общественных отношений. Таким образом, осуществляется регулятивно-динамическая функция права.

Д.А. Керимов выделил функцию опережающего отражения, «забегания вперед». Оно достигается через опережающее видение регулируемых общественных отношений, в котором опыт прошлого и настоящего проецируется на будущее и открывает возможность предвидения и оценок предлагаемого в концепции будущего правового воздействия [4, с. 103-104].

В современном мире распространен такой вид прогнозов будущего государства как сценарии развития, включающие альтернативы предполагаемого хода событий, которые описаны, в частности, в следующих публикациях: Делягин М. Мир наизнанку. Чем закончится экономический кризис для России? Мартынов А.В. Россия перед выбором (альтернативы системной трансформации). М.: Изд-во Современного гуманитарного университета, 2009; Тамак В.А. Модернизация-2012. М.: Типография «Новости», 2011, Кынев А. Сценарии развития / под ред. М. Липман и Н. Петрова; Моск. Центр Карнеги М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.; Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Помимо концепций будущего государства современных российских авторов опубликовано множество работ о будущем зарубежных ученых, в числе которых есть труды, изданные в России на русском языке. Например, это получившие широкую известность в научном мире публикации, написанные такими известными авторами, как З. Бжезинский, Б. Джессоп, С. Лем, Д. Нейсбит, Э. Гоффлер, Ф. Фукуяма.

Основная проблема любых долгосрочных и масштабных прогнозов будущего состоит в низкой вероятности их осуществления. Например, в конце 1980-х годов почти никто в мире не прогнозировал распад Советского Союза, который произошел в 1991 г. Другой пример: к 2013 г. мало кто смог спрогнозировать случившееся в 2014 г. изменение положения в России и окружающем ее мире. Часто оказываются неверны даже прогнозы, данные на ближайшие годы.

Вместе с тем, как концепции будущего государства, так и прогнозы, предсказания его будущего относятся к футурологии государства, которая является частью юридической футурологии.

В предмет футурологии входит исследование степени вероятности воплощения в жизнь разных вариантов возможного и желаемого будущего, на основе установленных закономерностей, тенденций и технократических достижений общества [5, с. 5]. Направлениями развития футурологии в сфере социальных наук являются глобалистика и альтернативистика (поиск перехода к альтернативной цивилизации, которая способна справиться с современными проблемами). Собственно юридическая футурология знаменуется развитием теории и практики электронного правительства (кибергосударства), а также криптоанархии [6, с. 26-32]. Клонирование, крионика, трансгуманизм и иные виды трансплантологии человеческих органов, другие медицинские и биологические технологии – это перспективные направления естественно-научных изысканий футурологии. В будущем технических наук главное – всестороннее развитие технологий искусственного интеллекта.

Серьезными обращениями к проблеме юридической футурологии следует признать крупные научные статьи докторов юридических наук И.Н. Глебова, В.И. Крусса, В.Е. Новичкова. И.Н. Глебов сетует, что часто без внимания теоретиков и практиков остаются новые перспективные направления правосознания и правоприменения. Так уже получилось с интернет-правом, электронной демократией, электронным правосудием, биотехнологиями и другими направлениями, в которых мы отстали, вместо того, чтобы сработать на опережение. Мыслитель желает, чтобы подобное не случилось и с искусственным интеллектом, а также в других сферах государственности, в экономике, в инфо-коммуникации и массовой информации. В данных сферах ученый видит государственные потребности в применении искусственного юридического интеллекта для решения формализованных задач регулирования правоотношений [7, с. 12, 28]. Согласно В.И. Круссу идеи и предложения отраслевых юридических наук должны быть осмыслены, как и собственные объекты исследования, конституционной футуро-

логией, которая призвана осмысливать юридически значимые явления [8, с. 127]. В.Е. Новичков посвятил ряд своих работ юридической футурологии в уголовно-правовой сфере. Он отмечает различную степень теоретической разработанности отраслей юридической прогностики. Достаточно развито и теоретически обосновано прогнозирование в области криминологии уголовного права. С другой стороны, прогнозирование в области уголовного процесса, уголовно-исполнительного права, криминалистики, оперативно-розыскного дела и другие отрасли юридического прогнозирования не имеют таких теоретических и методологических, если не считать отдельные научные разработки. В.Е. Новичков, в частности, предлагает использовать для обозначения выделенной им новой комплексной и системообразующей отрасли знания термин «уголовно-политическая футурология» [9, с. 325, 329].

Из вышесказанного можно сделать вывод, футурология государства и футурология права – две части юридической футурологии, как отрасли юриспруденции включающей концепции будущего государства и права и прогнозы их перспективного развития.

Библиографические ссылки

1. Касимов Т.С. Концепции сущности государства // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42). С. 44-48.
2. Алексеев С.С., Перевалов В.Д. Глава 1. Теория государства и права как наука. Ее предмет и место в системе юридических наук // Теория государства и права : учебник для вузов / отв. ред. В.Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2006.
3. Лазарев В.В., Темнов Е.И. Тема 1. Предмет теории государства и права // Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2013. С. 14-28.
4. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М. : Аванта+, 2001.
5. Турчин А.В. Батин М.А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М. : ИНОМ. Лаборатория знаний, 2014.
6. Касимов Т.С. Концепции кибергосударства, электронного правительства и криптоанархии // Мир юридической науки. 2010. № 9. С. 26-32.
7. Глебов И.Н. Правовая футурология: постановка проблемы искусственного юридического разума // Российское государствоведение. 2018. № 1. С. 12-29.
8. Новичков В.Е. Уголовно-политическая футурология в сфере борьбы с преступностью (понятийная и предметная область) // Крымский научный вестник. 2015. № 6 (6). С. 324-344.

References

1. Kasimov T.S. Kontseptsii sushchnosti gosudarstva (Concepts of the essence of state), *Praovogoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 4 (42), pp. 44-48.
2. Alekseev S.S., Perevalov V.D. Glava 1. Teoriya gosudarstva i prava kak nauka. Ee predmet i mesto v sisteme yuridicheskikh nauk (Chapter 1. Theory of state and law as a science. Its subject and place in the system of legal sciences), *Teoriya gosudarstva i prava*, Uchebnik dlya vuzov, Otv. red. V.D. Perevalov, 3th edition, revised and add. Moscow, Norma, 2006.
3. Lazarev V.V., Temnov E.I. Tema 1. Predmet teorii gosudarstva i prava (Theme 1. The subject of theory of state and law), *Obshchaya teoriya prava i gosudarstvo*, uchebnik, pod red. V.V. Lazareva, 5th edition, revised and add, Moscow, Norma, 2013, pp. 14-28.
4. Kerimov D.A. Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava) (Methodology of law (subject, function, problems of philosophy of law), 2-e izd., Moscow, Avanta+, 2001.

5. Turchin A.V. Batin M.A. Futurologiya. XXI vek: bessmertie ili global'naya katastrofa? (Futurology. XXI century: immortality or global disaster?), Moscow, INOM. Laboratoriya znaniy, 2014.
6. Kasimov T.S. Kontseptsii kibergosudarstva, ehlektronnogo pravitel'stva i kript oanarkhii (Concepts of cyber state, electronic government and crypto-anarchy), *Mir yuridicheskoi nauki*, 2010, No. 9, pp. 26-32.
7. Glebov I.N. Pravovaya futurologiya: postanovka problemy iskusstvennogo yuridicheskogo razuma (Legal futurology: statement of the problem of artificial legal intelligence), *Rossiiskoe gosudarstvovedenie*, 2018, No. 1, pp. 12-29.
8. Novichkov V.E. Ugolovno-politicheskaya futurologiya v sfere bor'by s prestupnost'yu (ponyatiinaya i predmetnaya oblast') (Criminal-political futurology in the field of combating crime (conceptual and subject area), *Krymskii nauchnyi Vestnik*, 2015, No. 6 (6), pp. 324-344.

Дата поступления: 21.10.2019

Received: 21.10.2019

УДК 342.25

**РАЗВИТИЕ ВНЕШНИХ ФОРМ
СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

**THE DEVELOPMENT OF EXTERIOR
FORMS OF LOCAL SELF-
GOVERNMENTS COOPERATION**

ЛАТЫШОВА Наталия Сергеевна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: marchrose@yandex.ru*

LATYPOVA Natalia Sergeyevna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of Chair of Theory of State and Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: marchrose@yandex.ru

В статье проводится анализ различных форм сотрудничества органов местного самоуправления – от локального (сотрудничество городов Поволжья) к региональному (кооперация органов местного самоуправления в рамках Евразийской организации сотрудничества) до международного (сотрудничество органов местного самоуправления в рамках организации («Объединенные города и местные власти»). Автором предпринята попытка детального анализа деятельности указанных организаций, уровня их кооперации и влияния на международные и национальные правовые системы в части правового регулирования организации местного самоуправления. Предметом анализа выступили союзы органов местного самоуправления различных уровней, а также конкретные результаты их деятельности: резолюции, законодательные инициативы и международные договоры. Проведен анализ степени участия органов местного

The paper analyzes various forms of cooperation of local governments, from local level (cooperation of Volga region cities) to regional level (cooperation of local governments within the framework of the Eurasian cooperation organization) as well as at international level (cooperation of local governments within the organization ("United cities and local authorities"). The author makes a detailed analysis of the activities of these organizations, the level of their cooperation and influence on international and national legal systems in terms of legal regulation of the organization of local self-government. The subject of the analysis are unions of local governments at various levels, as well as specific results of their activities: resolutions, legislative initiatives and international treaties. The analysis of the participation of the Republic of Bashkortostan local governments in international, regional and local cooperation is carried out, a comparative cross-section with

самоуправления Республики Башкортостан в международном, региональном и локальном сотрудничестве, проведен сравнительный срез с муниципалитетами соседних субъектов Российской Федерации. В результате исследования автором сделан вывод об усилении международного и регионального сотрудничества органов местного самоуправления и усилении позиций местных властей на мировой политической арене.

Ключевые слова: муниципалитет, сотрудничество, местное самоуправление, ассоциация муниципалитетов, сотрудничество муниципалитетов, органы местного самоуправления, международное сотрудничество муниципалитетов, Уфа, Республика Башкортостан, реформа местного самоуправления.

the municipalities of neighboring subjects of the Russian Federation is made. As a result of the study, the author concludes that international and regional cooperation of local governments strengthens as well as the position of local authorities in the world political arena.

Key word: municipality, cooperation, local self-government, association of municipalities, cooperation of municipalities, local self-governments, international cooperation of municipalities, Ufa, Republic of Bashkortostan, local self-government reform.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» дает определение понятию местное самоуправление (далее – МСУ). Согласно нему МСУ – это «форма осуществления народом своей власти...» [1].

Исходя из данного определения, становится понятен смысл и назначение деятельности органов местного самоуправления – решение вопросов местного значения в качестве представителей населения с учетом его непосредственной воли.

Совершенствование управления на местах и реальное воплощение идеи народовластия при решении местных вопросов – является залогом благополучия и социальной стабильности в городах и сельской местности, способствует эффективному удовлетворению нужд и потребностей населения, усиливает доверие общества к государству и власти как его части.

Немаловажное значение в развитии и совершенствовании местного самоуправления в России имеет международное сотрудничество и внутригосударственное взаимодействие органов местного самоуправления различных субъектов Российской Федерации.

С начала XX века «значительную работу в области развития международных отношений на муниципальном уровне и укрепления местных административных учреждений вел Международный Союз Местных Властей (МСВМ), образованный в 1913 году. Позднее, в 1957 году, была организована Всемирная Федерация Объединенных Городов (ВФОГ), тесно сотрудничавшая с МСВМ и реализующая подобные задачи» [5].

В начале 2000-х годов указанными организациями было принято объединить усилия в деятельности, направленной на укрепление и развитие МСУ во всем мире. В рамках международного сотрудничества по развитию местного самоуправления, в 2004 году была создана Всемирная организация «Объединенные города и местные власти», членами которой в настоящее время являются многие муниципальные образования России.

В 2015 году Всемирная организация United cities and Local Governments («Объединенные города и местные власти») и Европейский Союз подписали «План стратегического Партнерства на 2016-2022 гг.» [7].

Меры, предпринятые в рамках данного партнерства, обеспечили широкие возможности взаимодействия местных муниципалитетов с руководством Европейского Союза и внесли существенный вклад в усиление роли МСУ на мировой арене [7].

Согласно концепции, предлагаемой Всемирной организацией «Объединенные города и местные власти» (далее – ОГМВ), улучшение условий жизни людей должно осуществляться, в первую очередь, именно на местном уровне, чего можно достичь только с помощью развития и укрепления децентрализации как способа демократизации и модернизации государственного управления на всех уровнях. ОГМВ выступает за расширение полномочий и укрепление самостоятельности местного самоуправления как необходимого условия реального участия населения в управлении своими собственными делами.

Таким образом, предложенные нами направления развития местного самоуправления в России полностью соответствуют не только Европейской хартии, но и современным тенденциям развития местного самоуправления в мире.

В качестве одной из своих глобальных целей ОГМВ видят усиление влияния органов местного управления на международной арене, которые должны стать самостоятельной уважаемой стороной в международных отношениях наряду с высшими должностными лицами и органами – представителями стран на международной арене (главами государств, представителями парламента и других), с тем чтобы их позиция могла влиять на решение глобальных международных проблем, непосредственно влияющих на жизнь общин.

Результатом работы в данном направлении стало приглашение к участию, впервые в мировой практике, представителей органов местного самоуправления в Конференции ООН по проживанию и устойчивому городскому развитию, проводимой один раз в двадцать лет, так называемому «Habitat III». Представители органов местного самоуправления в рамках данной конференции приняли участие в дискуссии и разработке Резолюции ООН по развитию городов и урбанизации, которая будет определять основные направления развития всех городов мира до 2036 года. В связи с чем, сложно переоценить достигнутый успех в усилении роли местного самоуправления на международном уровне.

Как отмечается в официальной хронике ООН, в ходе конференции «участники смогли обсудить с представителями государств – членов ООН «нулевой проект» Новой программы развития городов. На этих консультациях подобные «субнациональные органы власти» были впервые признаны и приглашены для участия в качестве отдельных субъектов, что стало прорывом в международной практике приглашения руководителей муниципального уровня» [6].

Говоря о региональных подразделениях ОГМВ, следует отметить, что муниципалитеты Российской Федерации являются активными участниками Евразийского отделения [5] ОГМВ, президентом которого в настоящее время является Мэр города Казань – И.Р. Метшин.

Евразийское региональное отделение ОГМВ является добровольным союзом МСУ в пределах Евразийского пространства. Организация была создана для реализации принципов самостоятельности и эффективности деятельности МСУ. Президент Евразийского отделения ОГМВ отмечает, что «местное самоуправление является важнейшим элементом конституционного строя демократических стран» [5].

Также следует отметить особую роль и значение в разрешении муниципальных вопросов Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления, представляющего собой совещательный орган при Президенте Российской Федерации [2]*.

Согласно Указу Президента РФ от 15.10.1999 № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации» был образован Совет при Президенте России по развитию местного самоуправления. Совет проводит заседания ежегодно и является успешно функционирующим органом по реализации и развитию политики в области местного самоуправления.

Говоря об участии в региональном сотрудничестве муниципальных образований Республики Башкортостан, следует отметить, что на современном этапе, муниципалитеты Республики принимают недостаточное участие в деятельности Евразийского отделения ОГМВ, однако представляется, что в связи с расширением международного сотрудничества в целом,

данная ситуация будет исправлена в ближайшее время. В настоящее время Уфа входит в Ассоциацию городов Поволжья и принимает активное участие в работе данной межмуниципальной организации.

Среди одних из последних проводимых мероприятий следует отметить: Круглый стол на тему: «Укрепление межнационального мира и согласия, реализация иных мероприятий в сфере национальной политики на муниципальном уровне» [4], в ходе работы которого представители г. Уфа выступили с докладом об опыте успешного сосуществования нескольких конфессиональных и национальных сообществ в рамках одного города.

Помимо разработки теоретических аспектов эффективного развития муниципалитетов Поволжья, организация осуществляет работу по подготовке предложений о внесении изменений в федеральное законодательство. К примеру, по итогам 2018 года были внесены предложения по изменению законодательства, в части, касающейся «предоставления земельных участков без торгов гаражно-строительным кооперативам, наделения административных комиссий полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 19-6 КоАП РФ, по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 20.25 КоАП РФ» и другие [4].

Следует констатировать, что объединения муниципальных образований всех уровней: международного, регионального и национального, играют значительную роль в развитии и трансформации местного самоуправления в мире, стране или конкретном регионе. Право законодательной инициативы, как было продемонстрировано выше, позволяет данным организациям и объединениям реально влиять на изменение международного и национального законодательств. Таким образом, представители конкретных муниципалитетов, путем внесения на повестку дня конкретных предложений по изменению муниципального законодательства, обладают реальным рычагом воздействия на развитие и трансформацию муниципального права в России.

Примечание

* Признан утратившим силу Указом Президента РФ от 02.06.2007 № 692

Библиографические ссылки

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2019) // Российская газета. 2003. 8 октября.
2. Указ Президента РФ от 22.10.1998 № 1281 «О Конгрессе муниципальных образований Российской Федерации» // Российская газета. 1998. 31 октября.
3. Указ Президента РФ от 02.11.2007 № 1451 «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления» [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/192123/> (дата обращения: 10.09.2019)
4. Официальный сайт Ассоциации городов Поволжья [Электронный ресурс] // URL: <http://agpsamara.ru/> (дата обращения: 10.08.2019).
5. Официальный сайт Евразийского регионального отделения Всемирной организации «Объединенные Города и Местные Власти» [Электронный ресурс] // URL: <http://euroasia-uclg.ru/about/history> (дата обращения: 08.08.2019).
6. Хуан Клос Хабитат III – конференция Объединённых Наций // Хроника ООН. Том III. № 3. 2016.
7. Official site of United cities and Local Governments [Электронный ресурс] // URL: <https://www.uclg.org/en> (дата обращения: 10.08.2019).

References

1. Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ (red. ot 02.08.2019) «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 13.08.2019) (Federal law No. 131-FZ of 06.10.2003 (ed. of 02.08.2019) “On General principles of local self-government in the Russian Federation”). *Rossijskaya gazeta*. 2003. 8 oktyabrya.
2. Ukaz Prezidenta RF ot 22.10.1998 № 1281 «O Kongresse municipal'nyh obrazovanij Rossijskoj Federacii» (Presidential decree of 22.10.1998 No. 1281 “On the Congress of municipalities of the Russian Federation”). *Rossijskaya gazeta*. 1998. 31 oktyabrya.
3. Ukaz Prezidenta RF ot 02.11.2007 № 1451 «O Sovete pri Prezidente Rossijskoj Federacii po razvitiyu mestnogo samoupravleniya» (Presidential decree of 02.11.2007 No. 1451 “On the presidential Council for the development of local self-government”). URL: <https://base.garant.ru/192123/> (accessed date 10.09.2019)
4. Oficial'nyj sajt Associacii gorodov Povolzh'ya (Official website of the Association of cities of the Volga region). URL: <http://agpsamara.ru/> (accessed date: 10.08.2019).
5. Oficial'nyj sajt Evrazijskogo regional'nogo otdeleniya Vsemirnoj organizacii «Ob"edinennye Goroda i Mestnye Vlasti» (Official website of the Eurasian regional office of the world organization “United Cities and Local Authorities”). URL: <http://euroasia-uclg.ru/about/history> (accessed date 08.08.2019)
6. Huan Klos Habitat III – konferenciya Ob"edinyonnyh Nacij (Joan Clos habitat III – conference of the United Nations). *Hronika OON*. Tom III. № 3. 2016.
7. Official site of United cities and Local Governments. URL: <https://www.uclg.org/en> (accessed date: 10.08.2019).

Дата поступления: 06.10.2019

Received: 06.10.2019

УДК 340.1+34(091)

**ПРАВО И МОРАЛЬ ПЕРЕД СУДОМ
КОММУНИКАТИВНОГО РАЗУМА
В КОНЦЕПЦИИ ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА**

ЛЕЖНЕВА Ольга Юрьевна

*судья Московского городского арбитражно-
го суда, г. Москва, Россия.*

E-mail: Urbova@inbox.ru

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич

*заместитель директора по инновационному
развитию Федерального научного центра
биологических систем и агротехнологий Рос-
сийской академии наук, г. Оренбург, Россия.*

E-mail: 775777@bk.ru

ЧУДИН-КУРГАН Федор Олегович

*генеральный директор «Компания Русское
дело», г. Москва, Россия.*

E-mail: 7551242@gmail.com

**LAW AND MORALITY BEFORE THE
TRIBUNAL OF COMMUNICATIVE
REASON IN THE CONCEPT
OF JÜRGEN HABERMAS**

LEZHNEVA Olga Yuryevna

*Judge of the Moscow City
Arbitration Court, Moscow, Russia.*

E-mail: Ur-bova@inbox.ru

PROKOFIEV Konstantin Georgievich

*Deputy Director for Innovative Development of
the Federal Scientific Center for Biological
Systems and Agricultural Technologies of the
Russian Academy of Sciences,*

Orenburg, Russia. E-mail: 775777@bk.ru

CHUDIN-KURGAN Fedor Olegovich

*General Director, Russian Business Company,
Moscow, Russia.*

Email: 7551242@gmail.com

Этико-правовое учение Юргена Хабермаса, разработанное им на основе коммуникативной теории разума, исключает понятие об абсолютном начале права. Хабермас отказывается от идеи абсолютной объективности в праве, отдавая предпочтение интуиции и иррациональному определению ценностного измерения правовых норм. Это приводит к релятивизации отношения морали и права, к размыванию ценностной основы права.

Ключевые слова: Хабермас, коммуникативный разум, абсолют, суд, мораль, право.

The ethical and legal teaching of Jürgen Habermas, developed by him on the basis of the communicative theory of reason, excludes the concept of absolute beginning of law. Habermas rejects the idea of absolute objectivity in law, giving preference to intuition and the irrational definition of value measurement of legal norms. This leads to the relativization of the relationship of morality and law, to erosion of the value basis of law.

Key words: Habermas, communicative reason, absolute, court, morality, law.

Сегодня одним из наиболее влиятельных философско-правовых учений не только на Западе, но и в России является этико-правовая теория Юргена Хабермаса (род 1929 г.), разработанная им в рамках социальной критической теории, эпистемологической основой которой служит, в свою очередь, теория коммуникативная разума [11, с. 261; 23, с. 12-14; 28, с. 286, 293, 329-330, 464-465]. Поэтому критическое отношение к нему в общих вопросах методологии и отношения к онтологическим основам права выражает и общую оценку современной западной правовой мысли, проделавшей путь от средневековой онтологизации естественного права в абсолюте до современной десубстанциализации правовых отношений путем сведения их сущности к эмпирически фиксируемой коммуникации. Творчество Хабермаса, одновременно и отвергающее классическую традицию правовой мысли, и имеющее в ней все свои истоки, в этом отношении особенно показательно. В целом этико-правовое учение Ю. Хабермаса направлено на модернизацию неокантианской традиции в праве в соответствии с принципами постнеклассической научной парадигмы [10, с. 10-19; 20, с. 4-12]. Свою, сло-

живущую в рамках неомарксизма политико-правовую модель, Ю. Хабермас развивает на основе базовых положений неокантианской философии относительно интерперсональной природы познающего субъекта [20, с. 101-106].

Типы коммуникативного действия, согласно Хабермаса, задают и различные типы рациональности. А именно: инструментальную рациональность, стратегическую рациональность, нормативную рациональность и особую рациональность «экспрессивного действия» [11, с. 275-276]. Главное внимание ученым уделяется исследованию различных аспектов реального взаимодействия людей в сфере нравственности, познания, а также в социально-исторической практике. В опыте этого взаимодействия складывается конкретная картина как интересубъективной, так и полисубъективной коммуникации, формируется своеобразная этика правового дискурса [19, с. 285-313].

Немецкий ученый переносит модель теоретического разума, конституирующегося на основе коммуникативного взаимодействия субъектов, непосредственно на сферу практического общественного отношения. На этом уровне коммуникация, формирующая различные смыслы политического, правового и морального характера (социальный аналог разума), приобретает черты сложного, многопланового взаимодействия различных социальных «акторов», вырабатывающих общие модели поведения, которые в дальнейшем институционализируются в систему морально-правовых норм. «Эти бессубъектные коммуникации, – поясняет свою идею Ю. Хабермас, – внутри и вне запрограммированных на принятие решений политических объединений образуют арену, где может происходить более или менее рациональное формирование значимых для всего общества тем и нуждающихся в регулировании дел. Неофициальное формирование общественного мнения выливается в институционализованные в виде выборов решения и в законодательные постановления, за счет которых коммуникативно созданная власть трансформируется во власть, административно применяемую» [17, с. 396].

В представлении Ю. Хабермаса, такого рода подход к пониманию сущности государства и права имеет не только сугубо теоретическое, но и непосредственно практическое значение. Раскрывая противоречие между претензией на значимость конкретных форм социальной жизни и их фактическим содержанием (фактичностью, в терминологии Хабермаса), теория коммуникативного разума непосредственно ориентирует акторы политического действия на рефлексию своего целерационального содержания с выявлением его общезначимого содержания, раскрывающего моральные и ценностные основания права. В рамках своей концепции Ю. Хабермас много внимания уделял и вопросам правового оформления процедуры обсуждения вопросов политико-правового масштаба и принятия по ним общеобязательных решений [21, с. 324-347]. Именно соблюдение такого рода процедуры имеет результатом легитимизацию решения не только на моральном, но и на правовом уровне. Подобного рода согласование включает в обоснование решения целерациональную и моральную составляющую, что делает его общеобязательным и легитимным [23, с. 137-142]. Активно исследуя процессы развития государства и права, в своих последних работах Хабермас все чаще обращает внимание читателей на глубокий диссонанс между моральным и правовым консенсусом современного европейского общества [17; 18; 19; 25; 26; 27].

Рассматривая методологическую основу этико-правовой теории Хабермаса в этот период, следует, прежде всего, оценивать ее как явление постнеклассической науки второй половины XX столетия, когда произошла своего рода научная революция, изменяющая все правила и нормы, саму картину мира и философию науки. В постнеклассических моделях правовой теории идеи социальных ценностей постепенно оттесняются из сферы права в область этики. Это касается даже представления о самом праве как об одной из фундаментальных правовых ценностей. Для современных правоведов оказались очень привлекательны попытки создать теоретико-правовую систему, основанную не на идее абсолютной справедливости в платоновском смысле этого понятия, а на субъективных установках личности, объективируе-

мых ссылками на правовую интуицию. Примерно такой точки зрения придерживается проф. Ф.М. Раянов. Так, он, ссылаясь на Дж. Локка, пишет, что Дж. Локк «обосновал, что человечество, долгое время, развиваясь в естественном состоянии, на определенном этапе своего развития вполне осознанно переходит на гражданское состояние. Это единственный научно-обоснованный путь развития в направлении формирования легитимного, т.е. согласованного с волей государственно-организованного общества, государства» [12, с. 12].

В постнеклассической правовой науке, как ее понимает Хабермас, исходным понятием выступает понятие практического разума, который дает основания для выработки и применения норм, «утверждающих взаимные обязанности и права» [17, с. 15]. Практический разум ориентирует человека «на индивидуалистически понимаемое счастье и на моралистически акцентированную автономию единичности, что синтезируется в форме свободы человека как частного субъекта, который принимает на себя роли члена гражданского общества, гражданина государства и гражданина мира» [22, с. 16]. Эта способность присуща индивиду, этнокультурным и социальным группам, которые могут актуализировать практический разум в прагматическом, этическом и моральном смыслах. Рассматриваемые в этическом аспекте, проблемы права связаны с конкретным ситуативным вариантом, будучи включенными в систему определенных жизненных форм. В морально-практическом аспекте «конституируется intersубъективность более высокого уровня, где перспектива каждого сплетается с перспективой всех» [5, с. 21].

Как утверждает Хабермас, пытаясь найти пути практического приложения идей теории практического разума в ее неокантианском и неогегельянском вариантах к вопросам теории права, важно учитывать различие между ее методологическим и гносеологическим аспектами. Его методологический подход основан на утверждении о том, что существует некоторое множество основных принципов права, формируемых в коммуникационном дискурсе, которые могут вступать между собой в конфликт, и что никакие явные правила приоритета для решения таких конфликтов не могут быть предложены. Методологический принцип составляет убеждение, что общие правовые суждения, близкие по духу к моральным суждениям, полученные в коммуникативном дискурсе, являются самоочевидными для участников коммуникации, то есть могут легитимизироваться единственно на основе адекватной рефлексии правовой коммуникации.

Intersубъективная коммуникация как основание нормативности в праве является своего рода аналогом позитивистской идеи конвенциональности в науке, наиболее полно и последовательно обоснованной в известной работе Теодора Куна «Структура научных революций» [8]. Согласие научного сообщества относительно признания образцов научного творчества (парадигм) и отбраковывания положений, не подходящих под эти образцы, подменяет поиск научной истины и решение проблемы объективности полученных научных знаний.

Следуя той же логике, Хабермас отказывается от идеи абсолютной объективности в праве, отдавая предпочтение интуиции и иррациональному определению ценностного измерения правовых норм: «право предстает как коллективный выбор или даже социальный выбор, основанный на дискурсе, существующем между всеми вовлеченными субъектами» [10, с. 35]. Согласно Хабермасу, нормы могут быть обоснованы и одобрены лишь тогда, когда они отвечают общему интересу всех, кого они касаются [5, с. 177-178]. В творчестве Хабермаса в полном соответствии с принципами постнеклассической методологии делается установка на преодоление начал объективности и абсолютности норм права. В рамках классического философско-правового мышления за правовыми нормами признавались качества обязательности в силу их соответствия Абсолюту, в том смысле, какой вкладывали в понятие Абсолюта Платон и Аристотель, Б. Спиноза и Г.В. Лейбниц, Ф.В.Й. Шеллинг и Г.В.Ф. Гегель, а в России В.С. Соловьев и К.А. Неволин.

В начале XX столетия удачно выразил отношение Абсолюта и права выдающийся русский правовед И.В. Михайловский «как общая философия стремится познать не только абсолютные первоосновы мира, но и тот порядок, в котором эти первоосновы проявляются, способ реализации их в мире, так и философия права должна показать те общие пути, те принципы, при помощи которых абсолютная идея права как часть общемирового этического порядка реализуется в окружающей нас среде и в истории культуры» [13, с. 235]. Сходную позицию занял и представитель феноменологического направления в русском правоведении Н.Н. Алексеев, утверждавший, что «в праве содержится некоторый вечный и абсолютный элемент, что, стало быть, идея права не разлагается на несвязную кучу отдельных исторических моментов» [1, с. 165].

И это – позиция, обоснованная не только с рациональной, но и с нравственной точки зрения. Человек не может подчиняться нормам права только из страха наказания или повиниться внешнему насилию. Во всяком случае, это невозможно для большинства общества. Человек должен видеть в нормах права что-то священное, подчинение чему обусловлено не только внешней по отношению к человеку властью, но также и моральными императивами. Однако такое основание нельзя найти ни в установления государства, ни в привычках и установках общества, ни даже в исторических традициях. Лишь связь с Абсолютом, в каких бы формах ни выражалось его понимание человеком, дает правовым нормам действительную, формализованную и неформальную, силу быть регуляторами общественных и межличностных отношений. По мнению российских исследователей, например, Ф.Х. Галиева и Ф.М. Раянова, в этом проявляется синкретизм современной правовой культуры [2; 3; 4, с. 187-207].

Вступая в противоречие с самим духом права, Хабермас выдвигает задачу «разбить оковы ложной претензии на всеобщность универсалистских принципов, которые, однако, черпаются лишь выборочно и применяются только контекстуально» [17, с. 25]. В таком случае у Хабермаса не остается ничего другого, как снова отказаться от принципов рационализма и апеллировать к иррационалистическим принципам познания, а именно: снова сослаться на интуицию. Как он утверждает, «позиция беспристрастного обсуждения морально-практических вопросов не завершается односторонним деонтологическим подходом». Требуется утверждать, что «этика дискурса признает право на базовые ценностные интуиции, отличающие одну конкурирующую теорию от другой» [17, с. 23-25].

«В концепции Хабермаса есть лишь один Абсолют – общезначимость аргумента, интерсубъективная рациональность. Примечательно, что в неклассической парадигме не так уж важно, насколько ошибаются автономные и коллективные субъекты. В классической парадигме в конечной инстанции это невозможно по определению» [5, с. 196-197]. Как указывает сам Хабермас, «мечущаяся между фактичностью и значимостью теория права сегодня не в состоянии сказать что-либо определенное» [24, с. 21]. Отказ от идеи Абсолюта в праве, как следствие ложных посылок постнеклассической науки, неизбежно приводит немецкого мыслителя к релятивизации морально-правовых норм, идеалов и ценностей [15, с. 22-27; 16, с. 70-85], приводит к размыванию идеи национального суверенитета и к оправданию подчинения Германии воли «благожелательного гегемона» (так Ю. Хабермас называет США). Юрген Хабермас приводит мораль и право на суд коммуникативного разума, конечный приговор которого не является ни справедливым, ни милосердным.

Отрицание абсолютной природы права неизбежно имеет своим результатом отрицание идеи свободы [7, с. 178-179; 14, с. 32-33]. Ведь, подчиняясь чему-то неабсолютному, а значит, обусловленному чем-либо, человек сам неизбежно обуславливается какими-то внешними ему обстоятельствами: волей государства, социальными условиями, общественной или собственной психологией, деятельностью практического или «коммуникативного» разума и т.п. В таком случае невозможно различение добра и зла, которое может быть лишь свободным процессом, а значит, невозможна нравственность, как содержание этого различения, и невозможно право, как форма этого различения [6, с. 17; 9, с. 42-46].

Библиографические ссылки

1. Алексеев Н.Н. Введение в изучение права. М., 1918.
2. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры : монография. Уфа: БашГУ, 2011.
3. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 182-190.
4. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Башк. энцикл., 2018.
5. Деникина З.Д. Становление основных философско-правовых парадигм новейшего времени : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005.
6. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М. : Юрлитинформ, 2019.
7. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 178-187.
8. Кун Т. Структура научных революций. М. : ООО «Издательство АСТ», 2003.
9. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. 2015. № 6. С. 42-47.
10. Мелкевик Б. Юрген Хабермас и коммуникативная теория права. СПб: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018.
11. Мотрошилова Н.В. Ю. Хабермас // История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 4. М., 1999. С. 261-286.
12. Раянов Ф.М. Горизонты отечественного государственно-правового мышления и о потребностях в их расширении // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 2 (52). С. 7-13.
13. Русская философия права: Антология / авт.-сост.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников; авт. и рук. проекта В.П. Сальников. 2-е изд., доп. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 1999.
14. Сальников В.П., Масленников Д.В. Институты права в идее абсолютного Добра // Государственно-правовые институты современного общества : сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 32-40.
15. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. 2015. № 11. С. 22-29.
16. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. 2014. № 4 (84). С. 70-86.
17. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001.
18. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992.
19. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995.
20. Хабермас Ю. Эссе к конституции Европы. М. : «Весь мир», 2013.
21. Шавеко Н.А. Правовой идеал: неокантианские и современные кантианские учения о справедливости. М. : Юрлитинформ, 2017.
22. Шачин С.В. Коммуникативная теория разума Юргена Хабермаса. Мурманск, 2010.
23. Шульц В.Л. Философия Ю. Хабермаса. М. : Наука, 2005.
24. Habermas J. Faktizität und Geltung: Beitrag zur Diskurstheorie des Rechts und des dem. Rechtsstaates. Frankfurt/Main, 1994.
25. Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt/Main, 1983.
26. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt/Main, 1990.

27. Honneth A. Kritik der Macht: Reflexionstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985.
28. XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Belo Horizonte: Forum, 2013.

References

1. Alekseyev N.N. Vvedeniye v izucheniye prava (Introduction to the study of law), Moscow, 1918.
2. Galiyev F.Kh. Sinkretizm sovremennoy pravovoy kul'tury (Syncretism of modern legal culture), monografiya, Ufa, BashGU, 2011.
3. Galiyev F.Kh. Pravovaya kul'tura: sotsial'no-filosofskiye problem (Legal culture: socio-philosophical problems), *Mir politiki i sotsiologii*. 2016, No. 7, pp. 182-190.
4. Galiyev F.KH., Rayanov F.M. Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspect (Social Studies in the XXI Century: Theoretical and Legal Aspect), Ufa, Bashk. entsikl., 2018.
5. Denikina Z.D. Stanovleniye osnovnykh filosofsko-pravovykh paradigmat noveyshego vremeni (The formation of the main philosophical and legal paradigms of modern times), dis. ... d-ra filos. nauk, Moscow, 2005.
6. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Logos prava: Parmenid Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava (Logos of law: Parmenides Hegel – Dostoevsky. To the question of speculative-logical foundations of the metaphysics of law.), Moscow, Yurlitinform, 2019.
7. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. K voprosu o znachenii logicheskoy formy filosofii dlya ponimaniya prirody absolyutnogo v prave (To the question of the significance of the logical form of philosophy for understanding the nature of the absolute in law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2018, No. 2, pp. 178-187.
8. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsiy (The structure of scientific revolutions), Moscow, OOO «Izdatel'stvo ACT», 2003.
9. Maslennikov D.V. Pravo kak forma razlicheniya dobra i zla (Law as a form of distinguishing between good and evil), *Yuridicheskaya mysl'*, 2015, No. 6, pp. 42-47.
10. Melkevik B. Yurgen Khabermas i kommunikativnaya teoriya prava (Jürgen Habermas and the communicative theory of law), St. Petersburg, OOO Izdatel'skiy Dom «Alef-Press», 2018.
11. Motroshilova N.V. Yu. Khabermas (J. Habermas), *Istoriya filosofii: Zapad – Rossiya – Vostok*, Kn. 4, Moscow, 1999, pp. 261-286.
12. Rayanov F.M. Gorizonty otechestvennogo gosudarstvenno-pravovogo myshleniya i o potrebnostyakh v ikh rasshirenii (Horizons of national state law thinking and the needs for their expansion), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2018, No. 2 (52), pp. 7-13.
13. Russkaya filosofiya prava: Antologiya (Russian philosophy of law: Anthology), avt.-sost. A.P. Al'bov, D.V. Maslennikov, M.V. Sal'nikov, avt. i ruk. proyekta V.P. Sal'nikov, 2-ye izd., dop., St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, Aleteyya, 1999.
14. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Instituty prava v ideye absolyutnogo Dobra (Law institutions in the idea of Absolute Good), *Gosudarstvenno-pravovyye instituty sovremennogo obshchestva*, sbornik statey k Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchenoy 100-letiyu Respubliki Bashkortostan (g. Ufa, 14 dekabrya 2018 g.), otv. red. F.M. Rayanov, Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 32-40.
15. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V., Gorbunov M.D. Absolyutnoye i otноситel'noye v yestestvennom prave (Absolute and relative in natural law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 11, pp. 22-29.
16. Sal'nikov V.P., Sal'nikov M.V. Pravovaya kul'tura i politiko-pravovyye traditsii v kontekste absolyutnykh tsennostey (Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values), *Yuridicheskaya mysl'*, 2014, No. 4 (84), pp. 70-86.

17. Khabermas Yu. Vovlecheniye drugogo: Ocherki politicheskoy teorii (Involvement of another: Essays on political theory), St. Petersburg, Nauka, 2001.
18. Khabermas Yu. Demokratiya. Pazum. Nravstvennost' (Democracy. The reason. Moral). Moscow, 1992.
19. Khabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nravstvennost'. Moskovskiye lektzii i interv'y'u (Democracy. The reason. Moral. Moscow lectures and interviews), Moscow, 1995.
20. Khabermas YU. Esse k konstitutsii Yevropy (Essays on the Constitution of Europe), Moscow, «Ves' mir», 2013.
21. Shaveko N.A. Pravovoy ideal: neokantianskiye i sovremennyye kantianskiye ucheniya o spravedlivosti (Legal ideal: neo-Kantian and modern Kantian teachings on justice), Moscow, Yurlitinform, 2017.
22. Shachin S.V. Kommunikativnaya teoriya razuma Yurgena Khabermasa (Communicative Reason Theory of Jürgen Habermas), Murmansk, 2010.
23. Shul'ts V.L. Filosofiya Yu. Khabermasa (The philosophy of J. Habermas), Moscow, Nauka, 2005.
24. Habermas J. Faktizität und Geltung: Beitrag zur Diskurstheorie des Rechts und des dem. Rechtsstaates. Frankfurt/Main, 1994.
25. Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt/Main, 1983.
26. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt/Main, 1990.
27. Honneth A. Kritik der Macht: Reflexionstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985.
28. XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Belo Horizonte: Forum, 2013.

Дата поступления: 21.10.2019

Received: 21.10.2019

УДК 340.1+34(091)

**ВОПРОСЫ ОТНОШЕНИЯ ПРАВА
И МОРАЛИ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ
ГЕРБЕРТА ХАРТА**

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич
*заместитель директора по инновационному
развитию Федерального научного центра
биологических систем и агротехнологий Рос-
сийской академии наук, г. Оренбург, Россия.
E-mail: 775777@bk.ru*

**RELATIONSHIPS BETWEEN LAW AND
MORALITY IN HERBERT HART'S
SCIENTIFIC WORK**

PROKOFIEV Konstantin Georgievich
*Deputy Director for Innovative Development of
the Federal Scientific Center for Biological
Systems and Agricultural Technologies of the
Russian Academy of Sciences, Orenburg,
Russia. E-mail: 775777@bk.ru*

Показывается, как вступая в заочную полемику с Г. Кельзенем, основоположник аналитической юриспруденции Г. Харт стремился обосновать эмпирическую природу нормативных фактов, которые он выводил из сферы чистого правового разума в сферу эмпирически данной действительности. Обосновывая возможность научного познания «сферы нормативных фактов», Г. Харт устанавливает различие между первичными и вторичными моральными и правовыми правилами. Со-

The paper is dedicated to the founder of analytical jurisprudence H. Hart, who entering into a correspondence debate with H. Kelsen, sought to substantiate the empirical nature of normative facts, which he brought from the sphere of pure legal reason to the sphere of empirically given reality. Justifying the possibility of scientific knowledge of the “sphere of normative facts”, H. Hart established a distinction between primary and secondary moral and legal rules. According to H. Hart, law must comply

гласно Г. Харту, право должно соответствовать морали, но это соответствие не является простым и прямолинейным, подобно тому, как это представлялось в классической теории естественного права.

Ключевые слова: Кельзен, Харт, норма, право, мораль, аналитическая юриспруденция.

with morality, but this correspondence is not simple and straightforward, just as it seemed in the classical theory of natural law.

Key words: Kelsen, Hart, norm, law, morality, analytical jurisprudence.

Крупнейшим представителем первой волны аналитической юриспруденции, а по многим оценкам и ее основоположником [1, с. 9-14; 4, с. 11-15; 8, с. 10-16; 9, с. 134], был оксфордский профессор Герберт Харт (1907 – 1992). В учении Г. Харта известный швейцарский историк политико-правовых учений Марсель Зенн видит своего рода творческий синтез идей Иеремии Бентама, Джона Остина и Ганса Кельзена на методологической основе, тематизированной преимущественно работами Г. Фреге и Б. Рассела [14, с. 98]. При этом М. Зенн отмечает, что Г. Харт в своем главном произведении 1961 г. «Понятие права» («The Concept of Law») [11] в полном соответствии с духом неокантианства проводит четкое различие между правом и моралью, отвергая при этом волюнтаристский подход раннего позитивизма. В работе 1963 года «Право, свобода и мораль» Г. Харт уже преимущественно обращается к вопросам соотношения морали и права.

В целом Г. Харт солидаризируется с концепцией основной нормы Г. Кельзена [7, с. 49-52]. Анализируя отношение основателя аналитической юриспруденции к концептуальным основам этико-правовой теории своего предшественника, современные исследователи обычно противопоставляют учение Г. Харта о природе нормативных фактов исходным методологическим посылкам учения Г. Кельзена. Для подтверждения своих слов сошлемся на выводы профессора Федерального университета Парагвая М. Барауна, сделанные им в докладе на XXVI Всемирном конгрессе философии права и социальной философии (Бразилия, 21–26 июля 2013 г.). Он справедливо указывает на то, что, согласно Г. Кельзену, сами по себе социальные факты не могут содержать в себе оснований для установления действительных правовых норм и такие основания могут содержать только другие нормы, комплекс которых составляет базис теоретического описания системы права. По мнению латиноамериканского автора, причиной этого является исходная для Кельзена позитивистская парадигма, не позволяющая выводить общие принципы, законы и нормы из самих по себе единичных фактов [13, с. 448].

Комментируя эту теоретическую посылку, отметим, что классический позитивизм, тяготеющий к ранним формам докантовского эмпиризма, решал данную методологическую проблему, ссылаясь на возможность индуктивного обобщения данных чувственного опыта в старых традициях бэконовско-гоббсовской гносеологии, что явилось необходимым результатом предшествующего развития правовой мысли [2, с. 248-301; 3, с. 12-38]. Для Г. Кельзена подобного рода упрощенный подход уже не заключал в себе эвристического потенциала, что, собственно, и заставило австрийского ученого (вслед за другими современными ему представителями позитивизма) обратиться к кантовским принципам априоризма в познании. Следствием этого и стала, как мы уже отмечали, отсылка к идее основной нормы, а соответственно, и вся возводимая Г. Хартом теоретическая конструкция обоснования права и морали.

Напротив, Г. Харт в противовес устойчивому стремлению австрийского юриста опираться на идеи основоположника немецкой классической философии, пытается каким-то образом модернизировать и сохранить исходные послылки традиционного англо-саксонского эмпиризма. Анализируя аргументацию Г. Кельзена и контраргументацию Г. Харта, М. Барауна указывает на содержательное несовпадение понятия социального факта в дискурсе учения Г. Кельзена и понятия нормативного социального факта Г. Харта [13, с. 448].

Хотя М. Барауна и отстаивает превосходство концепции Г. Харта в сравнении с тезисами Г. Кельзена, которые отрицают возможность существования такого рода «нормативных фактов», все же он надеется на своего рода синтез их учений, если попытаться каким-то образом совместить идею нормативных фактов Г. Харта и идею основной нормы Г. Кельзена. Нам, однако, такая перспектива представляется крайне сомнительной, поскольку «основная норма», будучи в последовательно кантианских традициях «фактом сознания», не может быть одновременно также фактом действительности, как и наоборот. И напротив, весь пафос позитивизма Г. Харта направлен на то, чтобы указать на эмпирическую природу нормативных фактов, принципиально выведя их из сферы чистого правового разума в сферу эмпирически данной действительности.

Обосновывая возможность данности научному познанию такой «сферы нормативных фактов», Г. Харт устанавливает различие между первичными и вторичными моральными и правовыми правилами, что является прямой отсылкой к гносеологии Дж. Локка, уточнившего концепцию Т. Гоббса за счет различия первичных и вторичных качеств вещей. Г. Харт явно рассчитывает реанимировать и усилить возможный потенциал модернизирующей коррекции гносеологии классического эмпиризма, которая в XVII в. была осуществлена Дж. Локком в пределах самого этого эмпиризма, с ее одновременной экспликацией на сферу этико-правовой проблематики. Здесь основоположник аналитической юриспруденции видит возможность удержания «этоса» классического эмпиризма на уровне дискуссий XX столетия о перспективах методологии в праве.

Первичными правилами, по Г. Харт, являются все юридические правила, функция которых заключается в том, чтобы навязывать гражданам обязанности поведения, то есть предписывать гражданам делать что-либо или воздерживаться от определенных вещей, независимо от того, согласны они на это или нет. Вторичные правила, напротив, относятся не к регулированию поведения человека, а только к обращению с правилами первого типа. Поэтому, в отличие от основных, чисто поведенческих правил, вторичные правила можно также назвать «правилами, относящимися к правилам». В частности, это правила, которые определяют, как правила поведения первого типа распознаются в сомнении, как они обоснованы, отменены или изменены, или как они в конечном итоге становятся доступными в каждом конкретном случае. Таким образом, способом формирования «вторичных правил» оказывается рефлексия, что полностью соответствует способу образования «вторичных качеств» Дж. Локка, в то время как «первичные правила» (подобно «первичным качествам» Дж. Локка) всецело определяются эмпирическими посылками.

Параллельно этому различию первичных и вторичных этико-правовых правил Г. Харт вводит также различия между внешними и внутренними правилами. Внешние правила относятся к точке зрения наблюдателя, который не признает сами правила и для которого, следовательно, вполне достаточно того, чтобы иметь возможность предсказать, что отклонение от нормального поведения с определенной вероятностью вызовет санкцию из-за наблюдаемых им внешних закономерностей. Внутренний аспект правил определяет точка зрения, которую кто-либо принимает в качестве члена социальной группы, признающей соответствующее правило, и которой он соглашается руководствоваться в своем поведении.

Все эти категориальные дифференциации должны в конечном итоге создать понятийное поле для теоретического воспроизведения области нормативных фактов посредством специального юридического языка [4; 6, с. 45-56]. Понятийный дискурс права, в рамках которого может быть адекватно описана как сама область нормативных фактов, так и ее «нормативизирующее» воздействие на первичные этико-правовые правила, согласно Г. Харту, очерчивается тремя основными проблемами, характеризующимися дихотомической оппозицией выделенных им базовых категорий правового мышления.

Первая проблема определяется противоречием правового принуждения и неправового (незаконного) принуждения. По мысли Г. Харта, задача юриспруденции состоит в том, чтобы максимально точно определить специфические признаки правового принуждения, организованного на правовых основах. Постановка такой задачи связана с тем очевидным фактом, что свобода выбора между многими альтернативами действия может быть ограничена не только одними лишь средствами юридически обеспеченного принуждения. В подтверждение этого Г. Харт приводит пример вооруженного грабителя, который также ограничивает свободу выбора для своей жертвы. В таком случае принуждение вовсе не может быть принято в качестве достаточного признака права. Постоянная акцентировка именно этого примера позволяет оценивать этико-правовую концепцию Г. Харта, как развернутый ответ на вопрос Августина Блаженного: «Что суть государства без справедливости, как не разросшиеся разбойничьи шайки?».

Вторая проблема связана с преимущественно интересующей нас дихотомией права и морали, которую Г. Харт исходно характеризует как проблему различия между юридическими и моральными обязательствами, поскольку «необходимое пересечение между правом и моралью отсутствует» [5, с. 755]. Суть проблемы Г. Харт видит в том, что право, в отличие от морали, является единственным порядком социальных отношений, который устанавливает четкие границы свободы выбора. Особая сложность, согласно его выводу, возникает здесь вследствие того, что право и мораль отчасти используют один и тот же язык, одни и те же термины (так, например, в равной мере говорят как о правовых, так и о моральных правах и обязанностях), а также вследствие того, что право, установленное государством, в своем содержательном аспекте в значительной мере предписывает личности то же самое, что требуют также и мораль.

Здесь Г. Харт в первую очередь обращает внимание на то, что в идее справедливости, которая представляет собой как юридическую, так и моральную ценность, сферы морали и права до известной степени «объединяются друг с другом». Тем не менее, подчеркивает он, нормы права существенно отличаются от норм морали. Это видно уже из того, что даже несправедливый закон все же является законом: «Законы, какими бы морально несправедливыми они ни были, так или иначе, останутся законами» [12, с. 210]. Поэтому, несмотря на все возможные параллели, Г. Харт предлагает последовательно различать право и мораль по их сущности, а также предлагает содержательно проанализировать характерные черты этих различий, исходя из новых методологических установок.

Третья проблема связана с указанным выше соотношением нормативных и обычных правил, фиксируемых в форме социальных фактов. А именно: требуется точно определить, что представляют собой нормативные правила и в чем состоит их отличие от обычных правил. Дело в том, что правовая система, как утверждает ученый, состоит полностью, или, во всяком случае, в основном, из социальных правил. Понятие последних, согласно Г. Харту, лишено даже минимальной ясности, без чего становятся бессмысленными всякие рассуждения о различии нормативных и обычных правил. Но именно по этому вопросу сложилось самое большое число разнообразных точек зрения, так что некоторые исследователи даже приписывают его содержанию некое мистическое значение.

В целом теоретические трудности, проявленные в этих трех проблемах, вызваны, прежде всего, тем, что в действительности существуют определенные закономерности социального поведения личности, в основе которых не лежит какое-либо одно правило поведения, имеющее явные признаки нормативности. Анализируя понятие права в представленном таким образом проблемном поле, и определяя пути выхода из указанных затруднений, Г. Харт, прежде всего, обращается к теории императива, как она была представлена в XIX веке Дж. Остином. В этом вопросе теория Дж. Остина сводится к объяснению правовых правил в соответствии с моделью команд, поддерживаемых угрозами. Однако уже простой пример с вооруженным грабителем, который в своей полемике приводит Г. Харт, явно показывает, что теория императива при переходе от уровня непосредственных межличностных отношений к

уровню социального действия и, соответственно, социальных правил, требует, как минимум, целого ряда существенных модификаций.

Модифицированные в соответствии с указанными требованиями императивные нормы Г. Харт разделяет на два типа: нормы, которые наделяют полномочиями, и нормы, налагающие какие-либо обязанности, нарушение которых чревато применением наказующих санкций. При этом он настаивает на том, что эти нормы не следует смешивать друг с другом: уполномочивающие нормы, отнюдь, не являются нормами обязывающими. Теперь остается рассмотреть, как в эту систему норм, которую Г. Харт определяет как строго эмпирическую по форме своей дедукции, могут вписываться нормы морали.

Тем понятием, которое позволяет Г. Харту включить этический дискурс в правовой контекст, является понятие естественного права, в отношении которого он, как и Кельзен, не испытывает обычных позитивистских предубеждений. Именно, естественное право представляется ему той сферой правовой мысли, традиционным доменом которой были рассуждения о справедливости, нравственности и праве [10, с. 19-25]. Но в отличие от Кельзена, он не считает естественное право чисто априорной данностью. Согласно Г. Харту, естественное право должно согласоваться с нормами позитивного права и, в конечном итоге, должно опираться на них как на свою действительную предпосылку.

Прежде всего, Г. Харт противопоставляет свою точку зрения утвердившемуся в правовой науке мнению, согласно которому право может диктовать лишь правила «внешнего» поведения и является индифферентным к мотивам и намерениям субъектов правовых отношений, «действующих равнодушно», в то время как мораль непосредственно опирается на волю, намерение или мотив таких субъектов. Г. Харт считает это различие не очень убедительным. Тем не менее, он интерпретирует его как сжатое резюме четырех связанных между собой проблем, которые все вместе служат для того, чтобы отличить мораль не только от правовых правил, но и от всех остальных социальных правил. Суть указанных проблем сводится к следующему:

Во-первых, моральные правила занимают на ступенях иерархии социальных норм самое высокое место, в то время как правовые правила могут относиться и к совершенно незначительным предметам.

Во-вторых, моральные правила не могут быть изменены целенаправленно. Они существенно связаны с нравственными традициями и поэтому, хотя и не являются неизменными, они, как и все традиции, сопротивляются произвольному влиянию. Правовые же правила проявляют себя иначе даже в тех областях, где по-прежнему нет государственной законодательной власти. Ярким примером этого служит международное право.

В-третьих, в моральной сфере ответственность за нарушение правил требует, чтобы человек действовал добровольно. Если он может доказать, что он был принужден к том или иному действию, ошибался, не имел достаточной информации или испытывал какое-либо давление на себя, то общественное мнение может освободить его от моральной ответственности. Например, может избежать моральной ответственности за совершенный аборт, если ему не была в достаточной степени понятна аморальность такого поступка. В области права это, отнюдь, не так.

В-четвертых, форма социального давления, оказываемого на лицо с целью побудить его следовать моральным правилам, отличается от того, что имеет место в законодательстве. Неисполнение правовых правил часто грозит самыми неприятными последствиями, в то время как моральное давление обычно состоит из призывов соблюдать правила как то, что само по себе важно, предполагая, что адресаты обращений в принципе также согласны с этим мнением.

Несмотря на установленные различия, Г. Харт подчеркивает существование жесткой корреляции в отношениях между юридическим законом и нормами морали. Важное звено этих отношений он усматривает в принципе справедливости, требующем равного обращения в социальном общении. А именно: относиться к равному и к неравному в социальных отношениях соответствующим образом, в зависимости от степени неравенства (или в другой

формулировке: трактовать одинаковые случаи одинаково, а разные – различно), – это Г. Харт считает наиболее фундаментальным правовым принципом.

Однако здесь заключена и известная трудность, состоящая в том, что не существует фактов, которые бы совпадали друг с другом, не отличаясь друг от друга, как и нет людей, которые не отличались бы друг от друга в некоторых взглядах. Пока не установлены критерии того, какие сходства и различия в социальных отношениях должны считаться релевантными, принцип равенства остается пустой формулой. Вместе с тем здесь не существует и не может существовать единых критериев на все времена. В зависимости от их становления в тот или иной исторический период, принцип справедливого равенства наполняется конкретным содержанием. Отрицание же этого принципа имеет несколько иные характеристики: когда мы критикуем правила права как несправедливые, это подразумевает наличие некоторой шкалы равенства, которая не может заключаться в сфере права, а скорее находит свою основу в наших представлениях морального характера.

Таким образом, право, согласно Г. Харту, должно, в принципе, соответствовать морали, но это соответствие не является простым и прямолинейным, подобно тому, как это представлялось в классической теории естественного права (разумеется, в той интерпретации, которую дает естественному праву сам Г. Харт). Этико-правовая концепция Г. Харта в значительной мере задавала решающий импульс для развития современных подходов к исследованию проблемы отношения права и морали не только для аналитической юриспруденции, но и для всех остальных течений современной теоретико-правовой мысли вплоть до XXI века.

Библиографические ссылки

1. Баженова Е.А. Философия права Г.Л.А. Харта. Владимир : ВлГУ, 2016.
2. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
3. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017. (Серия: «Наука и общество»).
4. Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия?: концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2014.
5. Касаткин С.Н. Постскрипум к «Понятию права» Г. Харта // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / под ред. д-ра юрид. наук. А.В. Полякова. СПб. : ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009.
6. Касаткин С.Н. Проблемы спецификации юридического языка в учении Герберта Харта 1949 года // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 46-56.
7. Крушельницкий М.А., Масленников Д.В. Понятие основной нормы как предпосылка неокантианской модернизации Гансом Кельзенем юридического позитивизма // Юридическая мысль. 2016. № 6. С. 49-53.
8. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск : Томский университет, 2012.
9. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права Г. Харта и правовой реализм // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 134-147.
10. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 19-26.
11. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2007.
12. Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М. : Канон+, 2017.

13. Barauna M. Normative Facts: Kelsen vs. Hart // XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. Belo Horizonte: Forum, 2013.
14. Senn M. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesischen Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Eine Einführung mit Quellenmaterial. Zürich: Dike Verlag, 2012.

References

1. Bazhenova Ye.A. *Filosofiya prava G.L.A. Kharta (Philosophy of Law by H.L.A. Hart)*, Vladimir, VIGU, 2016.
2. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. *Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava (Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. To the question of the speculative and logical foundations of the metaphysics of law)*, monografiya, Moscow, Yurlitinform, 2019.
3. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. *Pravo i spravedlivost': istoricheskiye traditsii i sovremennyye modeli (Istoriko-pravovoy analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX-XXI vv.) (Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of relevant issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the XX-XXI centuries))*, monografiya. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017, (Seriya: «Nauka i obshchestvo»).
4. Kasatkin S.N. *Kak opredelyat' sotsial'nyye ponyatiya?: kontseptsiya askriptivizma i otmenyayemosti yuridicheskogo yazyka Gerberta Kharta (How to define social concepts?: the concept of ascriptivism and the abolition of the legal language of Herbert Hart)*, Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2014.
5. Kasatkin S.N. *Postskriptum k «Ponyatiyu prava» G. Kharta (Postscript to “The Concept of Law” by H. Hart)*, *Rossiyskiy veshchegodnik teorii prava*, No. 1, 2008, pod red. d-ra v. n. A.V. Polyakova, St. Petersburg, OOO «Universitetskiy izdatel'skiy konsortsiy «Yuridicheskaya kniga», 2009.
6. Kasatkin S.N. *Problemy spetsifikatsii yuridicheskogo yazyka v uchenii Gerberta Kharta 1949 goda (Problems of legal language specification in the teachings of Herbert Hart of 1949)*, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2017, No. 37, pp. 46-56.
7. Krushel'nitskiy M.A., Maslennikov D.V. *Ponyatiye osnovnoy normy kak predposylka neokantianskoy modernizatsii Gansom Kel'zenom yuridicheskogo pozitivizma (The concept of the basic norm as a prerequisite for neo-Kantian modernization of legal positivism by Hans Kelsen)*, *Yuridicheskaya mysl'*, 2016, No. 6, pp. 49-53.
8. Ogleznev V.V. *G.L.A. Khart i formirovaniye analiticheskoy filosofii prava (H.L.A. Hart and the formation of an analytical philosophy of law)*, Tomsk, Tomskiy universitet, 2012.
9. Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. *Analiticheskaya filosofiya prava G. Kharta i pravovoy realizm (H. Hart's analytical philosophy of law and legal realism)*, *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 2013, No. 4 (309), pp. 134-147.
10. Sal'nikov V.P., Ismagilov R.F., Sal'nikov M.V. *Platon, Aristotel', Foma Akvinskiy i ideya spravedlivosti v vestestvenno-pravovoy traditsii (Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural legal tradition)*, *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 9, pp. 19-26.
11. *Khart G.L.A. Ponyatiye prava (The concept of law)*, St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet, 2007.
12. *Khart G.L.A. Filosofiya i yazyk prava (Philosophy and language of law)*, Moscow, Kanon+, 2017.
13. Barauna M. Normative Facts: Kelsen vs. Hart, XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy, Belo Horizonte, Forum, 2013.
14. Senn M. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesischen Rechts- und Gesellschaftsphilosophie, Eine Einführung mit Quellenmaterial, Zürich, Dike Verlag, 2012.

Дата поступления: 08.10.2019

Received: 08.10.2019

УДК 340.1+34(091)

С.С. АЛЕКСЕЕВ – МЫСЛИТЕЛЬ-ПРАВОВЕД: ЭТАПЫ ЖИЗНЕННОГО И ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ**СЕМИТКО Алексей Павлович**

доктор юридических наук, старший научный сотрудник РАН, декан юридического факультета Гуманитарного университета (ГУ), профессор и заведующий кафедрой публичного права, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: asemitko@mail.ru

В жизни и творчестве великого советского и российского ученого, выделяются два периода развития – ранний и поздний, или советский и постсоветский, специально-юридический и философско-правовой, теоретический и практический, реформаторский. Эти этапы соответствуют и двум эпохам жизни российского общества. Несмотря на наличие указанных двух этапов, фундаментальные основания учения мыслителя-правоведа оставались одинаковыми на протяжении всей его творческой жизни – это пиетет перед Правом как важнейшей социальной ценностью и достоинством личности, ее правами и свободами, закрепленными в Праве, которое является их «хранилищем», а также неустанное внимание к правовому просвещению как к важнейшему средству повышения правовой культуры общества и обеспечения господства Права в его жизни. Ученый пытался претворить свои основные идеи в реальность и в советский период, однако все условия для этого возникли лишь в перестроенный период развития нашей страны.

Ключевые слова: право, ценность права, философия права, теория права, специально-юридическая теория, позитивизм, непозитивистское правопонимание, социализм, коммунизм, творчество.

S.S. ALEKSEYEV IS A LEGAL THINKER: STAGES OF LIFE AND CREATIVE PATH**SEMITKO Alexey Pavlovitch**

Doctor of Law, Senior Research Scientist of RAS, Dean of the Law Faculty of the Liberal Arts University, Professor and Head of the Chair of Public Law, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: asemitko@mail.ru

A general overview of the life and creativity of the great Soviet and Russian scientist is given, and two periods in his development are distinguished – early and late, or Soviet and post-Soviet, special legal and philosophical legal, theoretical and practical, reformatory. These stages correspond to two epochs of Russian society. Despite the existence of these two stages, the fundamental grounds of the legal thinker's teaching remained the same throughout his creative life; they are a piety to Law as the most important social value and personal dignity, human rights and freedoms enshrined in Law, which is their “repository. The thinker paid attention to legal education as an essential means of enhancing legal culture of society and ensuring the rule of law in its life. The scientist tried to translate his main ideas – as far as possible – into reality in the Soviet period, but all conditions for this arose only during the restructuring period of our country's development. The peculiarities of Soviet scientific discourse are also considered and the relevance of a number of his ideas for today is shown.

Key words: law, value of law, philosophy of law, theory of law, special legal theory, positivism, non-positivistic law understanding, socialism, communism, creativity.

К 95-летию со дня рождения С.С. Алексева

Жизненный путь – высокая миссия. Сергей Сергеевич Алексеев (28.07.1924-12.05.2013) – выдающийся советский и российский ученый – жил в двух разных эпохах – советской, социалистической и в самом начале современной, демократически-правовой и ры-

ночно ориентированной. Он служил своей Родине и во время военных испытаний (1941-1945 гг.) [9, с. 27], и в мирное время: делал все, что было в его силах для того, чтобы страна развивалась и процветала, чтобы поставленные обществом цели – свобода, равенство, братство, отсутствие эксплуатации – были достигнуты, и как юрист полагал, что совершенное Право есть одно из важнейших средств для решения поставленных задач и одновременно – важнейшая ценность и цель, которая достойна того, чтобы к ней – самой по себе – стремиться, ибо стремление к Праву приводит общество в целом к гармонии и способствует большей защите прав и свобод отдельного человека.

Обращение к творческому наследию С.С. Алексеева имеет сегодня особенно актуальное значение потому, что многие идеи, которые раньше составляли гордость не только советской правовой идеологии, но и всего прогрессивного человечества сегодня забыты напрочь, о них стараются даже не вспоминать – речь идет в первую очередь об антиэксплуататорской сущности советского социалистического права, о которой писал мыслитель-правовед, как и другие выдающиеся советские ученые. Созданная ученым специально-юридическая теории права остается актуальной до тех пор, пока в обществе есть право, пока есть юристы и законодатели. Что касается философско-правовых размышлений, которые мы находим в трудах С.С. Алексеева, то эти идеи тоже еще не усвоены в полной мере нашей юридической доктриной, а те, которые усвоены, необходимо развивать далее, опираясь на наследие нашего выдающегося Учителя.

Этапы творческого пути. В творчестве Сергея Сергеевича Алексеева следует выделить, хотя и в определенном смысле условно, два крупных этапа: ранний и поздний, которые в данном случае можно назвать советским и постсоветским периодами или, соответственно, специально-юридическим и философско-правовым, или, наконец, теоретическим и практическим, реформаторским (в зависимости от критерия, по которому проводится данное деление), что дает основание говорить о «двух» Алексеевых точно так же, как говорят, например, о раннем и позднем Марксе, о докритическом и критическом периодах в творчестве Канта и т.д. Это – вполне устоявшаяся традиция в анализе научного наследия крупных мыслителей, показывающая различные качественные ступени в развитии их научного творчества.

В рамках единой теории права С.С. Алексеев выделял относительно обособившиеся группы проблем, которые он обозначал как вопросы «философии права», «социологии права», «специально-юридической теории (общей позитивной теории)». В рамках последней он выделял два уровня [3, с. 18-22]. Позже в правоведении ученый выделил догму (аналитическую юриспруденцию), теорию (общую (инструментальную) теорию права) и философию права. Первые два уровня можно назвать обобщенно специально-юридической проблематикой. В работе «Право: азбука – теория – философия» догму права автор называл также азбукой права [5, с. 3].

В советский период у С.С. Алексеева не было системы работ (когда какие-то идеи открываются, «нащупываются» в одной, а потом развиваются в последующих работах), посвященных философии права, кроме некоторых фрагментов в крупных трудах и ряда отдельных статей. В первый, ранний период своего творчества ученый занимался главным образом и почти всецело разработкой специально-юридической проблематики – теорией права и юридической догматикой, осуществлял аналитический и инструментальный анализ права.

Укажем лишь самые основные работы этого периода: Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961; Общая теория социалистического права: Курс лекций. В 4 выпусках. Свердловск, 1963-1966; Проблемы теории права: Курс лекций. В 2 т. Свердловск, 1972-1973; Общая теория права: Курс в 2 т. М., 1981-1982; Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966; Структура советского права. М., 1975; Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989 и др.

Склонность мыслителя к философско-правовым рассуждениям и обобщениям находила свое определенное выражение и в первый период его творчества тоже: и не только в отдельных фрагментах специально-юридических работ и некоторых научных статьях, но и, главным образом, в публицистике советского периода, где можно найти некоторые его философско-правовые размышления. Понимая, что правовое воспитание и правовое просвещение являются важнейшими и необходимейшими средствами обеспечения господства права в жизни общества, развития его правовой культуры, автор считал своим долгом делать посильный вклад в ее развитие, публикуя работы, рассчитанные не на юристов, а на широкий круг читателей [4; 1].

В первый период научного творчества мыслителя была опубликована книга «Социальная ценность права в советском обществе» [7; переиздание 8; см. анализ этой работы: 13; 18, с. 14-55], которая является очевидным и весьма успешным – философско-правовым – исключением из всех его специально-юридических работ указанного периода, что придает ей особый интерес и интригу. Последняя усматривается в том, что ученый, с одной стороны, придерживался в основном позитивистского подхода к праву, а с другой – обосновывал ценность права, рассматривая его «как своего рода высокую *общечеловеческую ценность*, выразителя прогресса человеческого общества» [7, с. 160; 8, с. 160], а также анализировал закрепленные в праве общественные и личные идеалы, что фактически **выводит его правопонимание за рамки позитивизма уже в советский период**. Во введении С.С. Алексеев пишет, что «ценностная (аксиологическая) характеристика явлений окружающей действительности призвана расширить наши представления о мире, раскрыть в нем новые грани и связи...» [7, с. 4; 8, с. 4]. Используемая при этом категория «ценность» потому и обособилась в самостоятельную категорию, что она «выражает *идеалы* общественной и личной деятельности человека» [7, с. 3; 8, с. 3]. Обсуждение же идеалов и ценностей, как известно, не входит в предмет позитивистской теории права. Вспомним, что писал по этому поводу В.С. Нерсисянц, называя легизмом один из крайних вариантов позитивизма: «Теоретико-познавательный интерес легизма полностью сосредоточен на действующем (позитивном) праве. Все, что выходит за рамки эмпирически данного позитивного права, все рассуждения о сущности права, идеи права, **ценности права** и т.д. позитивисты отвергают как нечто метафизическое, схоластическое и иллюзорное, не имеющее правового смысла и значения» (выделено мной. – А.С.) [12, с. 11]. Это – очень верная констатация, ибо «настоящий» позитивист не будет обсуждать и доказывать ценность права, какие бы то ни было идеалы, которые оно закрепляет: подобные вопросы его совершенно не интересуют.

Таким образом, несмотря на указанное и весьма показательное исключение философско-правового характера, в советский период основное внимание ученый уделял специально-юридической теории права.

В постсоветский период у С.С. Алексеева, напротив, нет практически ни одной работы (не то, чтобы монографии, а даже статьи), которая бы была полностью и исключительно посвящена лишь специально-юридической проблематике – ученый стал работать главным образом в русле философии права, а догма и теория права, которым автор по-прежнему уделял достаточно много внимания стали рассматриваться уже в ином аспекте – как своеобразное основание или как подтверждение его философско-правовых рассуждений, то есть аналитическая и инструментальная (общая) теория права рассматривается им теперь на другом уровне или в другом контексте – в контексте философско-правовых идей, которые ученый в основном обсуждал и развивал в этот период.

Почему второй этап своего научного творчества ученый посвящает анализу, прежде всего, философско-правовых идей? Потому что в постсоветское время встала проблема философско-методологического обоснования нового права, новых правовых идей: старая идеология разрушилась, показав свою никчемность и тупиковость, свой античеловеческий и агрес-

сивных характер. Соответствующая ей методология была дискредитирована своими идеологическими основаниями и предпосылками, на которые она во многом опиралась, и потому появилась объективная потребность в поиске новых ориентиров в развитии общества, государства и права, в поиске иной методологии, в постановке и обосновании новых целей развития, в утверждении достоинства личности и ценности человеческой жизни не только в теории, но и на практике. И Сергей Сергеевич одним из первых понял эту необходимость, понял принципиально новый контекст ее проявления и стал реализовывать эту объективную потребность российской науки и трансформирующегося российского социума во всех своих работах постсоветского периода, не оставляя, конечно, совсем своей ранее самой главной – специально-юридической – линии, ставшей в перестроечное и постперестроечное время далеко не основной, хотя и по-прежнему очень и очень важной (разумеется, сюда не включаются поздние переиздания ранних специально-юридических трудов в области догмы права, то есть тех, которые были написаны еще в советское время).

Назовем самые основные работы С.С. Алексеева второго, философско-правового периода: Теория права. М., 1993, 2-е изд. – М., 1995; Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. – М., 1997; Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998, 2-е изд. М., 2013; Право: Азбука Теория Философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999; Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000; Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001, 2-е изд. М., 2002; Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность: Резюме с претензией. – М., 2001; Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд. – М., 2009 и другие.

Философско-правовые взгляды автор выражал также и в его публицистических произведениях. Назовем лишь некоторые из них (множество статей нет возможности даже упомянуть [9; 6]), изданные в период краткой «переходной» стадии, когда завершаются публикации первого периода (Общие дозволения и общие запреты в советском праве», 1989) и начинают формироваться подходы второго периода: Право и перестройка. Вопросы, раздумья, прогнозы. 1987; Правовое государство – судьба социализма. Научно-публицистический очерк. М., 1988; Перед выбором, Социалистическая идея: настоящее и будущее. М., 1990 и др. Второй период творчества ученого начинается в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века.

Две страны – два периода жизни и творчества ученого. Два периода научного творчества С.С. Алексеева соответствуют двум этапам, двум кардинально различным эпохам в жизни нашего общества. Рассматривать их с формационной ли или с цивилизационной точки зрения – в любом случае мы увидим, что это две фундаментально различные социальные, экономические, политико-правовые, культурные и т.п. системы – различные общественно-исторические эпохи. В конце прошлого века в России произошла смена цивилизаций – от советской, утопически ориентированной на построение рая на земле, мы вернулись к своим цивилизационным корням и соответствующим им ценностям, которые начали формироваться в России еще до Октябрьского государственного переворота 1917 года и которые другие народы давно уже стремятся воплотить на практике – это такие идеи и ценности, как достоинство и права человека, демократия, гражданское общество, правовое и социальное государство, рыночное хозяйство, солидарность и т.д. С формационной же точки зрения произошла смена общественно-экономических формаций (если использовать марксистский подход, даже понимая его ограничения и не подтвердившиеся сегодня гипотезы, касающиеся «коммунистической стадии» развития человечества), а именно: возврат от социалистической эпохи к капиталистической; от полного запрета частной собственности к ее признанию и защите; от оценки человека как «винтика», средства построения светлого (но как оказалось на деле – лишь в кавычках: «светлого») будущего к признанию личности в качестве высшей ценности обще-

ственного развития; от планового хозяйства – к рыночному; от авторитарного режима – к режиму, который хотя и с большой неохотой, но вынужден идти постепенно к демократическим способам управления обществом, и т.д. Если оценивать изменения по критерию уровня защиты прав и свобод человека (этот подход соединяет одновременно формационные и отчасти цивилизационные критерии, ибо второй этап – это уже новая и во многом единая – ориентированная на человека – цивилизация), то можно констатировать переход (самые первые его шаги) от социоцентристского типа общества, государства и права к персоноцентристскому типу государственно-правовой системы и соответствующей организации жизни социума в целом [16, с. 86-94; 15, с. 7-14; 14, с. 25-41]. Разве мог в этих условиях выдающийся мыслитель-правовед, каким был С.С. Алексеев, оставаться в прежних специально-юридических и порой вынужденно весьма узких рамках исследования, в рамках одной только догмы права? Разумеется, нет, и поэтому вполне закономерно начался второй этап в жизни и творчестве ученого: философско-правовой в науке и реформаторский в сфере государственно-правового строительства новой России.

Однако уже в ранний период творчества зарождались и разрабатывались главные идеи ученого, связанные с утверждением ценности личности и Права, которое «является “хранилищем” субъективных прав и свобод трудящихся, необходимым и эффективным “правовым механизмом”, обеспечивающим их реальное и последовательное проведение в жизнь» [7, с. 186; 8, с. 186]. Эти идеи в полной мере были развиты позже, в постперестроечную, постсоветскую эпоху и это позволяет сделать вывод, что фундаментальные основания учения мыслителя-правоведа были заложены еще в советское время и оставались таковыми на протяжении всей его научной и практической деятельности. Вот почему выше, в словосочетании «“два” Алексеева», первое слово было взято в кавычки, поскольку, несмотря на наличие двух этапов в развитии научного творчества С.С. Алексеева, мы можем констатировать, что глубинное основание его учения было одинаковым, то есть общим для обоих периодов – это пиетет перед Правом как важнейшей социальной ценностью и достоинством личности, ее правами и свободами, закрепленными в Праве, которое было их «хранилищем», а также неустанное внимание к правовому воспитанию и просвещению как важнейшим и необходимейшим средствам повышения правовой культуры общества и обеспечения господства Права в его жизни. Только в разные периоды научной, а позже еще и реформаторской деятельности ученого, которые соответствовали двум принципиально различным эпохам жизни нашей страны, эти идеи находили не одинаковое словесное и практическое выражение. Так, закрепленная ныне в статье 2 Конституции России идея о правах и свободах человека как высшей ценности, которой ученый придавал громадное значение, работая над проектом Основного закона и настаивая, чтобы это положение открывало Конституцию, то есть было закреплено уже в первой ее статье, в советское время выражалась им иначе – согласно устоявшемуся в то время дискурсу и принятым в юридической науке подходам: «социалистическое право утверждает ценность личности, ее высокое положение в обществе, освобождение от эксплуатации, личную неприкосновенность и безопасность» [7, с. 216; 8, с. 216]. Если сделать поправку на социально-политический и иной контекст того времени, то, по сути, перед нами практически идентичные идеи и в любом случае одинаковые основания учения С.С. Алексеева о праве и его предназначении в обществе, которые были нерушимым фундаментом его научного творчества обоих периодов.

Коммунизм и социализм – выдающиеся идеи и антигуманная практика. Необходимо сделать одну исключительно важную оговорку по поводу «социалистического общества» и «коммунизма» как цели, которая была написана на знаменах СССР. Коммунизм и его первая фаза – социализм – в той форме, как эта фаза задумывалась классиками марксизма-ленинизма, оказались полнейшей утопией, а средства их построения иначе как антигуманными (а часто преступными) и не назовешь! Означает ли это, что все идеи, которые обсужда-

лись юридической наукой советского периода, и в том числе применяемая ею марксистская методология, классовый анализ общества и т.д., нужно выкинуть на свалку истории? Или же что-то необходимо оставить для нового общества, в котором мы сейчас живем и основные параметры которого закреплены в действующей ныне Конституции России? Ответ на последний вопрос будет, конечно же, положительным, а на предыдущий – соответственно, отрицательным: и марксистская методология, и классовый анализ социальных отношений, и значительная, подавляющая часть идей, разработанных советской юридической доктриной, имеют непреходящую ценность и сегодня. Если коммунизм как окончательная цель общественного развития оказался утопией, а средства ее достижения – исключительно антигуманными, то это не означает еще, что основные идеи, на которых базировался невиданный в истории социальный эксперимент, должны быть отброшены полностью и навсегда. Речь идет о стремлении к высшей социальной справедливости и устранению эксплуатации в обществе, об идеях действительной свободы, реального равенства, товарищества и братства между людьми и т.д. [7, с. 27; 8, с. 27]. Именно потому, что коммунистический эксперимент взывал к этим идеям, он и оказался столь привлекательным и так долго – почти три четверти прошлого века – нерушимым. Привлекательность коммунистической идеи такова, что Н. А. Бердяев – великий мыслитель, исследователь истоков и смысла русского коммунизма – пришел к выводу о невозможности опровергнуть коммунизм рационально, теоретически. Единственный путь его краха – это его самоистребление, когда коммунистическая идея покажет свою практическую нереализуемость, а основные средства достижения этой утопии в силу их крайнего человеконенавистничества войдут в резкое противоречие с намеченными ею целями и приведут, в конце концов, к деградации многих областей жизни общества, что и произошло на практике в СССР в прошлом веке [17, с. 32-72].

Вот на этом парадоксальном противоречии (целей и средств их достижения) необходимо остановиться подробнее, так как оно вызывает непонимание, а потому и совершенно неадекватную критику в адрес ученых советского периода в области социальных наук. Подобного рода необоснованные и резко противостоящие здравому смыслу претензии предъявлялись и С.С. Алексееву [20]. Советские ученые восхваляли не средства, тем более насильственные и жестокие, а идеи высшей социальной справедливости, действительной свободы, реального равенства, братства, солидарности и запрета эксплуатации, которые были написаны на знаменах строителей коммунизма. Мало кто приветствовал террор, массовые репрессии по отношению к своим соотечественникам, тоталитарные, а затем авторитарные методы руководства обществом. К сожалению, были и такие, кто выступал за подобные методы насильственного осчастливливания советских граждан, однако С.С. Алексеева в их числе, разумеется, не было и быть не могло. Его отец был незаконно репрессирован, и это не могло не сказаться на молодом человеке, которому приходилось жить с клеймом «сына врага народа», не могло не оставить глубокого, трагического следа в душе ученого на всю его жизнь [10; 19, с. 159-160] и поэтому предъявлять С.С. Алексееву претензии за прославление советского режима было бы крайне неразумно.

Безусловно, С.С. Алексеев искренне разделял идеи социальной справедливости, свободы, равенства, братства, отсутствия эксплуатации и полагал, что Право будет одним из важнейших средств достижения этих идей и уже само по себе есть реализация свободы, равенства и социальной справедливости в обществе. Поэтому когда мы находим в его работах советского периода защиту социалистического и коммунистического идеала, социалистического права, то надо понимать, что автор имел в виду именно указанные целевые установки и идеи, к которым официально и призывала коммунистическая идеология. Даваемая же автором позже критика советского периода относится к насильственным средствам осуществления коммунистической идеи, к тому, что в своей реальной практике возглавляемая Коммунистической партией советская власть пошла против тех идеалов, к которым призывала на словах.

Нынешняя критика советского периода, которая проводится с демократических и гуманистических позиций, нередко вместе с водой выплескивает и ребенка, то есть, верно отвергая утопичность коммунистической идеи и неприемлемые средства ее реализации, забывает полностью те идеи, к которым призывала эта идеология. И получается, что как будто бы сегодня российское общество согласилось с эксплуатацией и грубыми нарушениями социальной справедливости, как будто общество не стремится уже к реальному равноправию и свободе и т.д. К сожалению, некоторые современные политико-правовые тенденции позволяют заключить, что многое из того, что было записано верно на знаменах социалистического периода нашей истории, сегодня уже мало кого волнует и, кажется, что не имеет почти никакого значения. В частности, идея антиэксплуататорской сущности права вполне могла бы развиваться и сегодня, выражаясь в соответствующих требованиях в адрес законодателя. Ведь несмотря на явную нацеленность этой идеи в советское время на идеологическую борьбу с миром капитала, актуальность этого требования самого по себе не стала сколько-нибудь меньше и сегодня как для современного буржуазного, так и в гораздо большей мере для нынешнего российского общества, где также и, по сути, вполне открыто сформировалась определенная и весьма узкая элита, которую можно назвать эксплуататорской в самом полном, то есть марксистском смысле данного слова. Эти отношения описывают сегодня, в том числе, и в показателях децильного коэффициента (разницы между 10% наиболее богатых и 10% самых бедных), поскольку термин «эксплуатация» можно вполне заменить категорией «несправедливое распределение» общественного продукта. Так, Козырев Г.И. отмечает, что «бедность в России обусловлена не только и не столько дефицитом производимого общественно-го продукта, а его несправедливым распределением; это “относительная бедность”... На конец 2016 г. децильный коэффициент официально составлял 16,5–17, но, по мнению экспертов, в официальную статистику Росстата не включаются доходы лиц из самых низов общества и данные о доходах наиболее богатых граждан. Поэтому, с учетом скрытых доходов, разрыв может достигать 40–50 раз и больше» [11, с. 71].

Советский режим ограничивал творчество ученых очень жестко: сначала был установлен прямой террор (и уничтожение ученых с «неверными», «плохими» идеями), а потом – открытая цензура. Даже простой призыв диссидентов к советской власти «Соблюдайте свою Конституцию!» приводил в то время к тюремной и (или) психиатрической расправе над этими людьми, которые оказывались «инакомыслящими», хотя сказали-то всего лишь то, что если написаны правильные и красивые слова в Конституции СССР, то надо их подтверждать на практике. Сергей Сергеевич всегда говорил, и в советское время тоже, что надо уважать право – соблюдать законы, исполнять требования социалистической законности, что, по существу своему, одно и то же с вышеупомянутым диссидентским призывом, хотя и сказанное совсем в иной форме! Эта академическая форма была, пожалуй, очевидным максимумом возможного в условиях жесткого авторитарного режима для того, чтобы отстаивать идею и ценность Права, что и делал С.С. Алексеев и в советский, и в постсоветский периоды своего творчества. Позже, в условиях перехода к демократии и персонцентристскому обществу, он смог говорить уже вполне открыто и свободно все, что накопело у него на душе в условиях прежнего жесткого идеологического диктата, практиковавшегося в СССР до начала перестройки.

Практическая реализация. В советский период С.С. Алексеев делал все то, что могло принести обществу максимальную на тот момент пользу и что могло быть понято и принято общественным сознанием, «руководящей и направляющей» его силой, которая вела нашу страну в тупик. В постсоветский период возможностей принести пользу обществу стало многократно больше и ученый писал и делал то, что было необходимо и полезно для продвижения социума вперед, для исправления тех трагических ошибок, которые были допущены ранее и, скажи он прямо и открыто об этих ошибках в советское время, то, вполне понятно, что он не только не был бы услышан, но и более, чем очевидно, что был бы мгновенно записан в ряды

врагов советского строя. Так, если в советский период феноменальные юридические знания ученого могли быть использованы на практике максимум в качестве народного заседателя в судебном составе народного же, как он тогда назывался, суда (а роль заседателей, как известно, была крайне невелика) или найти выражение в идущих «под сукно» записках и рекомендациях в «руководящие и направляющие» органы, то в перестроечное время потенциал ученого использовался по максимуму: С.С. Алексеев стал народным депутатом СССР от Академии наук СССР, затем был избран членом Верховного Совета СССР, председателем Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка, Председателем Комитета конституционного надзора СССР, позже был назначен руководителем Исследовательского центра частного права, членом Президентского Совета, членом Комиссии по правам человека при Президенте РФ, стал одним из авторов ряда важнейших законопроектов, в том числе Конституции РФ, первой и второй частей Гражданского кодекса РФ и др.

В качестве вывода данной статьи хотелось бы указать на главное – на необходимость всестороннего изучения и дальнейшего развития колоссального по своей значимости для нашей юридической науки творческого наследия великого ученого-правоведа, Сергея Сергеевича Алексеева.

Библиографические ссылки

1. Алексеев С.С. Азбука закона. Свердловск, 1982.
2. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
3. Алексеев С.С. Общая теория права: Курс в 2 т. Т. 1. М., 1981.
4. Алексеев С.С. Право и наша жизнь. М. 1978.
5. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
6. Алексеев С.С. Собрание сочинений в 10 т. Справочный том. Составитель М. Ф. Казанцев. М., 2010.
7. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971.
8. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе / предисл. С.А. Степанова; вступ. ст. А.П. Семитко. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. LXXX, Серия «Предназначение и могущество права».
9. Алексеев Сергей Сергеевич: Правовед. Мыслитель. Публицист. Библиография: К 85-летию со дня рождения ученого / М.Ф. Казанцев, В.Н. Руденко, Е.М. Сурина; отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН, 2009.
10. Восхождение к праву. Документальный фильм о С.С. Алексееве. Первый фильм трилогии «Эпоха Сергея Сергеевича Алексеева». Автор идеи и сценария С.А. Степанов. Екатеринбург : Музей С.С. Алексеева, УрГЮУ, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H9XSVmbYObw>.
11. Козырев Г.И. Конфликтный потенциал современного российского общества // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 68-78.
12. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998.
13. Семитко А.П. Вступительная статья // Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе / предисл. С. А. Степанова; вступ. ст. А.П. Семитко. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. LXXX, (Серия «Предназначение и могущество права»).
14. Семитко А.П. Концептуальное введение: Право, личность, права человека: персонцентристский подход к праву и правовой культуре // Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С.С. Алексеев. М. : Норма, 2018.
15. Семитко А.П. О персонцентристском и социоцентристском типах государства и права как теоретической конструкции // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 3 (45). С. 7-14.
16. Семитко А.П. Персонцентристский подход к праву и правовой культуре // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 1 (1). С. 86-94.
17. Семитко А.П. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к 100-летию Октябрьского государственного переворота в России // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 4 (19). С. 32-72.

18. Семитко А.П. С.С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 3. С. 14-55.
19. Сергей Сергеевич Алексеев: биографический очерк // Алексеев С.С. Собрание сочинений в 10 т. Справочный том. Сост. М. Ф. Казанцев. М., 2010. С. 156-171.
20. Тилле А.А. Право абсурда: социалистическое феодальное право. МП "Конт", 1992.

References

1. Alekseyev S.S. *Azbuka zakona (The alphabet of law)*, Sverdlovsk, 1982.
2. Alekseyev S.S. *Voskhozhdeniye k pravu. Poiski i resheniya (Ascent to law. Searches and solutions)*, Moscow, 2001.
3. Alekseyev S.S. *Obshchaya teoriya prava (The general theory of law)*, Kurs v 2 t., T. 1. Moscow, 1981.
4. Alekseyev S.S. *Pravo i nasha zhizn' (Law and our life)*, Moscow, 1978.
5. Alekseyev S.S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya (Law: alphabet – theory – philosophy. Integrated research experience)*, Moscow, 1999.
6. Alekseyev S.S. *Sobraniye sochineniy v 10 t. (Collected works in 10 volumes)*, Spravochnyy tom. Sostavitel' M. F. Kazantsev. Moscow, 2010.
7. Alekseyev S.S. *Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve (The social value of law in Soviet society)*, Moscow, 1971.
8. Alekseyev S.S. *Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve (The social value of law in Soviet society)*, predisl. S.A. Stepanova, vstup. st. A.P. Semitko, Yekaterinburg, Gumanitarnyy universitet, 2019, LXXX, Seriya «Prednaznacheniy i mogushchestvo prava».
9. Alekseyev Sergey Sergeevich: *Pravoved. Myslitel'. Publitsist. Bibliografiya: K 85-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo (Alekseev Sergey Sergeevich: Lawyer. Thinker. Publicist. Bibliography: On the 85th birthday of a scientist)*, M.F. Kazantsev, V.N. Rudenko, Ye.M. Surina, otv. red. V.N. Rudenko, Yekaterinburg, UrO RAN, 2009.
10. *Voskhozhdeniye k pravu (Ascent to law). Dokumental'nyy fil'm o S.S. Alekseyeve. Pervyy fil'm trilogii «Epokha Sergeya Sergeevicha Alekseyeva» (V), Avtor idei i stsenariya S.A. Stepanov, Yekaterinburg, Muzei S.S. Alekseyeva, UrGYUU, 2019, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H9XSVmbYObw>.*
11. Kozyrev G.I. *Konfliktnyy potentsial sovremennogo rossiyskogo obshchestva (The conflict potential of modern Russian society)*, *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2017, No. 6, pp. 68-78.
12. Nersesyants V.S. *Yurisprudentsiya. Vvedeniye v kurs obshchey teorii prava i gosudarstva (Law. Introduction to the course of the general theory of law and state)*, Moscow, 1998.
13. Semitko A.P. *Vstupitel'naya stat'ya (Introductory article)*, *Alekseyev S.S. Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve*, predisl. S. A. Stepanova, vstup. st. A.P. Semitko, Yekaterinburg, Gumanitarnyy universitet, 2019, LXXX, (Seriya «Prednaznacheniy i mogushchestvo prava»).
14. Semitko A.P. *Kontseptual'noye vvedeniye: Pravo, lichnost', prava cheloveka: personotsentristskiy podkhod k pravu i pravovoy kul'ture (Conceptual introduction: Law, personality, human rights: a person-centered approach to law and legal culture)*, *Prava cheloveka: entsiklopedicheskiy slovar'*, otv. red. S.S. Alekseyev, Moscow, Norma, 2018.
15. Semitko A.P. *O personotsentristskom i sotsiotsentristskom tipakh gosudarstva i prava kak teoreticheskoy konstruksii (On the personocentric and sociocentric types of state and law as a theoretical construct)*, *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2016, No. 3 (45), pp. 7-14.
16. Semitko A.P. *Personotsentristskiy podkhod k pravu i pravovoy kul'ture (Personocentric approach to law and legal culture)*, *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, 2013, No. 1 (1), pp. 86-94.
17. Semitko A.P. *Rossiyskaya pravovaya kul'tura i osobennosti yeye modernizatsii: k 100-letiyu Oktyabr'skogo gosudarstvennogo perevorota v Rossii (Russian legal culture and the features of its modernization: on the 100th anniversary of the October coup in Russia)*, *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, 2017, No. 4 (19), pp. 32-72.
18. Semitko A.P. S.S. Alekseyev: *tsennost' prava – v utverzhdanii tsennosti lichnosti, yeye prav i svobod, vysokoy organizovannosti i poryadka v zhizni obshchestva (S.S. Alekseev: the value of law is in the affirmation of personal value, human rights and freedoms, high organization and order in the life of society)*, *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, 2019, No. 3, pp. 14-55.

19. Sergey Sergeevich Alekseyev: biograficheskiy ocherk (Sergey Sergeevich Alekseev: biographical essay), *Alekseyev S.S. Sobraniye sochineniy v 10 t., Spravochnyy tom*, Sost. M. F. Kazantsev, Moscow, 2010, pp. 156-171.

20. Tille A.A. Pravo absurda: sotsialisticheskoye feodal'noye pravo (The law of the absurd: socialist feudal law), МР "Kont", 1992.

Дата поступления: 25.10.2019

Received: 25.10.2019

УДК 340.1+34(091)

**ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ МИССИЯ
ИНСТИТУТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

**CIVILIZING MISSION OF THE
INSTITUTE OF HUMAN RIGHTS**

УТЯШЕВ Марат Мухарович

*Доктор политических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: marat_ut@rambler.ru*

UTYSHEV Marat Mukharovich

Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: marat_ut@rambler.ru

ТУЛУПОВА Елена Олеговна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: lena118@yandex.ru*

TULUPOVA Elena Olegovna

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: lena118@yandex.ru*

ХАБИБУЛЛИНА Регина Айратовна

*Магистрант кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: khabibullina.gi@gmail.com*

KHABIBULLINA Regina Ayratovna

Master's Student of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: khabibullina.gi@gmail.com

В статье авторы размышляют о цивилизаторской миссии прав человека. Они утверждают, что наивысшим достижением земной цивилизации является уважение личности, её прав и свобод. Признание государственной властью своей ответственности за соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – это первое и необходимое условие продвижения страны к цивилизованности. Краткий экскурс движения человечества от варварства к цивилизованности демонстрирует поступательность и настойчивость в развитии человеколюбивых отношений. Это и отказ от крепостного права; создание Лиги наций, а позднее ООН; разработка таких уникальных меж-

In the paper, the authors reflect on civilizing mission of human rights. They declare that the highest achievement of the Earth's civilization is respect of human rights and freedoms. The recognition by state authorities of their responsibility for respecting and protecting human and civil rights and freedoms is the first and necessary condition for the country's advancement towards civility. A brief excursion of human progress from barbarism to civility demonstrates progressive advance and perseverance in the development of humanitarian relations. This is a rejection of serfdom; the creation of the League of Nations and later the United Nations; the development of unique in-

дународных стандартов как Всеобщая декларация прав человека, Женевская конвенция, Декларация прав детей, документов МОТ и многих других. Также авторами обосновывается точка зрения, согласно которой, к цивилизованности ведет образование вообще и изучение прав и свобод личности в частности. Обучение, подготовка кадров и информирование общественности о правах человека является важным для поощрения стабильности и гармоничных отношений, укрепления взаимопонимания, терпимости и мира.

Ключевые слова: цивилизация, гуманизм, права, свободы человека, ООН, декларация, личность, признание, защита.

international standards such as the Universal Declaration of Human Rights, the Geneva Convention, the Declaration of Children's Rights, the ILO documents and many others. The authors also substantiate the view that education in general and human rights and freedoms study in particular lead to civility. Education, training and public information of human rights is essential to promote stability and harmony as well as to strengthen understanding, tolerance and peace.

Key words: civilization, humanism, rights, human freedoms, UN, declaration, personality, recognition, protection.

Отправной (исходной) точкой наших размышлений стали слова Плутарха о том, что величайшей заслугой философии – является укрощение в человеческих нравах первобытной жестокости.

Наивысшим достижением земной цивилизации является признание личности, её прав и свобод высшей ценностью. Признание государственной властью своей ответственности за соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – это первое и необходимое условие продвижения страны к цивилизованности. Одновременно понимание универсальности прав и свобод, их гуманистической функции отвергает отжившие обычаи и предрассудки, и призывы к возврату старины.

Многих людей разговоры о правах человека пугают и раздражают. Так, Карамзин и Жуковский были в восторге от самодержавия и крепостного права. Наши современники могут восхищаться застоєм и стагнацией. Для них важна пресловутая стабильность вместо движения и развития. А между тем, любое движение, направленное на признание, соблюдение или защиту прав человека и гражданина, означает движение от варварства, угнетения и насилия в сторону цивилизованных и гуманных отношений в обществе.

Доказательствами этой гипотезы переполнена вся история человечества со времен философа Сенеки и правления династии Антонинов в античном мире. Ведь признание раба способным к благодеянию, уравнивающее его с патрицием, прогрессивное и щадящее налогообложение, государственные стипендии и алиментарные фонды для обучения мальчиков и девочек, бесплатная или дешевая раздача хлеба, масла и вина нуждающимся – все это и было признанием прав и свобод личности. И это тоже было отходом от варварства к цивилизованности.

«Цивилизация – это в высшей степени сложная социальная организация. Картины, статуи, здания представляют собой наиболее очевидные достижения цивилизации, однако они свидетельствуют об экономических, социальных и политических институтах, задумавших, оплативших и воплотивших эти артефакты в реальную жизнь» [1, с. 32]. Политика не менее, а скорее, более важная часть цивилизации, чем философия, опера, поэзия или живопись. Все великие государства гибли в результате неблагоприятного управления. На самом деле цивилизованность всегда показатель человеколюбия и благородства правителей, а падение и возврат в варварство – их недостатки и дурные наклонности. Цивилизованность измеряется не только эстетическими достижениями, но и условиями жизни людей того периода. Качество жизни определяется целым набором составляющих показателей: доходом на душу насе-

ления, качеством одежды и питания, жилищными условиями, местом граждан в жизни общества, наличием прав и свобод, а также обязанностей.

Наиболее ярко сталкиваются варварство и цивилизация в сферах правовых отношений (к примеру: исполнение наказаний и реализация индивидуальных прав и свобод).

Один из первых пророков нового планетарного мышления Владимир Иванович Вернадский, говорил: «Человеческая личность есть драгоценнейшая, величайшая ценность, существующая на нашей планете... (Она не появляется на ней случайно и, раз исчезнувши целиком, никогда не может быть восстановлена)...» [2, с. 157].

Русско-украинский вечный оппонент В.И. Ленина М.И. Туган-Барановский пишет: «Отбросьте учение об абсолютной ценности человеческой личности – и все демократические требования нашего времени окажутся пустым разглагольствованием» [3].

Краткий экскурс движения человечества от варварства к цивилизованности демонстрирует поступательность и настойчивость в развитии человеколюбивых отношений.

Благороднейший международный акт, подписанный в Женеве в 1864 г. был способом категорического отказа от варварских способов ведения войн, со всеми ужасами для мирного населения, военнопленных и раненных с обеих сторон. Благодаря гуманистам стали развиваться идеи о братстве и взаимной солидарности народов. Насилие и грабежи вражеских армий начали вызывать всяческое отторжение и массовые протесты. Более цивилизованные правила ведения войны касались нескольких важных аспектов войны и мира: раненные и больные войны пользовались защитой независимо от того, на какой стороне они воевали; усиленная охрана для лиц и вещей, предназначенных для ухода за ранеными и больными; наличие знаков отличия и неприкосновенности медицинского персонала, занятого этим святым делом.

Стремление международного сообщества минимизировать последствия вооруженных конфликтов ведущих к массовым нарушениям прав и свобод, как участников войн, так и мирных граждан, привело к созданию Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Его эффективная деятельность базируется на принципах гуманизма, беспристрастности, независимости, нейтральности, добровольности, единства и универсализма. Первый принцип означает всемерное стремление к предотвращению и облегчению страдания людей, прежде всего убитых, раненных и пленных, а также пострадавших в зоне боевых действий. При этом заботе, защите и охране подлежат все страждущие без какой-либо дискриминации и независимо от любых обстоятельств. Гуманитарная деятельность не сопровождается получением выгоды или вознаграждения.

Создание Лиги Наций было величайшим достижением мировой истории – один из грандиознейших замыслов человечества. Так ли? Не есть ли это обычное преувеличение или утопия? Лига наций просуществовала исторический миг. И у нее было очень мало полномочий. Тем не менее, это был первый опыт глобализации прав человека, может быть лучше сказать конвергенции. И Лига Наций заложила опыт согласования мировых противоречий бытия различных политических и правовых систем. На ее примере выросла ООН.

Еще одна проблема, издавна вызывавшая озабоченность экспертов и специалистов ООН, относилась к правам детей, которые всегда нуждались в особой защите. Первым нормативным документом ООН была Декларация прав детей, принятая в 1959 г. В ней истинная забота звучит о детях, которым человечество обязано давать лучшее, что оно имеет, а потому наилучшее обеспечение интересов ребенка, должно стать (непреложным) признаком для всех, кто отвечает за благополучие детей. Позже была принята Конвенция ООН о правах ребенка, к которой в первый же день после открытия ее для подписания, присоединились представители 64 государств. Небывалая поддержка нормативного акта, безусловно, свидетельствовала о ценности этого документа.

Желание Мирового сообщества гуманизировать и облегчить положение трудящихся, запретить принудительных труд, помешать вовлечению в него несовершеннолетних, то есть

защитить права и свободы в сфере трудовых отношений, привела к созданию Международной организации труда. За время существования этой Международной организации, ею разработано и принято более 200 документов, запрещающих варварскую эксплуатацию работников и/или облегчающих трудовые отношения в обществе. Примечателен круг таких вопросов и гуманистический характер их регулирующих норм. Например, «О минимальном возрасте детей на работу ...»; «О еженедельном отдыхе ...»; «О сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю»; «О ежегодных оплачиваемых отпусках ...»; «Об охране заработной платы»; «Об охране материнства ...»; «О дискриминации в области труда и так далее и тому подобное.

Таким образом, вековая деятельность МОТ направлена на гуманизацию отношений людей в наиболее важной и необходимой сфере жизнедеятельности – в сфере трудовых отношений.

Становится ясно, что нет ни одной сферы жизнедеятельности, в которой не сказалась бы благотворная деятельность ООН, касается ли это прав детей, инвалидов, малых народов и т.д., и т.п.

По мере движения вперед в обеспечении прав человека в мире будет возрастать и степень цивилизованности. Гимном человеческой личности звучат слова Всеобщей Декларации прав человека: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». Всего в тридцати статьях изложена вся мудрость бытия на этой Земле. Но для того, чтобы знания о правах человека стали элементарными надо расширить образование в этой сфере. К цивилизованности ведет образование вообще и изучение прав и свобод личности в частности.

В преамбуле Всеобщей Декларации прав человека была выражена решимость утвердить веру в основные права, в достоинство и ценность человеческой личности, в равенство прав больших и малых народов. Позже эта формулировка повторялась в большинстве международных актов, как одна из основополагающих и фундаментальных в области прав человека.

Международные организации постоянно напоминают об особой значимости образования в сфере прав человека. Проблематика обучения вопросам прав человека была затронута в Венской Декларации и программе действий. Обучение, подготовка кадров и информирование общественности по вопросам прав человека является важным для поощрения стабильности и гармоничных отношений, укрепления взаимопонимания, терпимости и мира.

Государствам следует стремиться к искоренению неграмотности и ориентировать обучение на цели полного развития человеческой личности и укрепления уважения к правам человека и основным свободам.

Все государства и учреждения образования должны включать вопросы прав человека, гуманитарного права, демократии и законности во все учебные программы всех без исключения форм государственного и неформального образования. Обучение в области прав человека должно включать вопросы обеспечения мира, демократии, развития и социальной справедливости с целью достижения общего понимания и осведомленности для воспитания универсальной приверженности людей к ценностям прав человека, а значит и цивилизованности.

Современное учение о правах человека сформировалось в конце XIX столетия стараниями авторов Декларации независимости, Конституции США и Французской декларации прав человека и гражданина 1789 года, а также книгой Томаса Пейна «Права человека». К примеру, в преамбуле Французской Декларации – одном из первых значимых документов в области прав человека с исчерпывающей точностью закреплялось, что «единственными причинами народных бедствий и развращенности правительства является незнание, забвение или презрение прав человека».

До столь концентрированной разработки сущности, содержания, юридического обозначения и природы прав человека были отдельные догадки и подходы к этой проблеме труды Локка, Канта, Вольтера, но они относились к правам не как к правам каждого человека, а скорее поведением элитарных групп или сословий.

Современное понимание прав человека базируется на его междисциплинарном характере и универсальности. Особенностью прав человека как предмета изучения является то, что это не только юридическая, но и гуманитарная дисциплина, необходимая для всех и каждого независимо от избираемой специальности. Знания о своих правах и о правах других людей концентрируют в себе все аспекты человеческого поведения.

Когда юрист слышит слово «право» в его мозгу автоматически рождается понятие писаной нормы или вида наказания. Это тот же парадокс как здоровье определять через болезнь. Что же касается совершенно необходимых понятий справедливости или дискриминации, то едва ли какой юрист сможет объяснить их смысл. Между тем, почти каждое нарушение прав человека связано с дискриминацией. В то же время, чем больше в обществе допускается дискриминации, тем больше оно отстает от цивилизованности.

Теория прав человека, разработанная Б. Кистьяковским – неотделяемая часть его концепции правового государства. Государство, считает он, есть правовая организация народа, обладающая во всей полноте своего собственного самостоятельного и ни от кого не заимствованного властью. Права человека «естественны», так как эти права до-политические, изначально присущие людям, как человеческим существам, а не членам той или иной социально-политической системы. Тем не менее, их следует защищать в первую очередь [4, с. 6].

При такой ясной парадигме остается важнейшим вопросом, почему и отчего люди склоняются к варварству и первобытной жестокости?

Осталась еще отложенная гуманность в скрытой форме нарушающая принципы гуманизма и правосудия, справедливости, уважения чести и достоинства личности, прав и свобод индивида. (Ведь пытка, бытующая в некоторых «правовых системах», является не только тяжким и гнусным преступлением властей, но является способом, добившись признания безвинного в совершении преступления, спасти от ответственности истинного преступника).

В «темные века» средневековья немыслимо было даже помыслить о недопустимости или запрете членовредительства, пытках, истязаниях, безвинных и жестоких казнях... Дыба, отсечение частей тела, членовредительство, побитие камнями, ярко свидетельствовали о варварском и далеком от цивилизованного и гуманного отношения (властей) к человеческой личности. И такое варварство осталось не в таком уж далеком прошлом: 20 августа 1877 года в Мексике были сожжены 5 женщин, обвиненных в ведовстве, а побитие камнями практикуется в некоторых странах до сих пор.

Эпоха гуманизма (Ренессанс), сменившая средневековье, в том числе означала движение Европы к цивилизованности. А любое общественное движение, направленное на признание ценности человеческой личности, уважение и защиту его прав и свобод, означает отход от варварства, угнетения и насилия в сторону цивилизованных и гуманных отношений в обществе.

С тех далеких времен, когда варварство было обыденным делом, человечество прошло огромный путь. Но это было еще далеко от истинного человеколюбия и, тем более, от цивилизации. Человечество отказалось, или почти отказалось от пыток и других истязаний.

Процессы «о ведьмах и колдунах», инквизиционные ужасы, побития камнями, сожжение на кострах, посадка на кол, четвертование – все эти бесчеловечные наказания остались позади. Но смертную казнь отменяли с трудом. Как относятся к смертной казни россияне, вы все хорошо знаете. И это при том, что право на жизнь самое святое право, то есть такое, которое не имеет цены. Джефферсон формулирует это право в лаконичной форме императива: законы должны издаваться, сообразуясь единства с разумом и имея в виду благополучия тех, для кого они принимаются. Забота о человеческой жизни и счастья, а не об их разрушении – это первая и единственная законная задача хорошего правительства.*

Юрист и ученый А.И. Елистратов писал: неотъемлемым свойством прав человека является верховенство права или суверенитет права, который исторически приходит на смену суверенитета монарха, вследствие чего инициатива освобождается от опеки государства и его

личная автономия-самостоятельность получает безусловную признательность [5, с. 15]. Как сказал бы А. Пушкин: «Самостоянье человека – залог величия его».

Под цивилизацией понимается, прежде всего, гуманистический характер общественно-исторического процесса: уважение достоинства личности и признание его прав и свобод, отмена крепостного права, запрет принудительного труда, запрет рабовладения, торговли людьми, запрет сегрегации и прочее, и прочее – отход от варварства. Главным, исходным началом цивилизации было и остается развитие человеческого в человеке.

Завершить наши размышления хотелось бы словами О. Хаяма:

Прекрасно воду провести к полям!

Прекрасно в душу свет впустить – отраду нам!

И подчинить добру людей свободных,

Прекрасно, как свободу дать рабам.

Примечания

* Подробнее: [Электронный ресурс]

https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%81_%D0%94%D0%B6%D0%B5%D1%84%D1%84%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD (дата обращения: 27.08.2019).

Библиографические ссылки

1. Ниал Фергюсон. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира / пер. с англ. К. Бандуровского. М. : ООО АСТ, 2014.
2. Вернадский В.И. Статьи об ученых и их творчестве. М. : Наука, 1997.
3. Корнейчук Б.В. Экономические воззрения М.И. Туган-Барановского. СПб. : Наука, 2008.
4. Кистяковский Б.А. Сущность государственной власти. Ярославль, 1973 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/6186155/> (дата обращения: 27.08.2019).
5. Елистратов А.И. Очерк государственного права. Конституционное право. 2-е изд., перераб. М. : Тип. и цинкогр. т./д. «Мысль», 1915.

References

1. Nial Fergyson. Tsivilizatsiya. Chem Zapad otlichayetsya ot ostal'nogo mira (Civilization. How the West differs from the rest of the world), per. s ang. K. Bandurovskogo. Moscow, ООО AST, 2014.
2. Vernadskiy V.I. Stat'i ob uchenykh i ikh tvorchestve (Papers on scientists and their work), Moscow, Nauka, 1997.
3. Korneychuk B.V. Ekonomicheskiye vovzreniya M.I. Tugan-Baranovskogo (Economic views of M.I. Tugan-Baranovsky), St. Petersburg, Nauka, 2008.
4. Kistyakovskiy B.A. Sushchnost' gosudarstvennoy vlasti (The essence of state power), Yaroslavl', 1973, URL: <http://base.garant.ru/6186155/> (accessed date: 27.08.2019).
5. Yelistratov A.I. Ocherk gosudarstvennogo prava. Konstitutsionnoye pravo (Essay on state law. Constitutional law), 2-ye izd., pere-rab, Moscow, Tip. i tsinkogr. t./d. «Mysl'», 1915.

Дата поступления: 20.10.2019

Received: 20.10.2019

УДК 340.1+34(091)

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ИНТЕРЕСА В ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

ХАЙРЕТДИНОВА Алина Ильясовна
*аспирант кафедры теории государства
и права Института права ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный универси-
тет», г. Уфа. Россия.*
E-mail: alina-khayretdinova@mail.ru

**LEGAL REGULATION OF THE
INTEREST IN THE GLOBAL SYSTEM
OF HUMANITY**

KHAYRETDINOVA Alina Ilyasovna
*Postgraduate Student of the Chair of Theory of
State and Law of the Institute of Law of the
Federal State Budgetary Educational Institu-
tion of Higher Education “Bashkir State Uni-
versity”, Ufa. Russia.*
E-mail: alina-khayretdinova@mail.ru

На сегодняшний день одной из глобальных проблем человечества является экологическая проблема. Отходов становится все больше, требуются перемены в организации всей системы, в подходе работы со свалками и полигонами. В современном мире состав мусора сильно изменился, появился пластик, а методы утилизации – устарели. В настоящее время проблема загрязнения является не просто трудностью, это уже экологическая катастрофа глобального характера. Башкортостан тоже активно принимает участие в реализации проекта «Чистая страна». В мае 2019 года в республике был проведен Международный съезд региональных операторов, где обсуждался вопрос о трудностях реализации мусорной реформы. На съезде было подписано четырехстороннее соглашение о сотрудничестве в сфере реализации инвестиционных проектов.

Ключевые слова: ООН, ЮНЕП, защита, окружающей среды, «мусорная» реформа, «Чистая страна», проблема загрязнения.

Today, one of the most important global problems is environmental problem. There are more and waste products, so changes are required to organize the entire system, as well as in the approach to deal with garbage dumps and landfills. In the modern world, the composition of garbage has changed a lot, plastic has appeared, and disposal methods are outdated. Currently, the pollution problem is not just a difficulty; it is already a global environmental disaster. Bashkortostan is also actively involved in the implementation of the “Clean Country” project. In May 2019, an international congress of regional operators was held in the republic; there the issue of the difficulties of implementing the garbage reform was discussed. A quadripartite agreement on cooperation in the implementation of investment projects was signed at the congress.

Key words: UN, UNEP, environmental protection, “garbage” reform, “Clean Country”, pollution problem.

Мировое сообщество концентрирует свои силы на удовлетворение законных интересов общества. Устав ООН закрепил обязанность государств соблюдать и уважать основные права и свободы человека. Первая же строка преамбулы Устава закрепляет: «Мы, народы объединенных наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций» [1].

На сегодняшний день одной из важнейших приоритетных проблем на земле является экологическая проблема. Существующая система обращения с отходами угрожает безопасности жизнедеятельности населения. 3 декабря 1968 года Генеральная Ассамблея ООН

приняла резолюцию 2398 (XXIII), где постановила созвать конференцию Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, отметив «продолжающееся и все более быстрое ухудшение качеств окружающей человека среды» и его «влияние на условия жизни человека, его физическое, психическое и социальное благосостояние, его достоинства и пользование им основными правами человека как в развивающихся, так и в развитых странах», увязывая, таким образом, Устав с появляющимися эко-логическими проблемами.

Конференция Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, проведенная в Стокгольме с 5 до 16 июня 1972 года, рекомендовала создание Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП), являющейся ведущей программой системы ООН по экологическим вопросам. После Конференции официально была создана Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), функции и организационную структуру которой определила Генеральная Ассамблея в своей резолюции 2997 (XXVII) от 15 декабря 1972 года [2].

На сегодняшний день в мире особое внимание уделяется проблеме вреда отходов и пагубного влияния на здоровье граждан, в частности «мусорной» реформе. Для чего вообще нужна эта реформа? «Мусорную» реформу в России можно назвать необходимостью, и не только потому, что отходов становится все больше – требуются перемены в плане организации всей системы, в подходе работы со свалками и полигонами. Ликвидировать многочисленные несанкционированные свалки, прежде всего, для улучшения в стране экологической обстановки, минимизировав вредное воздействие отходов на здоровье и окружающую среду, а из отходов извлекать максимальное количество вторичных материальных ресурсов, перерабатывая как можно больше отходов и как можно меньше складировав, мы тем самым уменьшим нагрузку на природу.

Во времена СССР в стране работал единый стройный алгоритм сбора и вывоза отходов. Советская система обращения с мусором считалась одной из самых эффективных. Однако в современном мире состав мусора сильно изменился, а методы утилизации – устарели. В советские времена предварительная сортировка по сути уже существовала, занимались ей пионеры во время сбора макулатуры и вторсырья.

В 90-е годы от этой системы отказались, что параллельно с новыми вызовами, например, появился пластик, позволило образоваться масштабной мусорной проблеме. Повсеместно во всех регионах стали образовываться стихийные свалки, переполнялись полигоны для утилизации ТБО, жители близлежащих с ними населенных пунктов задыхались от смрада. Ежегодно в России образовывалось 70 миллионов тонн мусора, утилизировать который оказалось некуда. Стало ясно, что пришло время для реформирования мусорной сферы.

В настоящее время проблема загрязнения является не просто трудностью, это уже экологическая катастрофа глобального характера. Согласно данным приведенным экспериментами, железная банка разлагается 10 лет, синтетическая одежда – 30-40 лет, жестяная банка – до 90 лет, окурков (сигаретный фильтр) – до 3 лет, металлические контейнеры разрушаются в морской среде за 10 лет, металлические контейнеры разрушаются в морской среде за 10 лет, а бетонированные – 30 лет, обувь из искусственной кожи – 40-50 лет, жевательная резинка (в теплых климатических условиях) – 30 лет, на холоде – сотни лет, губка для мытья посуды – 200 лет, одноразовый подгузник – около 500 лет, обломки кирпича и бетона – 100 лет, аккумуляторы, батарейки – 100 лет, фольга – 100 лет, резина – 100 лет, пластик – 100 лет, автомобильные покрышки – 120-140 лет, полиэтилен – 100-200 лет, алюминиевая тара – 500 лет, стекло – более 1000 лет [3].

Республика Башкортостан активно принимает участие в реализации проекта «Чистая страна» в рамках Государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012-2020 годы, который объединяет экологическую и коммунальную

тематику в пределах городов и поселений. Данный проект призван объединить усилия, федеральных и региональных органов власти, профессиональных экологов, общественников, экологических активистов, волонтеров, для наиболее эффективного решения экологических проблем, с которыми сталкиваются люди в повседневной жизни. Цель данной реформы: ликвидация несанкционированных свалок; сокращение числа мусорных полигонов; строительство комплексов по обработке и утилизации отходов; увеличение доли переработки твердых коммунальных отходов. В мае 2019 года в республике был проведен III Международный съезд региональных операторов в сфере обращения с отходами, где обсуждался вопрос о трудностях реализации мусорной реформы. Тема съезда – «Переход на новую систему обращения с твердыми коммунальными отходами: работа над ошибками». На съезде было подписано четырехстороннее соглашение о сотрудничестве в сфере реализации инвестиционных проектов. Цель данных проектов создание Экотехнопарка, в нем предполагается современная система обращения с отходами, с полным технологическим циклом – от сортировки до вторичной переработки [4].

Подводя итоги, становится понятным, что недостаточно приложенных усилий лишь со стороны государства. На наш взгляд, реализация «мусорной» реформы возможна, но в первую очередь, должно придти осознание членами нашего общества, что дальнейшее бездействие может привести нашу планету к экологической катастрофе, и мы обязаны использовать все возможности, чтобы не допустить этого. Во-первых, необходимо повысить гражданскую ответственность населения, приложив все старания в воспитании подрастающего поколения, во-вторых, поменять культуру обращения с отходами. В-третьих, необходимо на законодательном уровне закрепить запреты на определенные действия, например, запуск воздушных шаров, что приводит к гибели птиц. И в-четвертых, так же на законодательном уровне обязать граждан при утилизации отходов сортировать мусор с учетом вредности, а компании, отвечающие за вывоз мусора, обязать установить контейнеры с надлежащими надписями.

Библиографические ссылки

1. Гасанова В. С. Деятельность Организации Объединенных Наций в сфере экологической защиты и ее развития // Молодой ученый. 2015. № 21. С. 585-587 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/101/22883/> (дата обращения: 02.06.2019).
2. Резолюция ГА ООН «Организационные и финансовые мероприятия по международному сотрудничеству в области окружающей среды» № 2997 (XXVII) от 17 декабря 1972 г. [Электронный ресурс]. ГКДЖ <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/273/21/IMG/NR027321.pdf?OpenElement> (дата обращения: 02.06.2019).
3. Электронная экологическая библиотека. Сроки разложения бытовых отходов. URL: <http://ecology.aonb.ru/sroki-razlozhenija-bytovyh-othodov.html> (дата обращения: 02.06.2019).
4. Трудности реализации мусорной реформы обсудили на Международном съезде региональных операторов в Уфе. 16 мая 2019 ГТРК «Башкортостан» [Электронный ресурс]. URL: <https://gtrk.tv/novosti/133887-trudnosti-realizacii-musornoj-reformy-obsudili-mezhdunarodnom-sezde-regionalnyh> (дата обращения: 02.06.2019).

References

1. Gasanova V. S. Deyatelnost' Organizatsii Ob"vedinennykh Natsiy v sfere ekologicheskoy zashchity i yeye razvitiya (Activities of the United Nations in the field of environmental protection and its development). *Molodoy uchenyy*, 2015, No. 21, pp. 585-587. URL: <https://moluch.ru/archive/101/22883/> (accessed date: 02.06.2019).
2. Rezolyutsiya GA OON «Organizatsionnyye i finansovyye meroprivatiya po mezhdunarodno-mu sotrudnichestvu v oblasti okruzhayushchey sredy» № 2997 (XXVII) ot 17 dekabrya 1972 g. (Resolution of the UN General Assembly "Organizational and financial measures for international cooperation in the field of the environment" No. 2997 (XXVII) of December 17, 1972) . URL:

<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/273/21/IMG/NR027321.pdf?OpenElement> (accessed date: 02.06.2019).

3. Elektronnaya ekologicheskaya biblioteka. Sroki razlozheniya bytovykh otkhodov (Electronic environmental library. Terms of decomposition of household waste). URL: <http://ecology.aonb.ru/sroki-razlozheniya-bytovykh-othodov.html> (accessed date: 02.06.2019).

4. Trudnosti realizatsii musornoy reformy obsudili na Mezhdunarodnom s"yezde regional'nykh operatorov v Ufe. 16 maya 2019 GTRK «Bashkortostan» (The difficulties of implementing the garbage reform were discussed at the International Congress of Regional Operators in Ufa. May 16, 2019 GTRK Bashkortostan). URL: <https://gtrk.tv/novosti/133887-trudnosti-realizatsii-musornoy-reformy-obsudili-mezhdunarodnom-sezde-regionalnyh> (accessed date: 02.06.2019).

Дата поступления: 10.10.2019

Received: 10.10.2019

УДК 340.1+34(091)

**ЛЕНИНИЗМ КАК ПОПЫТКА
ОСУЩЕСТВИТЬ НА ПРАКТИКЕ
ТЕОРИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

ШОНИН Николай Егорович

кандидат политических наук, доцент кафедры между народного права и международных отношений Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.

E-mail: shonin_nick@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические аспекты развития В.И. Лениным социально-политической теории марксизма, что привело фактически к созданию собственной революционной теории, имеющей значительные отличия от социально-политической теории К. Маркса. Так, Ленин отказался от главных условий для возможности осуществления социалистической революции, а тезис о диктатуре пролетариата на практике так и не был реализован.

Ключевые слова: марксизм, коммунизм, ленинизм, большевизм, коммунист, социально-политическая теория, производственные отношения, производительные силы, рабочее движение, революционная ситуация, социалистическая революция, тоталитарный режим, депутат.

**LENINISM AS AN ATTEMPT
TO REALIZE INTO PRACTICE A
THEORY OF SOCIALISTIC
REVOLUTION**

SHONIN Nikolay Egorovich

Candidate of Political Sciences, Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.

E-mail: shonin_nick@mail.ru

This paper reveals the theoretical aspects of the Marxism social-political theory development by V.I. Lenin, which led to the creation of his own revolution theory, which significantly differs from the K. Marx social-political theory. For example, Lenin renounced the main conditions for the possibility to realize a socialist revolution and the thesis of the proletarian dictatorship was never put in practice.

Key words: Marxism, communism, Leninism, bolshevism, communist, social-political theory, production relations, productive forces, labour movement, revolutionary situation, socialistic revolution, totalitarian regime, deputy.

Разработанное В.И. Лениным социально-политическое учение, получившее название большевизма, а затем ленинизма, базировалось на социально-политической теории К. Маркса и приняло ее терминологию. Попытка же осуществить эту теорию на практике оказалась неудачной по многим причинам. Осуществить удалось только национализацию средств производства, да и то не в полном объеме: в сельском хозяйстве утвердилась в основном коллективная собственность на средства производства (колхозы).

Развитие марксизма уже в конце XIX века стало необходимым в силу изменившейся экономической и социальной политической ситуации в странах Европы, но пошло оно, как известно, по двум направлениям: революционному, как это мыслилось К. Марксом, и реформационному (II Интернационал). На возможность последнего есть, между прочим, намеки Ф. Энгельса в работе «Положение рабочего класса в Англии» (1845 г.), где говорится: «... коммунизм рассматривает ожесточение пролетариата против своих поработителей как необходимость, как наиболее важный рычаг начинающегося рабочего движения; но коммунизм идет дальше этого ожесточения, ибо он является делом не одних только рабочих, а всего человечества» [1, с. 516].

В.И. Ленин предпочел революционный путь, путь вооруженного захвата власти. Однако классики марксизма переоценили революционность пролетариата, считая, что ему нечего терять кроме своих цепей, исходя только из отсутствия у него «священной» частной собственности на средства производства. Кроме того, они рассматривали пролетариат как единый социальный класс. И в их время это было действительно так: труд на производстве не требовал особой квалификации, практически в любой сфере производства любого рабочего можно было заменить и буржуазия использовала это как средство давления на слишком строптивых рабочих, которые в ту эпоху начальной механизации производства стали, как отмечается в «Манифесте коммунистической партии», «...простым придатком машины, от которого требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы» [2, с. 430].

Но К. Маркс и Ф. Энгельс как гуманистически не смогли оценить характер и темпы научно-технического прогресса, приведшего, в том числе, к расслоению рабочего класса. Так, Ф. Энгельс, ознакомившись с эффективностью нарезного оружия (винтовок) как-то заявил, что страшнее уже ничего не придумаешь. И В.И. Ленин, некритично восприняв этот тезис о революционности пролетариата, совершил ту же ошибку, рассматривая рабочий класс как единый социальный класс. А ведь научно-технический прогресс уже к концу XIX века породил расслоение рабочего класса на неквалифицированных, низкоквалифицированных и высококвалифицированных хорошо оплачиваемых рабочих, которым было что терять.

Так что, идея революции могла соблазнить только люмпен-пролетариат и сельскую бедноту, составивших позднее основу Красной гвардии, но не квалифицированных рабочих, которые и есть собственно рабочий класс. Эти рабочие имели хорошую зарплату и различные льготы как от хозяина, так и от государства. Даже низкоквалифицированные рабочие (грузчики и сплавщики, рабочие на мыловаренном заводе) имели в 1913 году зарплату 20 рублей в месяц, при том, что 1 рубль содержал 0,774234 г. чистого золота. Печатник получал 52 руб. 30 коп., металлисты – 49 руб. в месяц [3]. Для сравнения: дворянин подпоручик армии имел оклад 70 руб. [4]. При этом цены на продукты питания были следующие:

Гречневая крупа (фунт (0,4 кг) – 10 коп.

Мука пшеничная (фунт) – 10 коп.

Рис (фунт) – 8 коп.

Сахар (фунт) – 12 коп.

Соль (фунт) – 2 коп.

Молоко бутылка 0,6 л 8 коп.

Сливочное масло (фунт) – 56 коп.

Мясо (фунт) – 20-22 коп.

Курица (шт.) – 70 коп. [3].

При таком соотношении зарплаты и цен жить можно было, по крайней мере не бедствуя. Так нужна ли была этим рабочим революция? Заинтересовать эта идея, помимо городской бедноты, могла и беднейшее и безземельное крестьянство, ибо большевики обещали им отдать все помещичьи угодья. Именно поэтому армия и флот поддержали большевиков, поскольку они традиционно набирались из крестьянских многодетных семей, ибо лишение одного работника не сильно било по хозяйству. Кстати, и в Германии первое «социалистическое» восстание произошло в ноябре 1918 года тоже в морском флоте.

Далее. Согласно социально-политической теории марксизма социалистическая революция сможет достичь цели только, если она произойдет во всех странах одновременно или в большинстве стран мира, в противном случае мировая буржуазия раздавит революционные силы [5, с. 334]. Ленин отказался от этого положения, видимо, осознав, что «мировая буржуазия» и «мировой пролетариат» всего лишь научная абстракция. Кроме того, он исходил из собственного вывода, что эта формула устарела в эпоху монополистического капитализма и действие закона неравномерного, скачкообразного экономического и политического развития капиталистических стран предопределило разновременность созревания пролетарской революции в разных странах. Это устаревшее положение Ф. Энгельса В.И. Ленин заменил новым положением о возможности победы социализма первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой, стране и невозможности одновременной победы социализма во всех или в большинстве стран. Оставив в стороне его прочую мотивацию, отметим, что государственный переворот в России удался только потому, что дворянство и средние слои не смогли понять, к установлению какого политического режима ведет страну партия Ленина, а ведущие капиталистические державы получили из-за мировой войны и мировых кризисов слишком много своих проблем, чтобы всерьез заняться Россией. Помешало этому и возникшее в этих странах движение «Руки прочь от Советской власти!» как проявление солидарности с российским рабочим классом.

Далее. По Марксу: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия её решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [6, с. 8]. А назвать Россию начала XX века капиталистической можно лишь с очень большой долей условности. Ленин сам отметил в работе «Развитие капитализма в России» наличие 5 укладов. Да и численность рабочих составляла всего 4-5 млн, а квалифицированных совсем немного. Согласно марксизму революционная ситуация наступает, когда производственные отношения становятся тормозом для развития производительных сил. Ленин свел этот вывод к примитивному утверждению «когда низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-старому» и решил, что можно сначала захватить власть, а потом уже ринуться догонять развитые страны. Здесь уместно вспомнить замечание К. Маркса по аналогии: «... благое желание «идти вперёд» во много раз превышало знание предмета» [6, с. 7]. Впрочем, «благое» сюда не подходит, правильнее будет «фанатичное». Подобную ошибку совершил позднее Н.С. Хрущев, провозгласив построение коммунизма за двадцать лет.

Даже сама ленинская концепция партии рабочего класса не имеет ничего общего со взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса. Так, в «Манифесте коммунистической партии» говорится, что коммунисты не имеют «никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. ... **не выставляют** никаких особых принципов, **под которые они хотели бы**

подогнать пролетарское движение» [2, с. 437]. По Ленину же партии рабочего класса создаются для руководства рабочим классом и **учат его понимать свои интересы** (выделено мной. – Н.Ш.) [7, с. 37], а затем они гордятся тем, что воспитали его [7, с. 35].

Более того, Лениным было запрограммировано превращение своей партии после завоевания ею власти в особую касту, стоящую над обществом. Это выразилось в идее двухуровневого строения партии как 1) организации профессиональных революционеров и 2) организации рабочих [8, с. 251]. Такое строение раскрывает сущность партии «нового типа»: это не партия рабочих, поскольку не они её создавали и не они ею руководят. Это партия для руководства рабочим движением, поскольку все руководство сосредоточено в «организации революционеров», т.е. таких органах, как ЦО, ЦИК, позднее ЦК и Политбюро, но в первую очередь в руках вождя, что подкрепляется принципом единоначалия, который на практике подменил официально провозглашаемый принцип демократического централизма, оставив от него один централизм.

Кастовость ленинских партий «нового типа» выражается еще и в том, что в них на уровне устава запрещается образование фракций и то, что в отличие от классовых партий в них принимают по особому отбору, а в классовые партии вступают по желанию. Именно это послужило основанием для Веры Засулич, назвать РСДРП «организацией интеллигентов для пропаганды среди рабочих», чем вызвала неудовольствие Ленина, поскольку это раскрывало истинную сущность ленинской концепции «рабочей» партии. Справедливости ради следует заметить, что В. Засулич ошибалась, называя РСДРП организацией интеллигентов, ибо последних в ней не было вовсе. Ни у кого из так называемых профессиональных революционеров не было никакого образования, кроме школьного. Так что их даже к разночинцам нельзя отнести. Только В. Ленин получил университетский диплом, да и то экстерном. Содержать партию они не могли и потому, создавали банды боевиков, добывавших деньги для них путем грабежей и даже киднеппинга. Впоследствии большевистская пропаганда прославляла их как героев, и даже был создан художественный фильм о самом известном из них по кличке Камо.

Практически не было в ней и рабочих. Иначе чего ради Ленин писал бы: «Мне думается, что 50-100 членов Ц.К. наша партия вправе требовать (!!! – Н.Ш.) от рабочего класса и может получить от него без чрезмерного напряжения его сил» [9]. Т.е. рабочих буквально загоняли в партию и госорганы, чтобы создать видимость диктатуры пролетариата. На самом деле была установлена диктатура партии: всё общество должно было выполнять указы её руководящих органов [8, с. 251]. Ни один орган государственной власти не имел права принимать решений без указаний ЦК [10, с. 30], даже «выборные» органы законодательной власти, депутаты должны были подчиняться «контролю и указаниям Цека партии» [11, с. 193]. Таким образом, не было не только диктатуры пролетариата, но и даже намек на демократию и советскую власть. Этот грех ленинизма попытался исправить Ю.В. Андропов, ставший генеральным секретарем ЦК КПСС после смерти Л.И. Брежнева в 1982 году. Командная система управления зашла в тупик и Ю.В. Андропов заявил, что партия должна править, но не управлять.

Диктатура пролетариата невозможна в принципе, ибо рабочий класс не имеет соответствующих знаний и не может сам организовать управление страной (об этом и сам В.И. Ленин писал, разрабатывая свою концепцию рабочей партии), а те рабочие, которые (в наше время, например) всё-таки получают образование, становятся, например, депутатами, переходят в другой социальный слой и перестают быть рабочими. Так что «рабочие» партии это – партии не рабочих, а **для рабочих** (выделено мной. – Н.Ш.). Только партии имущих классов (буржуазии, мелкой буржуазии и «средних слоев») могут считаться классовыми партиями, ибо их создают сами представители этих социальных групп, и они же управляют ими, не теряя своего социального статуса. На это мы уже указывали в диссертации [12, с. 26].

Результат известен: ни демократии, ни социализма, ни советской власти не получилось, ибо советы должны были действовать, как было показано выше, строго в соответствии с указа-

ниями партийных органов. Даже выборов не было: не народ выдвигал своих кандидатов в депутаты, коммунистическая партия назначала по одному кандидату на место, разыграв спектакль выдвижения своего кандидата. В стране был установлен жесткий, тоталитарный режим единственной политической партии. Коммунистическая партия стала новым коллективным феодалом, отличающимся от исторического только отсутствием наследственной передачи членства. Народ был закрепощен: все обязаны были где-то работать, никто не мог уволиться по собственному желанию, не предоставив доказательств, что его берут на другую работу, крестьяне не могли самовольно менять местожительства, многие из них не имели паспортов.

В 1932 году в Советском Союзе была введена единая паспортная система и создана паспортно-визовая служба (ПВС), вошедшая в структуру органов внутренних дел (НКВД). ПВС был поручен «учёт населения городов, рабочих посёлков и новостроек, разгрузка этих мест от лиц, не занятых общественно-полезным трудом, а также очистка от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов, в целях укрепления диктатуры пролетариата» [13]. На ПВС была возложена и обязанность регулировать прописку населения, а с 1935 года она приобрела разрешительный характер, став одним из институтов государственного управления, ограничивая перемещение граждан внутри страны.

Только в 1974 году Постановление Совета Министров СССР № 677 распространило общегражданскую паспортную систему на сельских жителей. Согласно постановлению, выдача паспортов «гражданам СССР, которым ранее паспорта не выдавались», должна была быть осуществлена «в срок с 1 января 1976 г. по 31 декабря 1981 г.» [14].

Что еще В.И. Ленин взял из марксизма, так это понятие классовой сущности морали: «Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата» [15]. Но разве массовые расстрелы рабочих и крестьян, а также концлагеря, созданные Лениным по образцу английских, соответствуют интересам классовой борьбы пролетариата? Кроме того, если считать, что мораль имеет классовую сущность, то коммунистической морали не может быть и вовсе, ибо коммунисты не являются социальным классом, а их «мораль» диктуется исключительно политическими интересами, это политическая идеология, а не мораль. Для Ленина важно было укрепить свою власть и реализовать своё понимание нового общества. Именно поэтому он высказался однажды, что в политике нет морали, а есть только целесообразность [16].

Следовательно, использовать формулировку «марксизм-ленинизм» будет неверно, ленинизм – это только один из вариантов попыток применить учение марксизма к конкретной социально-политической ситуации в своей стране. История XX века знает и другие варианты: социал-демократизма, троцкизм, маоизм, чучхеизм, еврокоммунизм и т.д.

Что же касается реформистского пути к социалистической революции, то рабочее движение и его партии к концу XX века добились в развитых капиталистических странах (Германии, Франции, Швеции и др.) куда большего улучшения социального положения рабочих через реформы: сокращения рабочего дня и недели, значительного повышения оплаты труда, большого отпуска, тринадцатой зарплаты на Рождество и др. Так что утверждение Маркса о беспочвенности всяких планов устранения «дурных сторон» капитализма в рамках самих капиталистических отношений путем реформ было верно только до второй половины XX века.

Библиографические ссылки

1. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М., 1955. С. 231-517.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М., 1955. С. 419-459.

3. Цены 1913 года в современных рублях [Электронный ресурс]. URL: <https://www.krasplace.ru/ceny-1913-goda-v-sovremennykh-rublyakh>.
4. Цены и жалования в Царской России в начале XX века [Электронный ресурс]. URL: ruspravda.info/TSeni-i-zhalovaniya-v-TSarskoj-Rossii-v-nachale-XX-veka-2407.html.
5. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М., 1955. С. 322-339.
6. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М., 1955. С. 1-167.
7. Ленин В.И. Как В. Засулич убивает ликвидаторство // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 24. М., 1973. С. 22-44.
8. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 8. М., 1973. С. 185-414.
9. Ленин В.И. Письмо к Съезду. Письмо к съезду, между 23 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0013_tes&object=translation&l=ru.
10. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М., 1973. С. 1-104.
11. Ленин В.И. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М., 1973. С. 159-212.
12. Шонин Н.Е. Партия «зеленых» в ФРГ: опыт типологизации партии в свете эволюции организационно-идеологических принципов : дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 1997.
13. Постановление ВЦИК и СНК от 27.12.1932 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ВЦИК_и_СНК_СССР_от_27.12.1932_об_установлении_единой_паспортной_системы_по_Союзу_ССР_и_обязательной_прописки_паспортов.
14. Постановление СМ СССР от 28 августа 1974 г. N 677 «Об утверждении положения о паспортной системе в СССР» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_Совета_Министров_СССР_от_28.08.1974_№_677.
15. Ленин В.И. Задачи союзов молодёжи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politpros.com/library/13/252/>.
16. Мстиславский С.Д. Записи о Ленине [Электронный ресурс]. URL: <https://leninism.su/memory/3481-zapisi-o-lenine.html>.

References

1. Engel's F. Polozheniye rabocheho klassa v Anglii (The position of the working class in England). *K. Marks i F. Engel's. Sochineniya*, 2-ye izd., Т. 2. Moscow, 1955, pp. 231-517.
2. Marks K., Engel's F. Manifest Kommunisticheskoy partii (Manifesto of the Communist Party). *K. Marks i F. Engel's. Sochineniya*, 2-ye izd., Т. 4. Moscow, 1955, pp. 419-459.
3. Tseny 1913 goda v sovremennykh rublyakh (Prices of 1913 in modern rubles). URL: <https://www.krasplace.ru/ceny-1913-goda-v-sovremennykh-rublyakh>.
4. Tseny i zhalovaniya v Tsarskoj Rossii v nachale XX veka (Prices and salaries in Tsarist Russia at the beginning of the 20th century). URL: ruspravda.info/TSeni-i-zhalovaniya-v-TSarskoj-Rossii-v-nachale-XX-veka-2407.html.
5. Engel's F. Printsipy kommunizma (The principles of communism). *K. Marks i F. Engel's. Sochineniya*, 2-ye izd., Т. 4. Moscow, 1955, pp. 322-339.
6. Marks K. K kritike politicheskoy ekonomii (To the criticism of political economy). *K. Marks i F. Engel's. Sochineniya*, 2-ye izd., Т. 13. Moscow, 1955, pp. 1-167.

7. Lenin V.I. Kak V. Zasluch ubivayet likvidatorstvo (How V. Zasluch kills liquidationism). *Lenin V.I. Poln. sobr. soch.*, 5-ye izd., T. 24. Moscow, 1973, pp. 22-44.
8. Lenin V.I. Shag vpered, dva shaga nazad (Krizis v nashey partii) (A step forward, two steps back (The crisis in our party)). *Lenin V.I. Poln. sobr. soch.*, 5-ye izd., T. 8. Moscow, 1973. pp. 185-414.
9. Lenin V.I. Pis'mo k S"yezdu. Pis'mo k s"yezdu, mezhdru 23 dekabrya 1922 g. i 4 yanvaryaya 1923 g. (Letter to the Congress. Letter to the congress, between December 23, 1922 and January 4, 1923). URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0013_tes&object=translation&l=ru.
10. Lenin V.I. Detskaya bolezn' «levizny» v kommunizme (Children's disease of "leftism" in communism). *Lenin V.I. Poln. sobr. soch.*, 5-ye izd., T. 41. Moscow, 1973, pp. 1-104.
11. Lenin V.I. Tezisy ko II Kongressu Kommunisticheskogo Internatsionala (Abstracts to the II Congress of the Communist International). *Lenin V.I. Poln. sobr. soch.* 5-ye izd. T. 41. Moscow, 1973, pp. 159-212.
12. Shonin N.Ye. Partiya «zelenykh» v FRG: opyt tipologizatsii partii v svete evolyutsii organizatsionno-ideologicheskikh printsipov (The Green Party in the Federal Republic of Germany: The Experience of Party Typologization in the Light of the Evolution of Organizational and Ideological Principles), dis. ... kand. polit. nauk. Ufa, 1997.
13. Postanovleniye VTSIK i SNK ot 27.12.1932 «Ob ustanovlenii yedinoy pasportnoy sistemy po Soyuzu SSR i obyazatel'noy propiske pasportov» (Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of 12/27/1932 "On the establishment of a unified passport system for the USSR and mandatory registration of passports"). URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Postanovleniye_TSIK_i_SNK_SSSR_ot_27.12.1932_ob_ustanovlenii_yedinoy_pasportnoy_sistemy_po_Soyuzu_SSR_i_obyazatel'noy_propiski_pasportov.
14. Postanovleniye SM SSSR ot 28 avgusta 1974 g. No. 677 «Ob utverzhdenii polozheniya o pasportnoy sisteme v SSSR» (Decree of the Council of Ministers of the USSR of August 28, 1974 No. 677 "On approval of the regulations on the passport system in the USSR"). URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Postanovleniye_Soveta_Ministrov_SSSR_ot_28.08.1974_No_677.
15. Lenin V.I. Zadachi soyuzov molodozhi. Rech' na III Vserossiyskom s"yezde Rossiyskogo Kommunisticheskogo Soyuzu Molodezhi 2 oktyabrya 1920 goda (The tasks of youth unions. Speech at the III All-Russian Congress of the Russian Communist Youth Union on October 2, 1920). URL: <https://www.politpros.com/library/13/252/>.
16. Mstislavskiy S.D. Zapisi o Lenine (Notes about Lenin). URL: <https://leninism.su/memory/3481-zapisi-o-lenine.html>.

Дата поступления: 11.08.2019

Received: 11.08.2019

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО.
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 342+342.55

КОНСТИТУЦИЯ И ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО
ОБЩЕСТВА

THE CONSTITUTION AND LEGAL
CULTURE OF MODERN SOCIETY

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович

*доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru*

GALIEV Farit Khatipovich

Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: galievfarkhat@mail.ru

Правовая культура, вбирая в себя все то, что присуще праву, как регулятору общественных отношений, и культуре, как общему материальному и духовному достоянию людей, по большому счету, представляет собой знание требований действующего законодательства и умение пользоваться ими в различных жизненных ситуациях. Обусловленность и взаимосвязанность требований законодательства с конституционными установками делает необходимым знание, прежде всего, Конституции страны, и уважительного к ней отношения.

Legal culture, incorporating all that is proper to law, as a regulator of public relations, and culture, as a common material and spiritual heritage of people, by and large, represents current legislation knowledge requirements and the ability to use them in different life situations. The conditionality and interconnectedness of legislation requirements with constitutional guidelines makes it necessary to know, first of all, the Constitution of the country, and to respect it.

Ключевые слова: конституция, общество, государство, право, правовая культура, правосознание.

Key words: constitution, society, state, law, legal culture, legal consciousness.

Правовая культура представляет собой специфическое явление в жизни современного общества. С одной стороны, она является результатом многолетней правовой жизни общества, а с другой стороны, она не только способствует правовому решению разнообразных конфликтных ситуаций, но и позволяет избежать житейских недоразумений на основе наличия определенных правовых знаний. Бесспорно, трудно обозначить в качестве основного смыслообразующего элемента в словосочетании «правовая культура» какое-то одно слово: «право» или «культура», тем не менее, правовая культура на то и называется правовой культурой, потому что она, прежде всего, имеет отношение к праву. В свою очередь, при всем множестве споров о праве и наличии различных подходов к правопониманию, нельзя игнорировать значение конституции как самого главного правового явления в жизни современного общества.

Однако прежде чем начинать говорить о роли и значении Конституции, на наш взгляд, необходимо уяснить то, что такое конституция, когда она появилась и для чего нужна. Исходя из этого, необходимо подчеркнуть, что Конституцию иначе называют Основным законом, в соответствии с которым должны быть упорядочены все стороны жизнедеятельности того общества, который принял данную конституцию.

В то же время, и кроме конституции есть очень много других законов, от которых зависит жизнь человека, в частности, и всего общества, в целом, при этом есть законы природы, и есть юридические законы. Их отличие огромно, законы природы – это то, что случается несмотря ни на что: чьи-то капризы, нежелание, настроения, ситуацию и т.д. Эти законы природы можно знать, а можно и не знать, однако от этого ничего не зависит: сила земного притяжения действует независимо даже от того, если кто-нибудь не хочет ее признавать. Однако, если прыгнуть со слишком большой высоты, можно не сомневаться, вряд ли останешься целым и невредимым. Поэтому каждый знает, нужно быть осторожным, когда прыгаешь с большой высоты. И не важно, видит тебя кто-нибудь при этом, или не видит. Наличие или отсутствие свидетеля данного случая не влияют на результат падения. Скорее всего, наличие свидетеля более желательно и необходимо для того, чтобы тебе могли оказать необходимую помощь, если вдруг ты себе что-то повредил.

А юридические законы, в соответствии с установками современной теории государства и права, прежде всего, это нормативные правовые акты, для принятия которых применяется особый процедурный порядок, привлекаются специально на то уполномоченные органы государственной власти, при всем этом эти нормативные правовые акты регулируют наиболее важные общественные отношения и обладают высшей юридической силой. С законами природы мы всегда на стороже – они безжалостны, обладают моментальным действием, их невозможно упротить, умиливать, смягчить, облегчить последствия их действия. И наоборот, юридические законы меняются в соответствии с государственно-правовым развитием общества, исчезают старые, ненужные, появляются новые, необходимые. В отличие от них, законы природы действуют постоянно, вечно, их никто не может отменить.

Тем не менее, даже имея полное представление о том правовом принципе, который гласит, что незнание закона не является основанием для освобождения от ответственности за нарушение данного закона, в обыденной жизни мало кто добровольно занимается изучением законов. Это и понятно, потому что человек обращается к закону и ищет у него поддержку и защиту только тогда, когда попадает в правовую ситуацию.

Однако Конституция, как Основной закон, стоит особняком среди всех законов не только своей самой высшей юридической силой, потому что юридическая сила закона определяется местом того органа, который принял данный закон, в иерархической лестнице государственных органов, но и потому, что Конституция принимается всенародным голосованием. Ф.М. Раянов, отмечая это, особо подчеркивает то, что как решение вопроса о сущности права как предмета работы юристов, так и разрешение проблем юриспруденции, в целом, органически связано с состоянием взаимосвязанности общества (гражданского общества) и государственной власти. Он пишет, что другими словами проблемы юриспруденции нужно начинать осмысливать в увязке с проблемами конституционализма и правового государства. «Если мы пойдем таким путем, – подчеркивает Ф.М. Раянов, – то непременно выйдем на утверждение о том, что право – это, прежде всего, общественный договор. В современном же мире общественный договор – это конституция страны» [1, с. 24]. На основе Конституции (общественного договора), пишет Ф.М. Раянов в своей статье «Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России», «правовое государство не само себя ограничивает своими же законами, а его деятельность ограничивается гражданским обществом, и, в первую очередь, государственно-учредительными документами (Конституцией, другими, имеющими такое же значение, законами)» [2, с. 6].

Правовая культура современного общества зеркально отражает отношение людей к праву, в целом, и к Конституции, как Основному закону, в частности. По нашему мнению, воспитание уважительного отношения к Конституции страны связано с тем, что Конституция представляет собой правильное изложение всего того, что связано с данным государством, т.е. того, что оно представляет собой, как оно организовано и устроено, кто в данном госу-

дарстве хозяин и на что он имеет право. На наш взгляд, воспитание уважительного отношения к Конституции страны связано с наличием знаний о том, что такое Конституция, зачем она нужна людям, проживающим на территории той или иной страны? Поэтому уважительное отношение к Конституции формируется на основе этого знания и оказывает огромное влияние на основные направления дальнейшего развития правовой культуры общества в целом. По нашему мнению, при таком подходе, во-первых, Конституция сама рассматривается как достижение, как ценность, потому, что правовая культура, прежде всего, представляет собой совокупность правовых ценностей, накопленных в течение жизни того или иного человеческого общества. Во-вторых, правовая культура предполагает знание основных требований действующего законодательства и умение ими пользоваться в реальных жизненных ситуациях. Любая деформированность представлений об основных требованиях действующего законодательства, в конце – концов, приводит к правовому нигилизму [3, с. 87].

Поэтому и юридические законы, точно так же, как и законы природы, должны выполняться несмотря ни на что: на нежелание, на не восприятие, на капризы и т.д., потому, что от этого зависит оптимальная организация жизни людей в обществе. Несомненно, для этого нужно воспитать у людей чувство уважительного отношения не только к Основному закону, но и ко всем остальным нормативным правовым актам, имеющимся в современном государстве, которое стремится стать правовым.

По мнению Ф.М. Раянова, нет сомнения в том, что действующая Конституция Российской Федерации соответствует современным требованиям и особенно это относится к первым трем статьям первой главы этой конституции. «Представляется, – пишет он, – что именно из-за этого Российская Федерация сегодня не занимает высокие места в мире по своим социально-экономическим и общественно-политическим показателям» [4, с. 226]. В то же время он отмечает то, что строгое соблюдение, реализация на практике именно этих позитивных статей Конституции Российской Федерации как раз и оставляют желать значительного продвижения. «Такое отставание происходит не потому, что наша Конституция не соответствует требованиям Нового времени, – отмечает Ф.М. Раянов, – а потому, что именно эти статьи Конституции, по большому счету, не соблюдаются. Отсюда и на вопрос о том, нуждается ли сегодня Конституция Российской Федерации в изменениях и дополнениях можно ответить однозначно: действующая Конституция Российской Федерации нуждается не столько в изменениях, сколько в реализации тех ее положений, которые на сегодня остаются не функционирующими» [4, с. 226].

В своих работах, посвященных исследованию основных проблем современного правоведения, Г.В. Мальцев писал о том, что в последнее время возрастает значение интернационального институтогенеза, т.е. процесса создания институтов, которые приходят в страну из области внешней политики, международных отношений и международного права, и за этими институтами стоят факторы глобализации и стремление многих стран совместно решать общие проблемы. В то же время он подчеркивал, что, тем не менее, основным и ведущим компонентом институциональной структуры общества являются социальные институты, которое общество создает для себя в целях решения собственных проблем [5, с. 784]. По мнению Г.В. Мальцева, наиболее надежный и эффективный институт – не «трансплантированный», заимствованный из зарубежных экономических, юридических и политических систем, а тот, который целенаправленно построен на социокультурном базисе национальной экономики, права и политики, «выращен» в отечественной институциональной среде [5, с. 784]. Конституция страны как раз и является тем самым надежным и эффективным институтом, представляющим собой принятый государственнообразующим многонациональным народом Российской Федерации общественный договор.

Как отмечает Ф.М. Раянов, общественный договор, с одной стороны, – это и есть инструмент формирования государства, и, с другой стороны, одновременно, ограничения пределов деятельности правителей. Поэтому, «получается, что в отличие от всевозможных дру-

гих способов возникновения государств, государство, формируемое свободными гражданами на основании общественного договора, и есть правовое государство» [6, с. 11].

Правовая культура, безусловно, относится к тем специфическим явлениям в жизни общества, которые сложно, а, может быть, даже невозможно культивировать. Но независимо от этого, на наш взгляд, представляется не только возможным, но и обязательным создание необходимых условий для распространения правовых знаний, для дальнейшего укрепления в общественном правосознании уважительного отношения к праву и требованиям действующего законодательства, что «является важнейшим условием дальнейшего совершенствования не только правовой культуры, но и культуры вообще» [7, с. 287].

Осмысливая проблемы, связанные с формированием и развитием правовой культуры, Д.А. Керимов писал, что она тысячами нитей связана с общей культурой людей. Одновременно с этим он обращал внимание на то, что «ее мощное благотворное влияние на правовое сознание, мышление, мировоззрение творящих законы, на их ценностные правовые установки непосредственно (или опосредованно) определяет характер законодательства, обуславливает его адекватность историческому и национальному духу народа, потребностям и интересам людей» [8, с. 349]. Более того, Д.А. Керимов был убежден том, что правовая культура посредством установления режима правовой стабильности, последовательного проведения в жизнь требований законности и установления правопорядка правовая культура «создает условия для прогресса общей культуры» [8, с. 349].

В ст. 1 и ст. 7 Конституция Российской Федерации характеризует Россию как правовое и социальное государство, определяя, таким образом, направление основного вектора позитивной динамики в процессе дальнейшего государственно-правового развития страны на формирование социального демократического правового государства, что предполагает наличие у граждан присущего представителям становящегося правового государства и гражданского общества специфического правосознания. Правосознание как комплекс представлений, эмоций и чувств, непосредственно связано с действующей в государстве системой права, напрямую стыкуется с правовой культурой, это позволяет говорить о том, что «правовая культура и есть фактически реализованное в повседневной деятельности и поведении правосознание» [9, с. 35], при всем этом у каждого государствообразующего общества своя правовая культура. Таким образом, становится очевидным то, что в современном обществе нужно создать соответствующие условия для совершенствования правовой культуры, для приобретения людьми правовых знаний, необходимых для решения своих жизненно важных вопросов [10, с. 120].

Н.И. Матузов писал о том, что у государства должна быть общенациональная идея, которая бы консолидировало все общество. Он подчеркивал, что сама Конституция есть не что иное, как система идей, выраженная в концептуальной политико-юридической форме [11, с. 398]. «Продолжение реформ в России, – подчеркивал он, – требует прочной правовой основы, особенно в экономической сфере. Однако при этом важно иметь четкое представление о пределах и реальных возможностях юридических законов, путях их воплощения в жизнь» [11, с. 200]. На наш взгляд, речь идет о создании надежного механизма реализации правовых установок действующего законодательства, и, в первую очередь, установок Конституции.

Все это связано с Конституцией, которая, являясь Основным законом, представляет собой Общественный договор, что предполагает обязательность всего того, что в нем написано. Но для этого нужно знать, понимать и признавать все то, о чем говорится в Конституции, что имеет прямое отношение к правовой культуре общества, которая должна способствовать тому, чтобы установки Основного закона страны имели такую же действенность, как и законы природы, ибо человеческое общество, безусловно, это соответствующая составляющая той же естественной природы. Без выполнения этого условия, все проблемы, имеющие правовой характер, будут решаться исключительно с помощью применения принудительной силы государства, что в демократическом правовом государстве и гражданском обществе

должно происходить только в особых случаях, а не на основе позитивного правосознания и цивилизованного самоуправления, присущих правовой культуре современного общества.

Библиографические ссылки

1. Раянов Ф.М. Теория правового государства в России: состояние, пути переосмысления // *Lex Russica*. 2015. № 8. С. 14-24.
2. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России // *Правовое государство: теория и практика*. 2010. № 1 (19). С. 3-8.
3. Галиев Ф.Х. Правовая культура и вопросы воспитания уважительного отношения к конституции страны // *Реализация положений Конституции Российской Федерации в законодательстве : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию Конституции Российской Федерации*. Ч. I. Челябинск, 2013. С. 87-88.
4. Раянов Ф.М. *Правовое обществоведение : монография*. М. : Юрлитинформ, 2018.
5. Мальцев Г.В. *Социальные основания права*. М. : Норма, 2007.
6. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизационный подход // *Правовое государство: теория и практика*. 2012. № 4 (30). С. 8-16.
7. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. *Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект*. Уфа : Башк. энцикл., 2018.
8. Керимов Д.А. *Методология права: предмет, функции, проблемы философии права*. 4-е изд. М. : Изд-во СГУ, 2008.
9. Галиев Ф.Х. Историческая обусловленность правовой культуры // *История государства и права*. 2010. №19. с. 34-39.
10. Галиев Ф.Х. Конституция и общественное сознание // *Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности : материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова*. СПб. : Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 114–122.
11. Матузов Н.И. *Актуальные проблемы теории права*. Саратов : Изд-во Саратов. гос. академии права, 2004.

References

1. Rayanov F.M. *Teoriya pravovogo gosudarstva v Rossii: sostoyaniye, puti pereosmysleniya* (The theory of the rule-of-law state in Russia: status, ways of rethinking). *Lex Russica*, 2015, No. 8, pp. 14-24.
2. Rayanov F.M. *Aktual'nyye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva v Rossii* (Actual problems of the theory and practice of the rule-of-law state in Russia). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 3-8.
3. Galiyev F.Kh. *Pravovaya kul'tura i voprosy vospitaniya uvazhitel'nogo otnosheniya k konstitutsii strany* (Legal culture and issues of developing respect for the country's constitution). *Realizatsiya polozheniy Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii v zakonodatel'stve*, materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvya-shchennoy 10-letiyu Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Ch. I. Chelyabinsk, 2013, pp. 87-88.
4. Rayanov F.M. *Pravovoye obshchestvovedeniye* (Legal social science), monografiya. Moscow, YurLitinform, 2018.
5. Mal'tsev G.V. *Sotsial'nyye osnovaniya prava* (Social grounds of law). Moscow, Norma, 2007.
6. Rayanov F.M. *Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-tsvilizatsionnyy podkhod* (The essence of the rule-of-law state: a historical-civilizational approach). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 4 (30), pp. 8-16.

7. Galiyev F.Kh., Rayanov F.M. *Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspekt* (Social Studies in the XXI Century: Theoretical and Legal Aspect). Ufa, Bashk. entsikl., 2018.
8. Kerimov D.A. *Metodologiya prava: predmet, funktsii, problemy filosofii prava* (Methodology of law: subject, functions, problems of philosophy of law). 4-ye izd. Moscow, Izd-vo SGU, 2008.
9. Galiyev F.Kh. *Istoricheskaya obuslovlennost' pravovoy kul'tury* (The historical conditionality of legal culture). *Istoriya gosudarstva i prava*, 2010, No.19, pp. 34-39.
10. Galiyev F.Kh. *Konstitutsiya i obshchestvennoye soznaniye* (Constitution and public consciousness). *Metodologiya sovremennogo konstitutsionalizma: konstitutsionalizatsiya pozitivnogo prava; konstitutsionnaya aksiologiya proporsional'nosti*, materialy XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po konstitutsionnomu pravu, Sankt-Peterburg, 20-22 maya 2016 g., pod obshch. red. A.A. Liverovskogo, V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Fond «Universitet», Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet, 2017, pp. 114-122.
11. Matuzov N.I. *Aktual'nyye problemy teorii prava* (Actual problems of theory of law). Saratov, Izd-vo Sarat. gos. akademii prava, 2004.

Дата поступления: 11.11.2019

Received: 11.11.2019

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЖЕНЩИНЫ-СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

THE FEATURES OF ADMINISTRATIVE LEGAL STATUS OF A FEMALE LAW ENFORCEMENT OFFICIAL

ПЕТРАНЦОВ Александр Семенович

*преподаватель кафедры огневой подготовки
ФГКОУ ВО «Воронежский институт МВД
России», г. Воронеж, Россия.
E-mail: petrantsov1988@mail.ru*

PETRANTSOV Alexander Semenovich

*Instructor of the Department of Fire Training
of the FSGEI HE «Voronezh Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia»,
Voronezh, Russia.
E-mail: petrantsov1988@mail.ru*

За десятки лет существования Российской Федерации и реализации ей взятых международных обязательств по совершенствованию национальной правовой системы в сфере правовой регламентации равенства полов, в отечественном законодательстве отсутствует легальное определение понятия равенства полов (гендерное равенство), нет единого формального и доктринального подхода относительно концепции равенства и равноправия полов. Де-юре государство закрепило правовые основы оформляющейся модели правового равенства полов на государственной службе, составляющие, в том числе, базу современной кадровой политики МВД России, как части государственной кадровой политики. Действующая кадровая политика МВД России направлена на повышение престижа и обеспе-

For the decades of the existence of the Russian Federation and the implementation of its international obligations to improve the national legal system in the field of legal regulation of gender equality, domestic legislation lacks a legal definition of gender equality (equality of the genders), there is no single formal and doctrinal approach regarding the concept of gender equality and egalitarianism. De jure, the state secured the legal foundations of an emerging model of legal equality of the genders in public service, including the basis of the modern personnel policy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as part of the state personnel policy. The current personnel policy of the Ministry of Internal Affairs of Russia is aimed at enhancing prestige and ensuring the quality of human resources for the activities of

чение качественным людским ресурсом деятельности органов внутренних дел, руководствуется базовым принципом профессионального отбора на службу и дальнейшего прохождения службы в ОВД, исключая квотирование и дискриминацию, в том числе по признаку пола. В условиях обновленной правовой политики государства активное развитие получает кадровая политика, центральным звеном которой являются и вопросы формирования организационно-правовых основ прохождения службы в органах внутренних дел, лиц женского пола, количество которых на службе увеличивается из года в год.

Ключевые слова: дискриминация, государственная служба, гендерное равенство, женщина-сотрудник ОВД, органы внутренних дел.

internal affairs bodies, guided by the basic principle of professional service selection and further service in a police department, eliminating quotas and discrimination, including gender discrimination. In the context of an updated legal policy of the state, a personnel policy is actively developing, its central link is also the formation of organizational and legal foundations of female persons' service in internal affairs bodies, the number women in service is increasing from year to year.

Key words: discrimination, public service, gender equality, female police officer, internal affairs bodies.

Исследование административно-правового статуса женщины-сотрудника органов внутренних дел порождает как минимум два вопроса: является ли этот статус равным статусу мужскому; имеются ли достаточные основания для признания его самостоятельного существования и формально-юридического обособления? Кроме того, отсутствие подробной статистической информации о службе женщин в органах внутренних дел (за исключением таблицы о доле женщин на службе в органах внутренних дел), составленной на основании приказа МВД России от 31 июля 2012 г. № 747 «Об утверждении форм статистической отчетности», не дает основания полагать, что цель государства обеспечить фактическое гендерное равенство на службе в органах внутренних дел достигнута.

Российское законодательство закрепляет правовое равенство полов в сфере государственной службы и служба в органах внутренних дел в данном случае исключением не будет, но в тоже время сформировался массив правовых норм, которые закрепляют особенности статуса женщин-сотрудников органов внутренних дел.

Как справедливо утверждает Д.Н. Бахрах, одним из основных принципов государственной службы является принцип социально-правовой защищенности служащих [1, с. 16]. Поэтому, заметный интерес представляют нормы, определяющие предоставление сотрудникам органов внутренних дел отпусков в связи с семейными обязанностями, а также гарантии с этим связанные. Несмотря на то, что данные отпуска по закону могут предоставляться сотрудникам безотносительно их пола, на практике ими пользуются в основном сотрудники-женщины.

Например, согласно п. 6 ч. 11 ст. 35 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ [2] сотрудник органов внутренних дел может находиться в распоряжении федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения в течение отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет и периода, необходимого для трудоустройства, но не более двух месяцев после окончания указанного отпуска в том случае, если произошло упразднение (ликвидация) территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или подразделения либо сокращение занимаемой сотрудником должности в органах внутренних дел.

Общее для всех лиц, независимо от их принадлежности к органам внутренних дел, российское законодательство специально предусматривает некоторые социальные гарантии для женщин-сотрудников органов внутренних дел. К примеру, на основании ст. 6 Федераль-

ного закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [3] женщины, проходящие службу по контракту в качестве лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, имеют право на получение пособия по беременности и родам за счет федерального бюджета, что является одной из важных общих социальных гарантий, предоставляемых женщинам в связи с выполняемой ими функции материнства и воспитания детей. Тем самым закон уравнивает в правах женщин-сотрудников органов внутренних дел с женщинами, работающими по трудовому договору, что в полной мере соответствует принципу конституционного равенства граждан.

Наличие в органах внутренних дел сотрудников-женщин продиктовано объективной служебной необходимостью и обусловлено в ряде случаев непосредственно требованиями действующего законодательства. Так, в соответствии со ст. 27.7 КоАП РФ личный досмотр лица, например, задержанного сотрудниками полиции по подозрению в совершении правонарушения, производится лицом одного пола с досматриваемым в присутствии двух понятых того же пола. Данная норма имеет большое значение с позиций соблюдения законности, защиты прав и свобод человека и гражданина [4, с. 884]. Поэтому, в случае задержания женщины по закону ее может досматривать только сотрудник-женщина.

Таким образом, правовое регулирование статуса женщины-сотрудника органов внутренних дел в современной России двойственно:

- с одной стороны, в целом, с учетом принципа равенства полов в его буквальном понимании, ее статус определяется как статус сотрудника органов внутренних дел и является полноценным в содержательном отношении, включающим права, обязанности, ответственность, правовые гарантии;

- с другой стороны, можно констатировать наличие массива норм, которые обусловлены физическими, биологическими и психологическими особенностями женщины, наделяют ее как сотрудника, имеющего специальный правовой статус (сотрудник женского пола), дополнительными правами и предоставляют дополнительные гарантии.

Автор считает необходимым сделать вывод о наметившейся тенденции оформления в законодательстве современной России административно-правового статуса женщины-сотрудника органов внутренних дел (де-юре – «сотрудника женского пола») как специального субъекта административно-правовых отношений. В пользу этого свидетельствуют следующие аргументы:

- подтверждена исторически профессиональная состоятельность женщины на службе в полицейских формированиях;

- оформление специального правового статуса женщин в органах внутренних дел свидетельствует о выполнении Российской Федерацией взятых на себя международных обязательств в части создания правовых и организационных механизмов противодействия дискриминации на государственной службе по принципу пола;

- исследованная правовая основа службы женщин в органах внутренних дел, показывает ее статус – как особого (специального) субъекта права;

- современное законодательство Российской Федерации эффективно воплощает принцип равенства и устанавливает особую ответственность за его нарушение;

- статистические данные свидетельствуют о разумном гендерном балансе, выраженном в рациональном представительстве женщин на службе в органах внутренних дел (по России – 25% женщин от штата сотрудников органов внутренних дел по отдельным регионам – более 30%);

- исторически обусловленная модель профилизации кадров по принципу пола (модель гендерного функционала в органах внутренних дел) и объективная потребность органов внутренних дел в профессиональных компетенциях женщин, необходимых для качественного решения задач правоохраны;

- актуализация проблем службы женщин в полицейских формированиях на уровне крупных международных мероприятий, например, Международного форума женщин-полицейских;

- наличие в российском законодательстве норм, определяющих особенности статуса сотрудника женского пола.

В связи с вышесказанным, автор считает, что уместно задаться вопросом: нужен ли отдельный нормативный правовой акт, предпочтительно федеральный закон, в котором нашли бы отражение все или большинство особенностей их правового статуса? Нельзя не отметить, что данный вопрос в недавнем прошлом уже поднимался в специальной литературе. В нашей стране, отмечала В.В. Романова [5, с. 20], вопрос прохождения женщинами государственной службы не имеет единообразного подхода и нормативного правового регулирования. В связи с этим В.В. Романова предлагала принятие специального нормативного правового акта, регулирующего отдельные аспекты прохождения службы в ОВД сотрудницами женского пола. Предложения В.В. Романовой оцениваются автором критически. Напомним, свои идеи она формулировала еще в 2006 г., т.е. 13 лет назад и еще до того, как началось реформирование системы МВД России, сопровождавшееся кардинальным обновлением законодательства о службе в органах внутренних дел. Однако указанное выше предложение, высказанное В.В. Романовой, так и не получило даже минимального развития в законодательстве о службе в органах внутренних дел. Думается, сложившееся в настоящее время положение, когда законодатель оперирует единым универсальным понятием «сотрудник органов внутренних дел» безотносительно его половой принадлежности представляется оптимальным, выдержавшим проверку временем. Особенности статуса сотрудников органов внутренних дел женского пола целесообразно устанавливать и при необходимости корректировать в действующем законодательстве.

Думается, в настоящее время главная проблема состоит в том, чтобы обеспечить воплощение на практике принципа фактического гендерного равенства на службе в органах внутренних дел, сделать это равенство реальным, исключить любые случаи дискриминации на службе по признаку пола сотрудников-женщин.

Для обеспечения торжества принципа фактического гендерного равенства на службе в органах внутренних дел необходим организационно-правовой механизм преодоления дискриминации, если таковая все же случается, а этого, к сожалению, в современных условиях, когда продолжается совершенствование системы МВД России, исключать нельзя. Кроме того, необходим механизм юридической ответственности должностных лиц органов внутренних дел, виновных в дискриминации, включая дискриминацию по признаку пола, как частного случая такого рода нарушения прав человека и гражданина, а также механизм разрешения служебных споров, связанных с возможной дискриминацией и отступлением от принципа фактического гендерного равенства на службе в органах внутренних дел. Для того, чтобы такой механизм предложить и теоретически обосновать нужно, прежде всего, определиться с тем, что есть дискриминация, как она понимается в нормах международного права и в отечественном законодательстве. В этом отношении несомненный интерес представляет Конвенция МОТ относительно дискриминации в области труда и занятий от 25 июня 1958 г. № 111 [6], ратифицированная Союзом ССР в 1961 г. Конечно, служба в органах внутренних дел в строго юридическом понимании по отечественному законодательству трудовой деятельностью не признается, а потому нормами трудового законодательства, прежде всего Трудового кодекса Российской Федерации, не регулируется. Вместе с тем, определенное фактическое сходство службы в органах внутренних дел и трудовой деятельности наемных работников отрицать не приходится. Она представляется очевидной, а потому каких-либо доказательств не требует. Следовательно, обращение к указанной Конвенции МОТ оправдано, более того – вполне логично.

Нельзя упустить из виду и нормы действующего российского трудового законодательства. На основании статьи 3 «Запрещение дискриминации в сфере труда» Трудового ко-

декса Российской Федерации [7] каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав. Законодатель, как видно, специально подчеркивает, что любые обстоятельства, не связанные непосредственно с характером деятельности и деловыми качествами работника (его специальностью, квалификацией, профессиональными навыками, опытом работы, обладанием особыми знаниями, состоянием здоровья, психологическими качествами, необходимыми для выполнения поручаемой работы, и т.п.), не могут быть положены в основание каких бы то ни было различий между работниками [8, с. 29]. Напомним, согласно ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ нормы трудового законодательства применяются к правоотношениям связанным со службой в органах внутренних дел субсидиарно, т.е. дополнительно в тех случаях, когда эти отношения не урегулированы в специальном законодательстве о службе в органах внутренних дел.

Для практического использования при рассмотрении судами дел, связанных с дискриминацией, немалое значение имеет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» [9]. Согласно указанному судебному акту под дискриминацией в сфере труда по смыслу ст. 1 Конвенции Международной организации труда 1958 г. № 111 относительно дискриминации в области труда и занятий и статьи 3 Трудового кодекса Российской Федерации понимается различие, исключение или предпочтение, имеющее своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей в осуществлении трудовых прав и свобод или получение каких-либо преимуществ в зависимости от любых обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника (в том числе не перечисленных в указанной статье Трудового кодекса Российской Федерации), помимо определяемых свойственными данному виду труда требованиями, установленными федеральным законом, либо обусловленных особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите...».

Исходя из изложенного, автор приходит к выводу о том, что термин «дискриминация» не получил закрепления в современной нормативной правовой базе, регламентирующая прохождение службы в ОВД. Напротив, Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» хотя и без каких-либо пояснений, что есть дискриминация, пусть единственный раз, но указанный термин упоминает. Речь в данном случае идет о п. 2 ч. 15 ст. 79 указанного нормативного правового акта, согласно которому непосредственно в судах рассматриваются служебные споры по письменным заявлениям гражданских служащих, считающих, что они подверглись дискриминации. Думается, на основе положений международных правовых актов и отечественного опыта правового регулирования соответствующих общественных отношений вполне оправдано практически было бы закрепить в базовом Федеральном законе от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ термин «дискриминация» применительно к службе в органах внутренних дел, что, как представляется, способствовало бы упрочению принципа фактического гендерного равенства.

Библиографические ссылки

1. Бахрах Д.Н. Государственная служба: основные понятия, ее составляющие, содержание, принципы // Государство и право. 1996. № 12. С 10-18.
2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17 ноября 2011 г. одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 ноября 2011 г. // Российская газета. 2011. 7 декабря.
3. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : федер. закон Рос. Федерации от от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 апреля

- 1995 г. одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 4 мая 1995 г. // Российская газета. 1995. 25 мая.
4. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Е.Н. Сидоренко. 5-е изд., перераб. и доп. Москва; ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.
5. Романова В.В. Служба женщин в органах внутренних дел: правовые и организационные аспекты: дис. ...канд. юрид. наук. Москва, 2007.
6. Конвенция МОТ относительно дискриминации в области труда и занятий от 25 июня 1958 года № 111 (принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 44. Ст. 448.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 декабря 2001 г. одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 декабря 2001 г. // Российская газета. 2001. 31 декабря.
8. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под ред. заслуженного юриста Российской Федерации, действительного государственного советника Российской Федерации 3-го класса С.А. Панина. Москва: МЦФЭР, 2002.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // Российская газета. 2014. 7 февраля.

References

1. Bakhrakh D.N. Gosudarstvennaya sluzhba: osnovnyye ponyatiya, yeye sostavlyayushchiye, sodержaniye, printsipy (Public service: basic concepts, its components, content, principles), *Gosudarstvo i pravo*, 1996, No. 12, pp. 10-18.
2. O sluzhbe v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii i vnesenii izmeneniy v otдел'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 30 noyabrya 2011 g. № 342-FZ: prinyat Gos. Dumoy Feder. Sobr. Ros. Federatsii 17 noyabrya 2011 g. одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 noyabrya 2011 g. (On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal law of RF of November 30, 2011 No. 342-FZ: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of RF on November 17, 2011 approved by the Federation Council of the Federal Assembly of RF of the November 25, 2011), *Rossiyskaya gazeta*. 2011. 7 dekabrya.
3. O gosudarstvennykh posobiyakh grazhdanam, imeyushchim detey: feder. zakon Ros. Federatsii ot 19 maya 1995 g. № 81-FZ: prinyat Gos. Dumoy Feder. Sobr. Ros. Federatsii 26 aprelya 1995 g. одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 4 maya 1995 g. (On state benefits to citizens with children: Federal law of RF of May 19, 1995 No. 81-FL: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of RF of April 26, 1995 approved by the Federation Council of the Federal Assembly of RF of May 4, 1995), *Rossiyskaya gazeta*, 1995, 25 maya.
4. Kommentariy k Kodeksu Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh (Commentary on the Code of the Russian Federation on administrative offenses), pod. obshch. red. Ye.N. Sidorenko. 5-ye izd., pererab. i dop. Moscow, TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2006.
5. Romanova V.V. Sluzhba zhenshchin v organakh vnutrennikh del: pravovyye i organizatsionnyye aspekty (Women's service in internal affairs bodies: legal and organizational aspects), dis. ...kand. yurid. nauk. Moscow, 2007.
6. Konventsiya MOT otnositel'no diskriminatsii v oblasti truda i zanyatiy ot 25 iyunya 1958 goda № 111 (prinyata v g. Zheneve 25.06.1958 na 42-oy sessii General'noy konferentsii MOT) (ILO Convention on Discrimination in Labor and Occupation of June 25, 1958 No. 111 (adopted in Geneva on June 25, 1958 at the 42nd session of the ILO General Conference), *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, 1961, No. 44, St. 448.
7. Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 30 dekabrya 2001 g. № 197-FZ: prinyat Gos. Dumoy Feder. Sobr. Ros. Federatsii 21 dekabrya 2001 g. одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 dekabrya 2001 g. (The labor code of the Russian Federation: Federal law of RF of December 30, 2001 No. 197-FZ: adopted by the State Duma of the Feder-

al Assembly of RF of December 21, 2001 approved by the Federation Council of the Federal Assembly of RF of December 26, 2001), *Rossiyskaya gazeta*, 2001, 31 dekabrya.

8. Kommentariy k Trudovomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (Commentary on the Labor Code of the Russian Federation), Pod red. zasluzhennogo yurista Rossiyskoy Federatsii, deystvitel'nogo gosudarstvennogo sovetnika Rossiyskoy Federatsii 3-go klassa S.A. Panina, Moscow, MTSFER, 2002.

9. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 28 yanvarya 2014 g. No. 1 «O primeneniі zakonodatel'stva, reguliruyushchego trud zhenshchin, lits s semeynymi obyazannostyami i nesovershennoletnikh» (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 28, 2014 No. 1 “On the application of legislation governing the work of woman personnel with family responsibilities and minors”), *Rossiyskaya gazeta*, 2014, 7 fevralya.

Дата поступления: 24.10.2019

Received: 24.10.2019

УДК 342.7

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО
И АДМИНИСТРАТИВНО-
ПРАВОВОГО СТАТУСА
ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**TO THE ISSUE OF THE RATIO
OF CONSTITUTIONAL LEGAL
AND ADMINISTRATIVE
LEGAL STATUS OF FOREIGN CITIZENS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

ШАРИПОВА Эльмира Азгаровна

*кандидат философских наук, доцент кафедры государственного права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: elmira.scharipova@yandex.ru*

SHARIPOVA Elmira Azgarovna

Candidate of Sciences (Philosophy), Assistant Professor of the Chair of State Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bashkir State University”, Ufa. E-mail: elmira.scharipova@yandex.ru

Конституционно-правовой статус иностранных граждан и административно правовой статус иностранных граждан в России являются взаимообусловленными элементами в силу высшей юридической силы Конституции Российской Федерации и ее прямого действия. Однако административно-правовое регулирование прибытия, пребывания и проживания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России, установление правил, предназначенных для иностранных работников, зачастую может приводить к необоснованному ограничению правового статуса личности, гарантируемого конституционно-правовыми нормами.

The constitutional legal status of foreign citizens and administrative legal status of citizens in Russia are mutually dependent elements due to the supreme legal force of the Constitution of the Russian Federation and its direct application. However, administrative legal regulation of the order of entry, stay and residence of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation, the order of their employment in practice may lead to unjustified restriction of personal legal status, guaranteed by constitutional and legal norms.

Ключевые слова: иммиграционное право, постоянно, временно проживающие, иностранные граждане, правовой статус, лица без гражданства.

Key words: migration law, temporarily residing foreign citizens, permanently residing foreign citizens, legal status of foreign citizens and stateless persons.

Положения ст. 62 Конституции России регламентируют конституционно-правовой статус граждан иностранных государств как равный статусу собственных граждан, но с ограничением в тех случаях, когда это предусмотрено нормами федеральных законов или международных договоров Российской Федерации. Эти изъятия особо выявляются при рассмотрении административно-правового статуса иностранного гражданина или лица без гражданства. Правовое регулирование прибытия граждан иностранных государств в Россию, пребывания и проживания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России, установление правил, предназначенных для иностранных работников, зачастую могут приводить к неоправданному ограничению установленного Конституцией РФ статуса личности, гарантируемого конституционно-правовыми нормами иных нормативных актов.

Эволюция правового регулирования общественных отношений, касающихся пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, в настоящее время направлена на предотвращение необоснованных нарушений в соблюдении прав и свобод человека и гражданина. К примеру, уменьшением расхождения между конституционно-правовым статусом иностранного гражданина и его административно-правовым статусом следует считать предоставление с 1 ноября 2019 года гражданам иностранных государств бессрочного вида на жительство, действие которого не ограничено во времени. Однажды получив статус постоянно проживающего, гражданин другого государства сможет пребывать в данном статусе пожизненно, если не пожелает сам аннулировать данный статус. Несмотря на то что, по-прежнему, потеря статуса «постоянно проживающего иностранца» возможна по тем же основаниям несоблюдения административно-правовых норм, данную новеллу в правовом регулировании иммиграции в Россию, на наш взгляд, необходимо считать шагом вперед в процессе усовершенствования административно-правовой регламентации статуса иностранных граждан в Российской Федерации. Данное нововведение следует считать отказом от концепции восприятия государством иностранного гражданина как потенциального правонарушителя и преступника.

Вид на жительство, теперь, это – документ, который свидетельствует о том, что гражданин иного государства приобрел право на постоянное проживание в Российской Федерации, и которое действует неограниченное время. Данный статус гарантирует право свободно выезжать за пределы России Федерации и въезжать на территорию России. Предоставление вида на жительство, в соответствии с частью 3 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» «производится без ограничения срока его действия» [2]. Имеется одно исключение – вид на жительство высококвалифицированному специалисту и членам его семьи, по-прежнему, выдается на период действия разрешения на работу, предоставленного указанному специалисту высокой квалификации [2]. Однако административно правовой статус иностранного гражданина также дополнен непрерывной обязанностью каждый год уведомлять государственные органы о том, что человек не планирует покинуть территорию России. В случае если он в течение 24-х месяцев забывал об этом сообщить в государственные органы, он может потерять статус постоянного проживания, который обуславливает пользование иными правами на территории Российской Федерации. К примеру, постоянно проживающему в России гражданину иностранного государства не является необходимым приобретать разрешительные документы на трудовую деятельность. Иностранным работником в законе названы не все категории иностранных граждан, по тем или иным причинам или то или иное время находящиеся на территории России, а только те, кто временно пребывают в Российской Федерации и осуществляют трудовую деятельность. Причем подобная трудовая активность временно пребывающих иностранцев предполагает особый порядок ее регулирования.

Временно проживающему в Российской Федерации, в отличие от постоянно проживающего гражданина иностранного государства, отказано в праве менять место своего

нахождения, осуществляя выезд за пределы того субъекта Федерации, в котором ему государство разрешило временно проживать. В то же время, конституционно-правовая норма ч. 1 ст. 27 Основного закона России предусматривает правило, адресованное каждому человеку, законно находящемуся на территории России, о том, что ему принадлежит право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства.

«Нарушение норм законодательства о свободе совести и свободе вероисповедания, о религиозных объединениях, наказывается, к примеру, административным штрафом от 10 до 30 тыс. руб. Для иностранных граждан и юридических лиц объем указанных штрафов отличается в сторону увеличения» [5, с. 132]. Наказание за данное правонарушение, более того, сопровождается выдворением за пределы России. Таким образом, установленный Основным законом конституционно-правовой статус иностранного гражданина как равный статусу гражданина России, не гарантирует равный административно-правовой статус при назначении наказаний за правонарушения; не гарантирует равенство при реализации права на свободу передвижения.

Несмотря на одинаковые конституционно-правовые гарантии статуса личности наряду с собственными гражданами государства, которые также предусмотрены в международных правовых актах, являющихся частью российской правовой системы, на практике, мигранты часто страдают от злоупотребления полномочиями со стороны сотрудников органов внутренних дел, побоев со стороны уличных националистов, лишаются статуса и пополняют ряды «нелегалов». Обнаруженным в ходе специальных рейдов государственных служащих структурных подразделений МВД России, иностранным гражданам, нарушившим миграционное законодательство, выносятся судебные решения о назначении административного штрафа и депортации. Согласно действующему законодательству, они помещаются в специализированные центры содержания иностранных граждан (ЦСИГ), ожидая установления личности, гражданской принадлежности и выдворения. Как правило, условия содержания в подобных учреждениях не совместимы с длительным пребыванием человека. То, что в последние годы Европейский суд по правам человека рассматривает жалобы мигрантов против Российской Федерации, говорит о том, что судебная система России не гарантирует соблюдение прав человека в отношении временно пребывающих (проживающих) иностранных граждан, нарушающих миграционное законодательство Российской Федерации. В то же самое время, общепризнанными нормами международного права и Конституционной нормой, адресованной каждому, соблюдение прав человека не обусловлено наличием гражданства России.

Например, уроженец Камеруна Мустафа Алим в соответствии с Постановлением Европейского суда по правам человека от 27 сентября 2011 г. «по делу «Алим против России» [3] отсудил у России 9 тысяч евро. Гражданину пришлось провести шесть месяцев в центре содержания иностранных граждан. Иностранец жаловался на тяжелые температурные условия своего пребывания. Приехавший в Россию как футболист, камерунец после травмы поступил в вуз, однако из-за отчисления из вуза его российская виза была аннулирована. За время пребывания в России россиянка успела родить ему сына и дочь. В Европейском суде заявленные «пытки» и «нарушение права на свободу» не восприняли всерьез. Но суд счел, что «в случае депортации заявителю был бы запрещен въезд в Россию в течение последующих пяти лет. Это не могло не отразиться на судьбе его детей. И судьям это должно было бы быть очевидно. Необходимо, чтобы мигрантам было гарантировано право на уважение их семейной жизни, право на доступ к информации, достаточное питание, медицинскую помощь» [3]. Также показательно Решение Европейского суда по правам человека по жалобе № 32002/10 Анны Лакатош и других против России. Центры содержания иностранных граждан вследствие недостаточного финансирования превращаются в некие изоляторы с предельно некомфортными условиями физического и морального существования человека. На это жаловались иностранцы 10 лет назад, жалуются и сейчас. О гуманиз-

ме, уважении человеческого достоинства, охране здоровья граждан, содержащихся в таких часто непереносимой для человека обстановке вследствие низкой бюджетной обеспеченности, не может быть и речи. Часто иностранный гражданин, который не вовремя оформил миграционные документы, либо приобрел фальшивый патент с помощью своих соотечественников, оказавшись в вышеуказанных учреждениях, не только ограничивающих его свободу передвижения, но и посягающих на конституционное право личной неприкосновенности, становится еще и жертвой должностных злоупотреблений сотрудников таких режимных объектов. Все это говорит о том, что назрела острая необходимость совершенствования процессуальных норм в ключе вышеуказанных принципов. Особенно необходимо обратить внимание на нормы, регламентирующие сроки выполнения процедуры выдворения и установления личности. В течение шести месяцев или даже года выдворяемое лицо вынуждено находиться в несвободе, что уже можно считать отдельным видом наказания, не предусмотренным законом. Судами в последнее время, все же, необходимо отметить, употребляется формулировка «самостоятельный контролируемый выезд» и ими содержание граждан иностранного государства по возможности признается нежелательным в подобных центрах, подведомственных системе МВД России. Суды общей юрисдикции второй инстанции, ссылаясь на итоговые документы Европейского суда по правам человека по Делу Алима (Постановление Европейского суда от 27 сентября 2011 г. по делу «Алим против Российской Федерации» [3]), если имеются семейные отношения, как юридически закрепленные, так и фактические, стали отменять решения нижестоящих судебных инстанций о выдворении гражданина иностранного государства за пределы России [4].

Главным направлением борьбы с незаконной миграцией являются протоколы об административных правонарушениях, составляемые должностными лицами управления МВД РФ, возбуждение административного судопроизводства и постановления районных и городских судов, которыми, преимущественно, временно пребывающие и временно проживающие иностранные граждане, потерявшие по различным причинам данные статусы, привлекаются к юридической ответственности в соответствии с санкциями норм ч. 1. ст. 18.8 КоАП РФ. Административное наказание в соответствии с данной нормой составляет взыскание штрафа в объеме от «двух тысяч до пяти тысяч рублей, дополненное депортацией провинившегося за пределы России» [1]. До исполнения постановления по делу таких лиц суд постановляет содержать в Центре временного содержания иностранных граждан (ЦСИГ) Управления МВД России. Как правило, такие иностранные граждане, преимущественно, прибывшие в Российскую Федерацию, в порядке, не требующем получения визы, избегают выезда из Российской Федерации по истечении срока разрешения временного пребывания или временного проживания, по истечении 90 суток, в рамках которых иностранные граждане и «пребывают вне миграционного учета». Применяется санкция ст. 18.8. КоАП также за нарушение режима пребывания в Российской Федерации в виде проживания вне обязательного миграционного учета и без документов, свидетельствующих законность нахождения на территории России. Часто у иностранных граждан заканчивается срок действия документа, удостоверяющего личность, выданного иностранным государством. В связи с этим данные иностранные граждане не могут продлить срок своего законного пребывания на территории Российской Федерации, предпочитают не возвращаться в государство, гражданами которого они являются, «всего лишь за продлением своего паспорта». Обжалование решений районных судов в вышестоящих судах происходит в связи с тем, что, во-первых, мигранты Центр содержания иностранных граждан воспринимают как «заключение в тюрьму», условия пребывания в которых действительно сравнимы с отбыванием наказания в учреждениях исполнения наказания за преступления, во-вторых, перспектива возвращения в страну своего гражданства некоторых иностранных граждан толкает на побег из ЦСИГ. Такие иностранные граждане пополняют ряды нелегалов.

В соответствии со ст. 18.10 КоАП РФ за «осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации без разрешения на работу либо патента, если такие разрешение или патент требуются в соответствии с федеральным законом, предусматривается наказание в виде штрафа в размере от 2000 рублей до 5 000 рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового» [1]. Законность выдворения часто оспаривается в вышестоящем суде – в суде общей юрисдикции субъекта Российской Федерации. В тех случаях, когда мигранты не впервые привлекаются к административной ответственности за нарушение миграционного законодательства и являются безработными (не трудоустроенными) решения районных судов о депортации, как правило, не отменяются вышестоящим судом. В тех же случаях, когда иностранный гражданин занят трудовой деятельностью, судьи не применяют административное выдворение. Депортированный иностранный гражданин лишается права въезда в Российскую Федерацию на 5 лет.

На сегодняшний день система нормативных актов в сфере миграции имеет сложную структуру, что вызывает серьезные трудности в правоприменительной деятельности. К излишне высокому удельному весу подзаконных правовых актов управления необходимо добавить разнообразные международные договоры, которыми обусловлен как конституционно-правовой статус иностранных граждан, так и их административно-правовой статус. Чтобы как можно быстрее устранить проблемы в сфере соблюдения прав человека в отношении мигрантов, необходимо, во-первых, совершенствование процессуальных норм, регламентирующих сроки выполнения процедуры выдворения и установления личности иностранных граждан. Во-вторых, для решения проблем с депортацией иностранных граждан можно также усилить роль консульской защиты со стороны государств, граждане которых пребывают (проживают) в Российской Федерации, активизировать работу по заключению международных договоров о реадмиссии (возвращению своих граждан, выдворенных другим государством). Рассматривая же правотворческий аспект, касающийся совершенствования юридического положения граждан иностранных государств в России, необходимо ориентироваться на соответствие административно-правового статуса иностранных граждан принципам конституционно-правового статуса личности в целом.

Библиографические ссылки

1. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. Федер. закона от 02.08.2019 N 317-ФЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в ред. Федер. закона от 02.08.2019 N 257-ФЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Европейского суда от 27 сентября 2011 г. по делу «Алим против Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление № 4А-170/2019 от 29 апреля 2019 г. по делу № 4А-170/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://mon.gov.ru/dok/akt/5272/sudact.ru/regular/doc/KDWoGMoligd/> (дата обращения: 27.10.2019)
5. Шарипова Э.А. Свобода совести и свобода вероисповедания как элементы структуры конституционно-правового и административно-правового статуса личности // Евразийский юридический журнал. 2018. № 12 (127). С. 131-133.

References

1. Kodeks RF ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (v red. Feder. zakona ot 02.08.2019 N 317-FZ) (The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended by the Federal Law of 02.08.2019 No. 317-ФЗ), [Electronic resource], *Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus»*.
2. Federal'nyy zakon RF ot 25 iyulya 2002 g. № 115-FZ «O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii» (v red. Feder. zakona ot 02.08.2019 N 257-FZ) (Federal Law of the Russian Federation of July 25, 2002 No. 115-FZ “On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation” (as amended by the Federal Law of 02.08.2019 No. 257-FZ), [Electronic resource], *Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus»*.
3. Postanovleniye Yevropeyskogo suda ot 27 sentyabrya 2011 g. po delu «Alim protiv Rossiyskoy Federatsii» (The judgment of the European Court of September 27, 2011 in the case of Alim v. Russia), [Electronic resource], *Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus»*.
4. Postanovleniye № 4A-170/2019 ot 29 aprelya 2019 g. po delu № 4A-170/2019 (Resolution No. 4A-170/2019 of April 29, 2019 in case No. 4A-170/2019), *Sudebnyye i normativnyye akty RF*, URL: <http://mon.gov.ru/dok/akt/5272/sudact.ru/regular/doc/KDWOGMoligdz/> (accessed date: 27.10.2019).
5. Sharipova E.A. Svoboda sovesti i svoboda veroispovedaniya kak elementy struktury konstitucionno-pravovogo i administrativno-pravovogo statusa lichnosti (Freedom of conscience and freedom of religion as an element of the structure of constitutional legal and administrative legal status of an individual), *Evrazijskiy yuridicheskij zhurnal*, 2018, No. 12 (127), pp. 131-133.

Дата поступления: 26.10.2019

Received: 26.10.2019

**ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.
ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 347.91/95

**ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС
И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮСТИЦИЯ**

ГОРЕЛОВ Максим Владимирович

*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: gorelov-maksim@yandex.ru*

ЖЕМАЛЕТДИНОВ Рустэм Маратович

*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: jurisconsult80@mail.ru*

**CIVIL PROCEDURE AND
ADMINISTRATIVE JUSTICE**

GORELOV Maxim Vladimirovich

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: gorelov-maksim@yandex.ru*

ZHEMALETDINOV Rustem Maratovich

*Candidate of Science (Law), Assistant Professor of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir state University", Ufa, Russia.
E-mail: jurisconsult80@mail.ru*

В статье рассматривается вопрос взаимосвязи гражданского процесса и административной юстиции в России. ГПК РФ, АПК РФ, в том числе и КАС РФ органически связаны с судебной деятельностью. Судебная деятельность подчиняется определенным устоявшимся правилам, которые не зависят от вида судопроизводства и отражают существо судебной деятельности. С учетом современного состояния законодательства судебная форма административной юстиции с позиции КАС РФ – это и есть судебный административный процесс. Внесудебная форма административной юстиции – в большей степени характерна для административного процесса.

Ключевые слова: судебный административный процесс, гражданский процесс, административная юстиция, правовое государство, административный иск, административный суд.

The paper deals with the relationship between civil procedure and administrative justice in Russia. The Code of Civil Procedure of the Russian Federation, the Code of Administrative Procedure, including the Code of Administrative Judicial Procedure are integrally connected with judicial activities. Judicial activities are subject to certain established rules, which do not depend on the type of proceedings and reflect the essence of judicial activities. Taking into account the current state of the legislation, the judicial form of administrative justice from the position of the Code of Administrative Judicial Procedure is judicial administrative procedure. The extra-judicial form of administrative justice is more typical for administrative procedure.

Key words: judicial administrative procedure, civil procedure, administrative justice, rule-of-law state, administrative claim; administrative court.

Административная юстиция. Исторические этапы развития гражданского процессуального права, в том числе и административной юстиции, имеют важное значение для современного судебного административного процесса, поскольку если законодательные органы России не основывают свои выводы на историческом понимании процессуального права, то

допускают ошибки в законодательных актах, регламентирующих процессуальную деятельность в области правосудия по гражданским делам [1, с. 3].

С другой стороны, изучение истории гражданского процессуального права и административной юстиции позволяет сконцентрировать внимание на сущности права.

Учреждение административной юстиции в странах Западной Европы основано на концепциях «правового государства» и «теории разделения властей». Сформулированный в трудах виднейших философов в течение XVII–XVIII вв. принцип разделения властей сыграл здесь историческую роль, поскольку создание специальной административной юстиции явилось «первым последствием отделения администрации от судебной власти» [2, с. 545]. Функционирование системы административных судов было призвано обеспечить «полную независимость администрации», и не допустить блокирование ее деятельности решениями общегражданских судов [3, с. 167-168]. Именно «защита управления» прямо указывалась в доктрине административного права в качестве административной юстиции [4, с. 161].

В последующем от первоначального понимания административной юстиции как «отделения администрации от судебной власти» административная юстиция, по мнению представителей науки гражданского процесса, трансформировалась в процессуальную форму деятельности судов и квазисудебных органов по рассмотрению и разрешению административно-правовых споров о законности управленческих актов, действий и решений органов государственного управления. При этом отрицалась, но, тем не менее, проходила четкая граница разграничения действия административной юстиции в судебной форме и внесудебной форме [5, с. 31].

Взаимосвязь гражданского процесса с административным процессом. Вопросы административного процесса¹ активно обсуждались в административно-правовой науке на рубеже начала XX века. Научные изыскания в области административной юстиции основывались на опыте зарубежных стран Франции, Германии, Австрии, и Италии. Главная причина, обосновывающая автономность административного процесса в историческом аспекте проявлялась – в наличии административного суда, и в публичном элементе административного иска.

Основой становления административной юстиции являлся процесс гражданский [6, с. 466] – «нет никакого сомнения, и это признается как друзьями, так и недругами административной юстиции, что источником и образом построения административного процесса послужил процесс гражданский».

Подтверждение построения административного процесса на основе гражданского процесса нашло отражение в следующих положениях:

- административный иск устанавливает пределы судебного разбирательства аналогично гражданскому иску;
- метод индивидуализации административного иска определяется принципами гражданского процесса;
- институт отвода судей в административном процессе тождественен гражданскому процессу;
- решения административных судов вступают в силу по тем же правилам, что и в гражданском процессе;
- гражданский процесс послужил образцом в вопросах легитимации сторон, участия третьих лиц в административном процессе;
- принципы гражданского процесса в течение многих лет органично применялись к административному судопроизводству, окончательно оформившемуся в XIX веке. Основные правила рассмотрения гражданских дел, ряд институтов гражданского процесса, его стадии, вследствие их подробной теоретической разработанности соответствовали целям эффективной административной юстиции и их заимствование являлось вполне целесообразным, что

предопределило тождественность обоих процессов по многим процессуальным вопросам, вторичность и зависимость административной юстиции от гражданского процесса;

- может встречаться соединение административного и гражданского иска в одном и том же деле, и преимущество по подсудности остается у гражданского иска (при наличии административных судов и гражданских судов);

- институт судебных издержек в гражданском процессе являлся аналогичным административному процессу.

Сущность административного процесса проявлялась в «искании в административном суде защиты охраняемого интереса»².

То есть правовая идеология административной юстиции в России не отрицала связь гражданского процесса с административным процессом. Вышеперечисленные взаимосвязи сохранились и на протяжении XX -и начала XXI вв. не утратили своего значения, проявили свою актуальность в связи с появлением на законодательном уровне КАС РФ.

Поскольку исторический этап становления административного процесса основывался на опыте зарубежных стран Франции, Германии, Австрии, и Италии, где имел место административный суд, то взаимосвязь проявлялась с гражданским процессом через судебную деятельность.

ГПК РФ, АПК РФ, в том числе и КАС РФ связаны с судебной деятельностью. Судебная деятельность подчиняется определенным устоявшимся правилам, которые не зависят от вида судопроизводства и отражают существо судебной деятельности. В подтверждении данного вывода, наука гражданского процессуального права предпринимала попытки наглядно показать специфику судебной деятельности через систематизацию гражданского процессуального законодательства – «научный поиск должен быть направлен не на обоснование несовместимости гражданского судопроизводства и порядка рассмотрения дел по защите прав граждан и организаций в публично-правовой сфере, но на критическое переосмысление сложившихся правил рассмотрения судами дел, возникающих из публичных правоотношений» [7, с. 26].

Показательным примером является обращение граждан заявителей Н.А. Баланюк, Н.В. Лаврентьева, И.В. Попова и В.А. Чернышева в Конституционный суд РФ.³ Заявители подчеркнули, что есть разделение на гражданский, арбитражный и административный процесс. Это разделение выглядит логичным и относительно объективным. Тогда почему же специфику административных дел в части распределения расходов на представителя предлагается нивелировать, несмотря на то, что она очевидна.⁴

Таким образом, чтобы внести определенность в понимание административной юстиции, предполагаем, что здесь нужно исходить из принципа – есть юрисдикционные органы, которые рассматривают и разрешают административно-правовые споры во внесудебном порядке и в судебном порядке. С учетом современного состояния законодательства, судебная форма административной юстиции с позиции КАС РФ – это и есть судебный административный процесс. Внесудебная форма административной юстиции – в большей степени характерна для административного процесса.

Примечания

¹ Административно-процессуальное право как наука – это составная часть юридической науки, представляющая собой систему взглядов, идей, представлений об административном процессе, об административно-процессуальном праве как отрасли права, об административно-процессуальных нормах и правоотношениях, о закономерностях, реформировании, истории и тенденциях развития административно-процессуального законодательства.

² Указ соч. Корф С.А. С.473 «мы и в данном случае видим, что административный процесс стоит весьма близко к гражданскому процессу» «основное различие между граждан-

ским и административным процессом проявлялась в наличии публичного элемента административного иска».

³ Заявители являются участниками инициативной группы петербуржцев «Спасем Александрино», борющимися против уплотнительной застройки. Они обратились с судебным иском к Комитету по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга, оспаривая распоряжения об утверждении градостроительных планов земельных участков. К участию в деле в качестве заинтересованного лица был привлечен застройщик – ООО «Воин-В». Решением районного суда Санкт-Петербурга требования заявителей были частично удовлетворены, однако апелляция инстанция активистам отказала. Впоследствии ООО «Воин-В» обратилось в суд за возмещением расходов – чуть более 90 тыс. руб., указав, что для участия в процессе было вынуждено заключить договоры об оказании юридических услуг. Горсуд Санкт-Петербурга постановил с каждого из административных истцов взыскать по 10 тыс. руб. (в сумме – 40 тыс. руб.).

⁴ Официальный сайт Конституционного Суда РФ.

Библиографические ссылки

1. Салогубова Е.В. Основные гражданские процессуальные институты римского права : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1995.
2. Ориу М. Основы публичного права. М. : Изд. Коммунистической академии, 1929.
3. Куплеваский Н. Административная юстиция в Западной Европе. Часть I. Административная юстиция во Франции. Харьков : Университетская типография, 1879.
4. D. Jacquemart. Le Conseil d'Etat juge de cassation. Paris, 1957.
5. Чечот Д.М. Административная юстиция. Л., 1973.
6. Корф С.А. Административная юстиция в России. Книга вторая. СПб., 1910.
7. Шварц М.З. Систематизация арбитражного процессуального законодательства: Проблемы теории и практики применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : Санкт.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2004.

References

1. Salogubova Ye.V. Osnovnyye grazhdanskiye protsessual'nyye instituty rimskogo prava (The main civil procedure institutions of Roman law), avtoref. ... dis. kand. jurid. nauk, Yekaterinburg, 1995.
2. Oriu M. Osnovy publichnogo prava (Fundamentals of public law), Moscow, Izd. Kommunisticheskoy akademii, 1929.
3. Kuplevaskiy N. Administrativnaya yustitsiya v Zapadnoy Yevrope. Chast' I. Administrativnaya yustitsiya vo Frantsii (Administrative justice in Western Europe. Part I. Administrative justice in France), Khar'kov, Universitetskaya tipografiya, 1879.
4. D. Jacquemart. Le Conseil d'Etat juge de cassation, Paris, 1957.
5. Chechot D.M. Administrativnaya yustitsiya (Administrative Justice), Leningrad, 1973.
6. Korf S.A. Administrativnaya yustitsiya v Rossii (Administrative justice in Russia), Kniga vtoraya, St. Petersburg, 1910.
7. Shvarts M.Z. Sistematzatsiya arbitrazhnogo protsessual'nogo zakonodatel'stva: Problemy teorii i praktiki primeneniya (Systematization of arbitration procedural legislation: Problems of theory and practice of application), avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk, Sankt.-Peterb. gos. un-t., St. Petersburg, 2004.

Дата поступления: 28.10.2019

Received: 28.10.2019

УДК 347.91/95

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
ПРИНУДИТЕЛЬНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

МУРЗАБУЛАТОВ Урал Муллахметович
*кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: ural.murzabulatov.59@mail.ru*

Исполнительное производство во всех государствах, в том числе, и в Российской Федерации, имеет свою специфику, обусловленную, с одной стороны, особенностями национальной правовой системы, а с другой стороны, сложившейся практикой правоприменения и нуждается в качественном улучшении ситуации в сфере исполнения судебных актов на основе устранения пробелов в законодательстве об исполнительном производстве, а также формирования института частных приставов.

Ключевые слова: исполнительное производство, правоохранительная система, кадровое ядро, социальная защита сотрудников.

Организация работы принудительно-исполнительной системы в каждом отдельно взятом государстве имеет не только свои особенности, но и проблемы, которые постоянно возникают по мере развития общественных отношений. Одной из таких проблем, которые требуют оперативного решения, является проблема своевременного и соответствующего требованиям действующего законодательства исполнения судебных решений службой судебных приставов.

Надлежащее исполнение судебных решений является существенным критерием эффективного функционирования не только судебной системы, но и государственной власти в целом на пути к формированию правового государства.

В ином случае не соответствующая современным требованиям система принудительного исполнения, во-первых, катастрофически снижает эффективность и, одновременно, авторитет органов судебной власти, поскольку судебное решение, которое вынесено от имени государства и не исполняется, не имеет действительной юридической ценности и, во-вторых, порождает общественное недовольство государственной политикой. В-третьих, дело заключается в том, что это сказывается на общем состоянии правовой культуры общества и, что совершенно нежелательно, создает условия для развития правового нигилизма. И этим обусловливается «создание нормальных условий для того, чтобы люди могли работать, зарабатывать и тратить деньги в соответствии со своими потребностями и при этом не попадали в

**CURRENT STATE OF THE
ENFORCEMENT SYSTEM IN THE
RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO
IMPROVE IT**

MURZABULATOV Ural Mullakhmetovich
*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: ural.murzabulatov.59@mail.ru*

Enforcement proceedings in all states, including the Russian Federation, have their own specifics, determined, on the one hand, by the particularities of national legal system, and, on the other hand, by standing law enforcement practice. They are in need of qualitative improvement in the sphere of enforcement of judicial acts on the basis of filling gaps in the legislation on enforcement proceedings, as well as the formation of the institution of private bailiffs.

Key words: enforcement proceedings, law enforcement system, personnel core, employees' social protection.

нежелательные конфликтные ситуации, связанные с нарушением закона, пренебрежительным отношением к своим и чужим правам и свободам» [1, с. 33].

В соответствии с имеющимися статистическими данными, с одной стороны, подразделения службы судебных приставов сегодня исполняется больше половины судебных актов. Внутренняя часть исполнительных документов возвращаются взыскателю в связи с тем, что «должник не имеет имущества, денежных средств на которые можно было бы обратить взыскание, не проживает по месту государственной регистрации» [2]. А другой стороны, довольно большое число взыскателей продолжает «хождение по мукам, имея на руках исполнительные листы, вынесенные судами от имени государства» [3].

Все это объясняется, по нашему мнению, наличием в организации деятельности системы исполнительного производства ряда объективных и субъективных факторов. В частности, объективным фактором можно назвать реальную невозможность исполнения судебных решений из-за несовершенства законодательства об исполнительном производстве и наличия в нем многочисленных пробелов. В качестве субъективных факторов можно указать на низкий уровень организации деятельности службы судебных приставов в целом, а в частности, на недостаточное финансирование заработной платы сотрудников данной сферы, что привело, в свою очередь, к уходу из службы высококвалифицированных специалистов, к текучести кадров, чрезмерной служебной нагрузке, и, как следствие, волоките.

По утверждению Генерального прокурора России, за последние годы волокита в территориальных органах федеральной службы судебных приставов «стала нормой и приобрела угрожающие масштабы, ущемляя интересы граждан на восстановление нарушенных прав» [4].

Невозможность принудительного исполнения судебных решений, что одновременно означает и не соответствующее требованиям выполнение своих служебных обязанностей, приводит к ситуации, «когда в отношениях гражданского оборота выгоднее быть должником, нежели кредитором. Как показывает практика, участниками исполнительного производства в основном выступают экономически активные слои населения» [5].

Не требуется долго доказывать, что все это, в конечном счете, снижает эффективность экономики и, более того, приводит в ряде случаев к криминализации отношений гражданского оборота. Давно установлено, что низкий уровень исполнения судебных решений уже становится тревожным симптомом тяжелого недуга право-исполнительной структуры, и требует незамедлительного изменения ситуации.

Правда, за последние годы приняты ряд прогрессивных законодательных актов, создающих правовую основу для качественной организации исполнительного производства и работы судебных приставов России. Так, например, в октябре текущего года был принят Федеральный закон ФЗ -328 (вступает в законную силу с 1 января 2020 года) О статусе судебных приставов, который приравнивал их деятельность к правоохранительной службе!

Перевод ФССП РФ в правоохранительную систему – это важное событие не только для сотрудников службы судебных приставов, но и для правосудия в целом. Кроме того, многомиллионный отряд взыскателей, воспаряли надеждой, что судебные приставы России начнут работать более эффективно по удовлетворению их требований признанных судом.

Бесспорно, новый закон придаст положительный импульс в вопросах формирования и укрепления кадрового ядра службы, ибо хорошая заработная плата и социальные льготы для сотрудников будет способствовать уменьшению текучести кадров, которым сегодня страдает ФССП.

В то же время, на наш взгляд, принятие нового закона не скоро оправдает надежды и чаяния взыскателей, ибо судебный пристав-исполнитель хоть и будет получать приличную зарплату по сравнению с прошлым, все еще вынужден будет работать на старой нормативной базе, т.е. на базе ФЗ-229 Закона об исполнительном производстве, который имеет многочисленные пробелы, при этом у пристава также остается чрезмерная служебная нагрузка, пре-

вышающая в 7 раз установленную на сегодняшний день действующим законодательством допустимую норму.

Поэтому, необходимо ставить вопрос, во-первых, о скорейшем совершенствовании законодательства об исполнительном производстве путем устранения имеющихся в нем пробелов, и, во-вторых, о снижении служебной нагрузки на приставов путем создания института частных приставов с передачей им исполнительных документов по незначительным взысканиям. Например, административных штрафов, число которых на сегодня составляет около 40% от общего числа исполнительных производств, находящихся на исполнении, а также некоторых судебных актов по малозначительным взысканиям. Опыт организации судебно-исполнительной системы зарубежных стран наглядно показывает на эффективность работы частных приставов. Конечно же, дискуссии о создании института частных приставов ведутся и в нашей стране, но тут нужна политическая воля руководства страны и принятие соответствующих законодательных актов.

В то же время, одним из сложных вопросов, на наш взгляд, остается задача по устранению пробелов в законодательстве об исполнительном производстве, ибо, ФЗ-229 Закон об исполнительном производстве, принятый в 2007 году, перетерпевшая многочисленные изменения, все еще содержит в своем арсенале многочисленные нормы императивного характера, что не позволяет оперативно решать стратегические задачи, стоящие перед принудительным исполнением, в частности, своевременности исполнения решений судов, и вдобавок, лишает судебного пристава творческого отношения к работе! Так, например, в действующем законодательстве примирительные процедуры между должником и взыскателем слабо отрегулированы положениями норм исполнительного производства, т.е. о мировом соглашении упоминается лишь в ст. 50 Закона об исполнительном производстве, где говорится, что стороны имеют право заключить мировое соглашение на любой стадии исполнительного производства, утверждаемое судом! [6]. Но мы не обнаружим, ни единого слова о роли судебного пристава по организации заключения мирового соглашения между сторонами исполнительного производства. Законодательство зарубежных стран прямо обязывает судебного исполнителя проводить процедуру попытки примирения между должником и взыскателем в начальной стадии исполнительного производства! Одновременно пристав зарубежных стран имеет право своим постановлением утверждать мировое соглашение между должником и взыскателем, что, конечно же, способствует сокращению времени заключения мирового соглашения, увеличению их количества и ускорению процесса исполнения решений судов! Также суды будут разгружены от такого рода дел!

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о необходимости создания соответствующих условий для оперативного и качественного улучшения ситуации в сфере исполнения судебных актов на основе устранения пробелов в законодательстве об исполнительном производстве, а также формирования института частных приставов.

При всем этом функционирование в государстве эффективной системы принудительного исполнения обуславливается не только необходимостью повышения авторитета судебной власти, но и необходимостью совершенствования системы экономики в целом, потому что сильная и действенная «система принудительного исполнения способна превентивно воздействовать на поведение участников гражданского оборота и делать правомерное поведение более выгодным» [7].

Библиографические ссылки

1. Галиев Ф.Х. Правовая культура в цифровых показателях // Юридическая мысль. 2012. № 4 (72). С. 33-39.
2. Садовский П.В. Исполнительное производство. Проблемы правоприменения. Оспаривание оценки, производимой в рамках исполнительного производства // Арбитражные споры. 2006. № 3.

3. Мурзабулатов У.М. Развитие судебно-исполнительной системы России и концептуальные пробелы в законодательстве об исполнительном производстве : монография. Уфа : РИЦ БашГУ, 2015.
4. Генпрокуратура требует наказать руководителей ФССП // РБК Экономика. 2013. 16 сентября.
5. Мурзабулатов У.М. Влияние норм исполнительного производства на экономическую безопасность России // Актуальные проблемы социального, экономического и информационного развития современного общества : сборник Всероссийская научно-практической конференции, 20 мая 2016 г. Уфа : НИЦ «Аэтерия» С. 186-189
6. Федеральный закон от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (с посл. изм. и доп. от 14 октября 2014 года № 307-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41, ст. 4849.
7. Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст : Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18-21 сентября 2012 г., Москва, Россия : сборник докладов / под ред. Д.Я. Малешина. М. : Статут, 2012.

References

1. Galiyev F.Kh. Pravovaya kul'tura v tsifrovyykh pokazatelyakh (Legal culture in digital terms), *Yuridicheskaya mysl'*, 2012, No. 4 (72), pp. 33-39.
2. Sadovskiy P.V. Ispolnitel'noye proizvodstvo. Problemy pravoprimereniya. Osparivaniye otsenki, proizvodimoy v ramkakh ispolnitel'nogo proizvodstva (Enforcement proceedings. Enforcement issues. Challenging the assessment made in the framework of enforcement proceedings), *Arbitrazhnyye spory*, 2006, No. 3.
3. Murzabulatov U.M. Razvitiye sudebno-ispolnitel'noy sistemy Rossii i kontseptual'nyye probely v zakonodatel'stve ob ispolnitel'nom proizvodstve (The development of the judicial-executive system of Russia and conceptual gaps in the legislation on enforcement proceedings), monografiya. Ufa, RITS BashGU, 2015.
4. Genprokuratura trebuyet nakazat' rukovoditeley FSSP (The Prosecutor General's Office requires punishing the leaders of the FSSP), *RBK Ekonomika*, 2013, 16 sentyabrya.
5. Murzabulatov U.M. Vliyaniye norm ispolnitel'nogo proizvodstva na ekonomicheskuyu bezopasnost' Rossii (The impact of enforcement proceedings on the economic security of Russia), *Aktual'nyye problemy sotsial'nogo, ekonomicheskogo i informatsionnogo razvitiya sovremennogo obshchestva*, sbornik Vserossiyskaya nauchno-prakticheskoy konferentsii, 20 maya 2016 g., Ufa, NITS «Aeteria», pp. 186-189.
6. Federal'nyy zakon ot 2 oktyabrya 2007 goda № 229-FZ «Ob ispolnitel'nom proizvodstve» (s posl. izm. i dop. ot 14 oktyabrya 2014 goda № 307-FZ) (Federal law of October 2, 2007 No. 229-FZ “On Enforcement Proceedings” (with the last amendments of October 14, 2014 No. 307-ФЗ), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2007, No. 41, st. 4849.
7. Grazhdanskiy protsess v mezhkul'turnom dialoge: yevraziyskiy kontekst (Civil process in intercultural dialogue: Eurasian context), *Vsemirnaya konferentsiya Mezhdunarodnoy assotsiatsii protsessual'nogo prava*, 18-21 sentyabrya 2012 g., Moskva, Rossiya, sbornik dokladov, pod red. D.Ya. Maleshina, Moscow, Statut, 2012.

Дата поступления: 23.10.2019

Received: 23.10.2019

УДК 347.447.52

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ****ШАЯХМЕТОВА Алина Римовна**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан», г. Уфа, Россия.
E-mail: alinashr@yandex.ru

**CIVIL LAW LIABILITY OF MEDICAL
ORGANIZATIONS: PROBLEMS OF
LEGAL REGULATION****SHAYAKHMETOVA Alina Rimovna**

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the FBSEI HE "Bashkir Academy of State Service and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan", Ufa, Russia. E-mail: alinashr@yandex.ru

В данной статье раскрываются общие условия наступления гражданско-правовой ответственности, как в рамках договорной, так и в рамках внедоговорной ответственности. Рассматривается судебная практика применения судами различных правовых норм, регулирующих вопросы взаимоотношений в цепочке: медицинская организация-пациент. Раскрываются вопросы соотношения как общих, так и специальных правовых норм, регламентируемых медицинским законодательством.

Ключевые слова: медицинская деятельность, ответственность, медицинская организация, права потребителя, некачественная услуга, деликтная ответственность, причинение вреда, медицинское вмешательство, вина, противоправность, причинно-следственная связь.

The paper reveals the general conditions for the incurrance of civil law liability, within the terms of the contract, as well as within the non-contractual liability. It examines the judicial practice of applying various legal norms regulating relations in the chain: a medical organization-a patient. The author reveals the issues of the relationship of both general and special legal norms, regulated by health care legislation.

Key words: medical activities, liability, medical organization, consumer rights, non-quality service, tort liability, harm-doing, medical intervention, guilt, illegality, causal relationship.

Институту гражданско-правовой ответственности уделяется повышенное внимание среди ученых-правоведов. Сфера возмездного оказания услуг не исключение, особый интерес представляет институт ответственности в рамках оказания платных медицинских услуг.

Необходимо отметить ряд особенностей, характеризующих специфику ответственности в сфере оказания медицинских услуг:

- результат медицинского вмешательства непредсказуем, т.к. деятельность связана с непосредственным воздействием на организм человека, индивидуальные особенности которого влияют на процесс оказания услуги;
- риск соразмерности причиняемого вреда Исполнителем услуги сопряжен с оценкой вреда имеющегося;
- обязательное соблюдение процедуры получения добровольного информированного согласия пациента;

Основополагающим правовым актом в сфере осуществления медицинской деятельности является Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (далее по тексту – Основы охраны здоровья граждан).

Пунктом 9 ч. 5 ст. 19 Основ охраны здоровья граждан предусмотрено право пациента на возмещение вреда, причиненного здоровью при оказании ему медицинской помощи.

По общим правилам гражданско-правовая ответственность строится на началах принципа вины.

Основанием гражданско-правовой ответственности является правонарушение, в результате которого причинены неблагоприятные последствия личности либо имуществу лица.

Гражданско-правовая ответственность возникает при совокупности следующих юридических фактов (условий): противоправное поведение причинителя вреда, наличие вреда, причинная связь между противоправным поведением и возникшим вредом, вина причинителя вреда.

Правонарушение как основание гражданско-правовой ответственности в рамках оказания платных медицинских услуг характеризуется ненадлежащим исполнением требований законодательства, регламентирующего медицинскую деятельность, а также в нарушении любых прав пациента, предусмотренных действующим законодательством.

Противоправность действий Исполнителя медицинской услуги заключается в совершении действий, не соответствующих требованиям нормативно-правовых актов, регламентирующих медицинскую деятельность.

Следующим условием наступления гражданско-правовой ответственности является наличие вреда (убытков).

Действующее законодательство Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) закреплен принцип полного возмещения убытков, т.е. лицо, чье право нарушено, имеет право на возмещение реального ущерба и упущенной выгоды. Под реальным ущербом понимаются расходы, которое лицо, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утраты или повреждения имущества. Под упущенной выгодой понимается неполученные доходы, которое лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота.

Применительно к договору об оказании платных медицинских услуг реальный ущерб может состоять из сумм, затраченных на оплату услуг по договору, либо сумм, затраченных на заключение договора с иным исполнителем для восстановления нарушенного права.

Понятие имущественного вреда раскрывается в ст. 15 ГК РФ, которое выражается в возникновении у пациента реального ущерба (повреждение трансплантата), в лишении возможности получить запланированные доходы (утраченный заработок), в несении дополнительных материальных убытков (покупка лекарств, санаторно-курортное лечение).

При возмещении материального вреда пациенту возмещаются все затраты, понесенные в связи с восстановлением нарушенного здоровья по причине оказания ему некачественной медицинской услуги.

Вред также может выражаться в виде нравственных страданий пациента, связанных с неблагоприятными последствиями ненадлежащего лечения, разглашением врачебной тайны, некорректным поведением врача.

Правовыми основами компенсации морального вреда являются: ГК РФ (ст.ст. 151, 1099–1101) и ст. 15 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 "О защите прав потребителей" (далее по тексту – Закон о защите прав потребителей).

В настоящее время в России отсутствуют единые подходы к определению размера компенсации морального вреда.

В основном суды руководствуются заключением судебно-медицинской экспертизы, степенью физических и нравственных страданий потерпевшего, учитывают личность потерпевшего, конкретные обстоятельства дела, иные заслуживающие внимания обстоятельства, а также требования о разумности и справедливости.

Согласно ст. 15 Закона о защите прав потребителей моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения исполнителем прав потребителя, предусмотренных закона-

ми и правовыми актами Российской Федерации, регулируемыми отношения в области защиты прав потребителей, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины.

В п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 года № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» указывается, что при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на исполнителе.

Однако судами данная норма права трактуется двояко:

- так суд отказал Истцу в удовлетворении исковых требований о возмещении материального ущерба, взыскании неустойки, компенсации морального вреда, поскольку отсутствуют признаки деликтной ответственности, предусмотренные статьей 1064 ГК РФ (не представлены достаточные и допустимые доказательства недобросовестности выполнения услуг Исполнителем, отсутствует причинно-следственная связь). Истец от назначения по делу судебной экспертизы отказался [5, с. 5].

При этом суд учел, что потребитель (истец по делу) также не лишен возможности предоставления суду доказательств.

- в другом случае суд также возложил на истицу бремя доказывания обстоятельств, касающихся некачественного оказания ей ответчиком медицинской помощи и, как следствие, причинения вреда ее здоровью, в то время как именно на ответчике лежала обязанность доказывания своей невиновности. Данное решение отменено и направлено на новое рассмотрение вышестоящим судом [3, с. 5].

Наиболее важным условием в рамках разрешения дел о причинении вреда пациенту является установление причинно-следственной связи между вредом и противоправными действиями исполнителя медицинской услуги.

По нашему мнению, наибольшую сложность вызывает проблема возможной множественности причин, приведших к неблагоприятному результату в ходе лечения пациента.

Если неблагоприятный исход лечения вызван взаимодействием множества причин, необходимо определить какие обстоятельства стали «судьбоносными» и какое значение имело каждое из этих обстоятельств. Важное значение имеет заключение судебно-медицинской экспертизы, которое является одним из доказательств, подлежащих оценке в рассмотрении дела в совокупности иных доказательств по делу.

Однако сложнее определить наличие причинной связи в случаях, когда вред не следует непосредственно за противоправным поведением или когда причинение вреда здоровью вызвано действием целого ряда обстоятельств. В таких случаях «требуется установить, какое значение имело каждое из обстоятельств, какое из нескольких действий (бездействий) следует признать случайной, а какое необходимой (влекущей ответственность) причиной наступления вреда» [2, с. 36-37].

Вина причинителя вреда по общему правилу является четвертым условием наступления гражданско-правовой ответственности. В отличие от рассмотренных выше условий, носящих объективный характер, вина характеризует правонарушение с субъективной стороны. По общему правилу лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины. Однако когда речь идет об оказании платных медицинских услуг, необходимо обратить внимание на положения п. 3 ст. 401 ГК РФ, согласно которому установлена безвиновная ответственность за ненадлежащее исполнение обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности, если иное не предусмотрено законом или договором.

Так, в одних случаях вина медицинской организации подлежит доказыванию, в других, опираясь на п. 4 ст. 13, п. 5 ст. 14, п. 5 ст. 23.1, п. 6 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, ст. 1098 ГК РФ, суды делают вывод о презумпции вины и бремени доказывания ее от-

сутствия медицинской организацией, в третьих вина медицинской организации не имеет значения в силу п. 1 ст. 1095 ГК РФ [1, с. 67].

Отсутствие вины правонарушителя освобождает его от гражданско-правовой ответственности по общему правилу, из которого, однако, имеется ряд исключений. В случаях, установленных законом или предусмотренных договором, ответственность может наступать и независимо от вины правонарушителя (в случаях, когда процесс оказания медицинской услуги выступает в качестве источника повышенной опасности).

Безусловно, сама деятельность, в результате которой наступает безвиновная ответственность, не носит противоправного характера. Вместе с тем, очевидно, что медицинская деятельность всегда является рискованной, так как может привести к нарушению прав пациента. Поскольку рискованый характер деятельности задан изначально, то основанием ответственности следует считать не вину, а именно сам риск, предопределенный природой соответствующей деятельности. Рискованый характер предполагает допущение неблагоприятных последствий и готовность соответствующего субъекта принять эти последствия на себя, ответить за них [4, с. 202].

Исполнитель практически в каждом случае оказания медицинской услуги принимает на себя риск возможности наступления негативных последствий с учетом того, что вероятность положительного эффекта многократно превышает вероятность негативных реакций, и неоказание медицинской помощи может привести к ухудшению здоровья пациента и причинить ему вред.

Кроме того, вызывает интерес положения ст. 15 Закона о защите прав потребителей, согласно которой моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения исполнителем прав потребителя, предусмотренных законами и правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Согласно данной норме моральный вред подлежит взысканию в пользу потребителя при наличии вины исполнителя в нарушении прав потребителя. Размер же компенсации морального вреда определяется судом после установления в судебном порядке нарушения прав потребителя и вины исполнителя в нарушении этих прав.

В соответствии с п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей, установлена ответственность исполнителя услуг за нарушение прав потребителя в виде штрафа в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя.

В отношении применения данной нормы к вопросу компенсации морального вреда в добровольном порядке медицинскими организациями, судебная практика исходит из следующего: положения п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей подлежат применению к отношениям в сфере охраны здоровья граждан при оказании гражданину платных медицинских услуг [5, с. 10].

Соответственно, при разрешении данных вопросов судом необходимо первоначально установить правовую природу отношений по оказанию медицинской помощи, а именно оказывалась ли медицинская помощь бесплатно в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи либо эта помощь, включая медицинские услуги, предоставлялась лицу на возмездной основе на основании заключенного с медицинской организацией договора.

Таким образом, в настоящее время судами при рассмотрении дел об ответственности медицинских организаций применяются в совокупности как нормативные положения Закона о защите прав потребителей, так и положения Основ охраны здоровья граждан.

Полагаем, что защита прав пациента в рамках возмещения вреда, причиненного здоровью при оказании ему медицинской помощи должна осуществляться судами в едином порядке независимо от источника финансирования медицинских услуг и правовой природы отношений по оказанию медицинских услуг.

Примечания

Законы и постановления:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 октяб. 1994 г. ввод. Федер. законом Рос. Федерации от 30 нояб. 1994г. № 52-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 декабря 1995г. ввод. Федер. законом Рос. Федерации от 26 янв 1996г. № 15-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5, ст. 410.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011г. № 323-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 1 нояб. 2011 г.: одобр. Советом Федерации Федор. Собр. Рос. Федерации 9 ноя. 2011 г. // Российская газета. 2011. 23 ноября.
4. О защите прав потребителей: закон Рос. Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // Российская газета. 1996. 16 января.

Библиографические ссылки

1. Берилло М.С. Условия ответственности медицинских организаций за причинение вреда здоровью пациента медицинским вмешательством в судебной практике // Юридическая наука и практика. 2016. Т. 12. № 1. С. 64-72.
2. Малеин Н.С., Малеина М.Н. Закон и охрана здоровья граждан. М. : Знание, 1986.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2019 № 74-КГ19-5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
4. Павлова Ю.В. Юридическая защита медицинской организации при применении норм, устанавливающих гражданско-правовую ответственность без вины // Медицинское право: теория и практика. М. : Национальный институт медицинского права, 2016. Т. 2. № 2 (4). С. 196-205.
5. Решение Златоустовского городского суда Челябинской области от 8 ноября 2018 г. по делу № 2-2016/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0vpAyo9ppamj/>.

References

1. Berillo M. S. Usloviya otvetstvennosti medicinskih organizacij za prichinenie vreda zdorov'yu pacienta medicinskim vmeshatel'stvom v sudebnoj praktike (Conditions of liability of medical organizations for causing harm to the patient's health by medical intervention in judicial practice), *Yuridicheskaya nauka i praktika*, 2016, T. 12, No. 1, pp. 64–72.
2. Malein N.S., Maleina M.N. Zakon i ohrana zdorov'ya grazhdan. (The law and the protection of public health), Moscow, Znanie, 1986.
3. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24.06.2019 № 74-KG19-5 (The determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 24, 2019 No. 74-KG19-5). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy Konsul'tant-Plyus.
4. Pavlova Yu.V. Yuridicheskaya zashchita medicinskoj organizacii pri primenenii norm, ustanavlivayushchih grazhdansko-pravovuyu otvetstvennost' bez viny (Legal protection of a medical organization when applying the rules establishing civil liability without guilt), *Medicinskoe pravo: teoriya i praktika*, Moscow, Nacional'nyj institut medicinskogo prava, 2016, T. 2, No. 2 (4), pp. 196-205.
5. Reshenie Zlatoustovskogo gorodskogo suda Chelyabinskoy oblasti ot 8 noyabrya 2018 g. po delu № 2-2016/2018 (The decision of the Zlatoust city court of the Chelyabinsk region of November 8, 2018 in case No. 2-2016 / 2018). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0vpAyo9ppamj/>.

Дата поступления: 11.12.2019

Received: 11.12.2019

КРИМИНАЛИСТИКА.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

**ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
ПОДОЗРЕВАЕМОГО
ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ
ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ**

ВАРФОЛОМЕЕВ Роман Андреевич
*аспирант кафедры криминалистики Инсти-
тута права ФГБОУ ВО «Башкирский госу-
дарственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: roman.v.2016@mail.ru*

В настоящей статье рассматривается вопрос влияния характеристики личности несовершеннолетнего подозреваемого на порядок подготовки и проведения проверки показаний на месте. На примере отдельных составляющих социально-демографических, нравственно-психологических и биологических свойств, а также на основе эмпирических данных обосновывается значение криминалистической характеристики личности для успешного производства проверки показаний на месте. Исследуется роль состава семьи, социального положения и социальных взглядов ее членов в формировании психологических особенностей подростков, установлена зависимость социально-демографических свойств личности и специфики поведения несовершеннолетнего подозреваемого в ходе следственного действия. Отмечено влияние нравственно-психологической характеристики личности на порядок подготовки и проведения проверки показаний на месте. В рамках рассмотрения значения биологических свойств личности особое внимание обращается на состояние психического здоровья.

Ключевые слова: криминалистика, следственное действие, проверка показаний на месте, характеристика личности, несовершеннолетний подозреваемый, криминалистическая тактика.

**THE IMPORTANCE OF THE JUVENILE
SUSPECT'S PERSONAL FORENSIC
CHARACTERISTICS FOR VERIFYING
TESTIMONY AT THE SCENE**

VARFOLOMEEV Roman Andreevich
*Postgraduate Student of the Chair of Forensics
of the Institute of Law of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher
Education "Bashkir State University", Ufa,
Russia. E-mail: roman.v.2016@mail.ru*

The paper deals with the influence of the juvenile suspect's personal characteristics on the procedure for preparing and conducting verification of testimony at the scene. On the example of individual components of socio-demographic, moral, psychological and biological properties, as well as on the basis of empirical data, the author justifies the importance of personal forensic characteristics for the successful production of verification of testimony at the scene. The role of family composition, social status and social views of its members in the formation of juvenile psychological characteristics is investigated, the dependence of socio-demographic personal traits and the specifics of juvenile suspect's behavior during investigative actions is established. The author reveals the influence of personal moral and psychological characteristics on the order of preparation and verification of testimony at the scene. As part of the consideration of the significance of personal biological traits, special attention is paid to mental status.

Key words: forensics, investigative action, verification of testimony at the scene, personal characteristics, juvenile suspect, forensic tactics.

Проверка показаний на месте – это специфическое следственное действие, реализовать весь потенциал которого невозможно без планомерного изучения личности основного его участника – лица, чьи показания проверяются. Особенно актуализируется этот вопрос при проведении проверки показаний несовершеннолетнего подозреваемого. Связано это, на наш взгляд, с психологической незрелостью подростка, которая может проявляться в неадекватности реакций, выражающихся, как отмечает Т.А. Шилова, в эмоциональной неустойчивости, заторможенности, замкнутости, обидчивости, негативизме и упрямстве [12, с. 86]. Более того, сам факт участия несовершеннолетнего в следственном действии может вызывать для него стрессовое состояние. В результате проведенного интервьюирования мы выяснили, что большинство следователей в ходе проверки показаний на месте отмечают у несовершеннолетних подозреваемых явные признаки проявления тревоги: изменение цвета кожи лица, повышенное потоотделение, суетливость, дрожь голоса. Описанные факты свидетельствуют об увеличении вероятности возникновения неблагоприятной ситуации в ходе производства указанного следственного действия. Основная задача следователя при таких обстоятельствах – на основании характерных черт личности несовершеннолетнего, установить психологический контакт и создать максимально комфортные условия при производстве проверки показаний.

Прежде чем перейти к рассмотрению основных факторов, подтверждающих необходимость обязательного изучения криминалистической характеристики личности несовершеннолетнего подозреваемого – участника проверки показаний на месте, необходимо определиться с понятием данной категории. В научной литературе имеются различные его интерпретации. Так, Р.Л. Ахмедшин под криминалистической характеристикой личности преступника понимает «систему данных о лице, совершившем преступление, которые способствуют его поиску и изобличению» [4, с. 82]. Основываясь на анализе понятия криминалистического изучения личности, данного Н.П. Яблоковым, можно определить характеристику личности подозреваемого как систему криминалистически значимой информации, включающей в себя сведения о присущих ему анатомических, биологических, психологических и социальных свойствах, которые необходимы для идентификации личности, решения тактических задач и установления фактической картины события преступления в процессе его раскрытия и расследования, а также использования в целях осуществления криминалистической профилактики [13, с. 171-172].

Исследование личности несовершеннолетнего подозреваемого имеет свою структуру. На наш взгляд наиболее рациональной является разработка И.А. Макаренко, которая предлагает изучать социально-демографические, нравственно-психологические признаки и биологические свойства личности [9, с. 8-9].

Различие социально-демографических свойств личности оказывает существенное влияние на выбор тактических приемов проверки показаний на месте. Учитывая, что первичной ступенью социализации ребенка является семья, его поведение во многом зависит от существующих в ней условий. Ученые отмечают, что воспитание подростка в неполной семье способствует появлению ряда психологических особенностей: низкая успеваемость, склонность к невротическим нарушениям, негативное отношение к родителям [8, с. 70]. Это накладывает определенный отпечаток на процесс подготовки к следственному действию, оценки данных показаний и продемонстрированных действий. К примеру, негативное отношение к родителям нужно учитывать при подборе участников проверки показаний на месте, так как в их присутствии несовершеннолетний может некорректно себя вести; склонность к невротическим расстройствам подлежит учету при оценке хода и результатов следственного действия, в связи с тем, что проявление таких нарушений можно принять за признаки дачи ложных показаний (например, несогласованность вербальных и невербальных проявлений коммуникации). Кроме того, для успешного проведения следственного действия, с участием несовершеннолетнего подозреваемого, необходимо выяснить социальное положение и род

занятий его родителей или лиц, с которыми он проживает. Ученые утверждают, что замедлению умственного развития ребенка способствует низкий социально-экономический статус [5, с. 40]. Умственное развитие, в свою очередь, имеет прямую взаимосвязь с возможностью выражать свои мысли и контролировать поведение.

Также выяснению подлежат социальные взгляды членов семьи подростка. Как справедливо указывает А.А. Реан, «асоциальные ценности, нормы и стереотипы поведения могут усваиваться посредством механизма научения и подражания, если такие ценности и нормы являются доминирующими в семье» [11, с. 108]. Соответственно, от несовершеннолетнего, воспитываемого в семье, где царят антисоциальные установки, где прослеживается крайне негативное отношение к правоохранительным органам, к правопорядку – не стоит ждать положительного отношения и активного сотрудничества со следствием.

Весьма существенна роль нравственно-психологической характеристики подозреваемого. Рассмотрим ее предлагаем на примере направленности личности подростка, так как, по верному замечанию М.Н. Григорьевой, она выступает важнейшим элементом, определяющим жизненную позицию человека, социальную и нравственную ценность личности [7, с. 128]. Изучение данного вопроса предполагает выделение определенных типов несовершеннолетних преступников. Наиболее подходящей для целей исследования тактических особенностей производства проверки показаний на месте является классификация, предложенная И.А. Макаренко, которая включает в себя следующие типы: положительно-ситуативный, ситуативный, ситуативно-криминогенный, последовательно-криминогенный [10, с. 85].

Положительно-ситуативный представляет собой тип несовершеннолетних, имеющих положительную характеристику и отсутствие негативных фактов в биографии до момента совершения преступления. В результате анализа эмпирического материала мы выяснили, что такие личности стараются сотрудничать со следствием, максимально подробно описывая обстоятельства произошедшего события. Проверка показаний на месте проводится, как правило, для выяснения или детализации отдельных обстоятельств интересующего следствие события. В таких ситуациях преимущественно применяются тактические приемы активизации памяти и минимизации психологического напряжения.

Ситуативный тип близок по своим характеристикам к предыдущему, однако, у данных подростков уже прослеживаются признаки антисоциального поведения и неблагоприятных условий развития, о которых известно из характеризующих материалов. Несмотря на относительно позитивный настрой в ходе взаимодействия со следователем, повышается вероятность проявления вызывающего поведения. Например, для детализации отдельных обстоятельств совершения преступления была проведена проверка показаний на месте 15-ти летнего Я., подозреваемого в тайном хищении имущества из цветочного магазина. Следственное действие проводилось с участием матери подростка. В ходе проверки показаний на месте Я. достаточно полно описал обстоятельства события, указав, каким образом он проник в магазин и места, где находились похищенные им цветы и денежные средства. Исходя из анализа фототаблицы, приложенной к протоколу видно, что Я. ведет себя достаточно несдержанно, в ходе производства следственного действия улыбается, чувство стыда за совершенное преступление не испытывает. Подобное вызывающее поведение можно предвидеть, изучив характеризующие материалы. При положительной характеристике с места учебы, в обзорной справке указано, что Я. «поддается влиянию окружающих, склонен к совершению антиобщественных деяний. В круг общения подростка входят лица, склонные к совершению правонарушений и уголовно-наказуемых деяний». Кроме того, отмечено, что родители контроль над своим сыном осуществлять не могут, авторитетом не пользуются [1].

Следующий рассматриваемый нами тип – подростки, имеющие отрицательную характеристику с места жительства, учебы или работы, ранее совершавшие мелкие правонарушения. Они зачастую более уверенно чувствуют себя в отношениях с представителями органов предва-

рительного расследования, некоторые могут агрессивно реагировать на постановку уточняющих вопросов. В данном случае к участию в следственном действии рекомендуется привлекать психолога или педагога, из числа лиц, пользующихся авторитетом у несовершеннолетнего.

В тактическом плане наиболее «сложным» типом является последовательно-криминогенный. Подростки, относящиеся к данной группе, неоднократно нарушали общественный порядок, совершали уголовно-наказуемые деяния, не занимаются трудовой и учебной деятельностью или учатся посредственно. Учитывая, что для представителей рассматриваемой группы свойственно проявление лживости, проверка показаний на месте используется для разоблачения ложных показаний при их несоответствии фактической обстановке на месте, для выявления самоговора или роли соучастников преступления. Также ввиду невысокого уровня интеллектуального развития зачастую возникают трудности в словесном описании места и отдельных обстоятельств события, для чего также требуется производство проверки показаний на месте. Типичным представителем данной группы является 16-ти летний Я., осужденный за совершение нескольких краж чужого имущества из торговых помещений. В ходе допроса в качестве подозреваемого Я. не смог пояснить точный маршрут передвижения до места совершения преступления и маршрут, по которому соучастники скрылись, а также детали механизма хищения. В ходе проверки показаний на месте Я. продемонстрировал маршрут передвижения, место совершения кражи, уточнил отдельные обстоятельства совершенного преступления, что в своей совокупности свидетельствует об осведомленности подростка о расследуемом событии, подтверждает ранее данные показания и соотносится с другими доказательствами по делу. Отдельного внимания заслуживает то факт, что Я. содержался под стражей и при производстве следственного действия в отношении него сотрудником конвойной службы применялись средства ограничения подвижности (наручники). Отметим, что рассматриваемое обстоятельство вызывает дополнительные трудности в оценке поведенческих реакций подозреваемого. В данной ситуации важно создать условия, позволяющие несовершеннолетнему самостоятельно определять направление движения и свободно демонстрировать отдельные действия. Исходя из фототаблицы, приложенной к протоколу, можно сделать вывод, что лицо, осуществляющее конвоирование, ведет себя пассивно, не оказывает давления на Я [2].

Рассматривая значение биологических свойств личности, обратим особое внимание на состояние психического здоровья. Данная характеристика имеет принципиальное значение для успешного проведения следственного действия с участием несовершеннолетнего. А.В. Варданын отмечает, что «ряд тактических приемов допроса, например, успешно применяемых для стимулирования положительных качеств психически здоровых лиц, а также разоблачения во лжи, оказываются неэффективными и отчасти даже вредными при взаимодействии с лицами, имеющими различные психические аномалии» [6, с. 5]. Однако как показывает практика, следователи уделяют недостаточно внимания этому обстоятельству. Показательным является уголовное дело, возбужденное в отношении Г., подозреваемого в неправомерном завладении автомобилем без цели хищения. В ходе допроса несовершеннолетний Г. указал, что состоит на учете у психиатра. Несмотря на это, следователь фактически проигнорировал данное обстоятельство при подготовке к проверке показаний на месте и не обеспечил участие психолога в следственном действии [3]. На наш взгляд, в данной ситуации его участие было необходимо для оказания содействия следователю в установлении психологического контакта с Г., в диагностировании поведенческих реакций подростка и, в конечном счете, в оценке результатов проведенного следственного действия.

Таким образом, для достижения положительного результата в ходе проверки показаний на месте несовершеннолетнего подозреваемого необходимо более тщательно подходить к изучению его личности. Данная информация позволяет определить целесообразность проведения следственного действия в каждой конкретной ситуации, правильно подобрать участ-

ников, умело применять тактические приемы, а также установить психологический контакт с подростком. В завершении отметим, что в рамках настоящей статьи рассмотрены не все структурные элементы криминалистической характеристики личности, а лишь те, которые наиболее показательно отражают ее значение для вышеуказанных целей.

Библиографические ссылки

1. Архив Советского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-50/2018.
2. Архив Советского районного суда г. Уфы. Уголовное дело 1-463/2013.
3. Архив Советского районного суда г. Уфы. Уголовное дело 1-144/2013.
4. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.
5. Бедность и развитие ребенка / под ред. Д.А. Александрова, В.А. Иванюшиной, К.А. Маслинского. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2015.
6. Варданян А.В. Процессуально-тактический потенциал проверки показаний на месте и особенности его реализации при расследовании насильственных преступлений, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 3-2. С. 3-9.
7. Григорьева М.Н. К проблеме взаимосвязи направленности личности и асоциального поведения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 10. С. 128-136.
8. Иванченко В.А. Социально-психологические особенности детей из неполных семей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10. № 2. С. 69-72.
9. Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007.
10. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2006.
11. Реан А.А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст // Национальный психологический журнал. 2015. № 4 (20). С. 105-110.
12. Шилова Т.А. Психологические особенности отклоняющегося поведения подростков // Системная психология и социология. 2012. № 5. С. 85-90.
13. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005.

References

1. Arhiv Sovetskogo rajonnogo suda g. Ufy. Ugolovnoe delo № 1-50/2018 (Archive of the Soviet District Court. Ufa. Criminal case No. 1-50 / 2018).
2. Arhiv Sovetskogo rajonnogo suda g. Ufy. Ugolovnoe delo 1-463/2013 (Archive of the Soviet District Court. Ufa. Criminal case No. 1-463/2013).
3. Arhiv Sovetskogo rajonnogo suda g. Ufy. Ugolovnoe delo 1-144/2013 (Archive of the Soviet District Court. Ufa. Criminal case No. 1-144/2013).
4. Ahmedshin R.L. Kriminalisticheskaya harakteristika lichnosti prestupnika (Forensic characteristics of the offender's personality). Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 2005.
5. Bednost' i razvitie rebenka (Poverty and child development), Pod red. D.A. Aleksandrova, V.A. Ivanyushinoy, K.A. Maslinskogo. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2015.
6. Vardanyan A.V. Processual'no-takticheskij potencial proverki pokazanij na meste i osobennosti ego realizacii pri rassledovanii nasil'stvennyh prestuplenij, sovershennyh licami, imeyushchimi psihicheskie rasstrojstva, ne isklyuchayushchie vmenyaemosti (Procedural and tactical potential of verification of testimony at the scene and features of its implementation in the investigation of violent crimes committed by persons with mental disorders that do not exclude sanity). *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2017, No. 3-2, pp. 3-9.
7. Grigor'eva M.N. K probleme vzaimosvyazi napravlenosti lichnosti i asocial'nogo povedeniya (On the problem of interrelation of personality orientation and antisocial behavior). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, No. 10, pp. 128-136.

8. Ivanchenko V.A. Social'no-psihologicheskie osobennosti detej iz nepolnyh semej (Socio-psychological characteristics of children from single-parent families). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 2010, T. 10, No. 2, pp. 69-72.
9. Makarenko I.A. Kriminalisticheskoe uchenie o lichnosti nesovershennoletnego obvinyaemogo (Forensic teaching on the identity of a minor accused), avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. Saratov, 2007.
10. Makarenko I.A. Lichnost' nesovershennoletnego obvinyaemogo kak ob"ekt kriminalisticheskogo issledovaniya (The identity of a minor accused as an object of forensic research). Moscow, Izdatel'stvo «Yurlitinform», 2006.
11. Rean A.A. Faktory riska deviantnogo povedeniya: semejnyj kontekst (Risk factors for deviant behavior: family context). *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2015, No. 4 (20), pp. 105-110.
12. Shilova T.A. Psihologicheskie osobennosti otklonyayushchegosya povedeniya podrostkov (Psychological characteristics of deviant behavior of adolescents). *Sistemnaya psihologiya i sociologiya*, 2012, No. 5, pp. 85-90.
13. Kriminalistika (Forensics), uchebnik, Otv. red. N.P. Yablokov. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow, Yurist", 2005.

Дата поступления: 23.10.2019

Received: 23.10.2019

УДК 343.98

**СЛЕДЫ КАК ИСТОЧНИКИ
ИНФОРМАЦИИ О ЛИЦЕ,
СОВЕРШИВШЕМ МОШЕННИЧЕСТВО
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

**TRACES AS SOURCES
OF INFORMATION ABOUT A PERSON
WHO COMMITTED A FRAUD
ON THE INTERNET**

МАЛЫХИНА Наталья Ивановна

*доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Россия.
E-mail: nim1707@yandex.ru*

MALYKHINA Natalya Ivanovna

*Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Forensics of the Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.
E-mail: nim1707@yandex.ru*

КУЗЬМИНА Светлана Васильевна

*магистр Института магистратуры и аспирантуры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Россия.
E-mail: kuz44ina.svet@yandex.ru*

KUZMINA Svetlana Vasilyevna

*Master's Student of the Institute of Postgraduate Training of the Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.
E-mail: kuz44ina.svet@yandex.ru*

Развитие информационных технологий способствует увеличению преступных посягательств, совершенных с помощью сети Интернет. Интернет-мошенничество как относительно новое явление отличается высокой степенью латентности, что обуславливает сложности в установлении лица, совершившего преступление. Основными источниками криминалистически значимой информации о преступнике по таким преступлениям являются следы. Своевременное выявление и все-

The development of information technologies contributes to an increase in criminal assaults committed using the Internet. Internet fraud as a relatively new phenomenon has a high degree of latency, which makes it difficult to identify the person who committed the crime. The main sources of forensic information about the offender for such crimes are traces. Timely identification and comprehensive investigation of them helps to increase the effectiveness of the investigation and disclosure of

сторонне их исследование способствует повышению эффективности деятельности по расследованию и раскрытию мошенничеств в сети Интернет. Однако успешная реализация данного направления определяется необходимостью решения дискуссионных вопросов о понимании разновидностей следов и их сущностного содержания. В статье проанализированы отдельные проблемы толкования понятий материальных, идеальных и виртуальных следов в криминалистике. Раскрыто их информационное значение с позиции определения свойств и состояний лица, совершившего мошенничество в сети Интернет.

Ключевые слова: интернет-мошенничество, материальные следы, идеальные следы, виртуальные следы, лицо, совершившее преступление, криминалистически значимая информация.

fraud on the Internet. However, the successful implementation of this direction is determined by the need to address the debatable issues of understanding the varieties of traces and their essential content. The article analyzes individual problems of interpretation of the concepts of material, ideal and virtual traces in forensics. Informational significance is disclosed from the position of determining the properties and conditions of the person who committed fraud on the Internet.

Key words: Internet fraud, material traces, ideal traces, virtual traces, crime committer, forensic information.

Следы как результат отражения преступного события в окружающей действительности являются основными источниками криминалистически значимой информации о свойствах и состояниях лица, совершившего преступление, объектах, оставивших след, механизме следообразования и обстоятельствах, непосредственно связанных с преступным посягательством.

Несмотря на важную практическую значимость изучения следов в криминалистической науке остаются недостаточно разработанными вопросы понимания термина «след» и видов следов, толкования понятий материальных и идеальных следов, определения содержания и места виртуальных следов в системе криминалистического учения о механизмах следообразования. Кроме того, в криминалистике на сегодняшний день недостаточно изучены следы, сохраняющиеся в памяти телекоммуникационных систем при совершении киберпреступлений, в частности мошенничества в сети Интернет.

В связи с изложенным одной из задач криминалистической науки на современном этапе ее развития является дальнейшее переосмысление положений криминалистического учения о механизмах следообразования, совершенствование его понятийного аппарата, определение сущности и информационного значения материальных, идеальных и виртуальных следов.

Понятие «след» в криминалистике употребляется в узком и широком смысле. В узком смысле понятие «след» ограничивается материальными следами-отображениями. Например, Б.И. Шевченко определял следы как отображения на материальных предметах, связанные с преступным событием [13, с. 13]. В широком смысле термин «след» определяется как любые изменения окружающей среды, возникшие в результате совершения преступления [4, с. 57]. При этом подавляющее большинство ученых-криминалистов под следами в широком смысле понимают материальные изменения обстановки, связанные с совершением преступления (материальные следы), и идеальные отображения преступного события в сознании людей (идеальные следы).

Подобное представление о понимании следов требует определенных уточнений. Принимая во внимание многообразие следов, возникающих в связи с совершением преступления, считаем возможным выделить в качестве самостоятельных видов, как материальные и идеальные, так и виртуальные следы. По нашему мнению, понятие «след» в широком смысле следует трактовать как любые изменения окружающей действительности, вызванные совер-

шением преступления, учитывая, что указанные изменения могут проявляться в вещной обстановке, телекоммуникационных системах, а также отображаться в сознании людей.

Несмотря на то, что материальные и идеальные следы являются в определенной степени изученными и признаются большинством ученых-криминалистов, однозначных определений понятий данных видов следов в науке не разработано.

Так, материальными следами в большинстве случаев определяются возникшие в связи с совершением преступления любые материальные изменения. Видами данных следов, как правило, выделяют следы-отображения, следы-вещества и следы-предметы. При этом во многих трудах формулировка определений понятий материальных следов ограничивается представлениями о данных следах, как о следах-отображениях. Существуют и иные дискуссионные вопросы о понимании материальных следов. Например, ряд ученых к числу материальных относит также следы, образованные в памяти различных технических устройств [10, с. 239; 11], в том числе некоторые ученые допускают их наименование как материальные невидимые следы [6, с. 84].

Толкование понятий идеальных следов в криминалистике также неоднозначно. Большинство авторов под этими следами понимают мысленный образ события преступления, запечатленного в памяти только потерпевших и свидетелей. В силу того, что информация о преступном событии отражается не только в памяти свидетелей и потерпевших, но и в сознании лиц, совершивших преступление, считаем необходимым пересмотреть традиционный взгляд на понимание идеальных следов. В этой связи заслуживает внимания определение понятия идеальных следов, сформулированное О.Я. Баевым, согласно которому такими следами являются отпечатки события в сознании, памяти людей, совершивших преступление, и (или) к нему прикосновенных, потерпевших от преступления, очевидцев, других свидетелей [3, с. 57].

Виртуальные следы в свою очередь являются достаточно новым термином в криминалистике и вызывают дискуссию относительно их наименования, определения и возможности выделения в самостоятельную разновидность следов.

Помимо термина «виртуальный след» в криминалистической литературе некоторые авторы предлагают использовать и такие, как «бинарный след» [9, с. 18], «компьютерно-технический след» [7, с. 11], «информационный след» [12, с. 12] и др. Однако следует отметить, что использование термина «виртуальный след» применительно к данному виду следов уже получило широкое распространение в научном обороте и нашло отражение в значительном числе работ по криминалистике, что позволяет говорить о признании данного термина большинством ученых.

Так, В.А. Мещеряков, выделяя виртуальные следы как самостоятельный вид, понимает под ними «любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации» [8, с. 76]. Учитывая специфику механизма образования виртуальных следов, обоснованно отмеченную в работе В.Ю. Агибалова [1, с. 45], полагаем необходимым выделить виртуальных следов в качестве самостоятельного вида наряду с материальными и идеальными следами.

Традиционные материальные и идеальные следы, а также недостаточно изученные криминалистикой виртуальные следы составляют следовую картину такого преступления как мошенничество в сети Интернет.

Значение указанных следов, прежде всего, заключается в возможности получения информации о биологических, социальных, психических свойствах и состояниях лица, совершившего преступление.

При расследовании мошенничеств в сети Интернет для установления качества преступника, в первую очередь, следует обратить внимание на выявление и исследование виртуальных следов.

Виртуальные следы мошенничества в сети Интернет различаются в зависимости от способа и средств совершения преступления. К виртуальным следам мошенничества посредством деятельности интернет-магазина могут относиться *skrinshots* страниц в сети Интернет, сведения о доменном имени и следы регистрации домена при создании сайта интернет-магазина, следы взаимодействия с провайдером хостинга, следы настройки сервера, поддерживающего домен интернет-магазина мошенника, следы рекламирования интернет-магазина, указанные на сайте интернет-магазина мошенника либо предоставленные потерпевшему иным образом реквизиты банковского счета, следы ввода и вывода денежных средств, информация о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами [5, с. 209]. При интернет-мошенничестве с использованием социальных сетей образуются виртуальные следы в виде данных аккаунта пользователя в социальных сетях, переписки с потерпевшими в социальных сетях и серверах. Мошенничество, связанное с распространением вирусных программ, оставляет следующие виртуальные следы: коды вредоносных программ, программные средства управления вредоносной программой, отчеты и статистика антивирусного программного обеспечения. Указанные следы могут быть обнаружены на серверах и сайтах в сети Интернет, компьютерных и мобильных устройствах потерпевшего и лица, совершившего преступление.

При совершении мошенничества посредством социальных сетей определенная информация о свойствах и состояниях лица, совершившего преступление, может указываться в профиле лица при регистрации в социальной сети. Кроме того, аккаунт в социальной сети содержит сохраненные пользователем фотографии, видеозаписи, часто посещаемые пользователем страницы и группы, позволяющие предположительно судить о психических состояниях и некоторых социальных свойствах и состояниях лица.

Так, профиль в сети может содержать информацию о социальных свойствах (фамилия, имя, дата и место рождения, образование, профессия), социальных состояниях (семейное положение, место проживания, должностное положение, принадлежность к определенным социальным группам), психических состояниях (интересы, увлечения, жизненная позиция) лица, совершившего преступление, а также его контактные данные. Однако следует отметить, что данная информация, указанная в социальной сети, не всегда является достоверной и может быть существенно искажена самим преступником в целях сокрытия преступления и личности виновного лица. В связи с этим сведения о свойствах и состояниях лица, совершившего преступление, полученные посредством изучения анкетных данных в социальных сетях, носят ориентирующий характер для расследования и должны подвергаться проверке.

Важным источником информации о социальных свойствах лица, совершившего преступление, являются номер банковской карты либо счета, указанные на сайте мошеннического интернет-магазина либо иным образом предоставленные потерпевшему для перечисления денежных средств, а также следы ввода и вывода денежных средств, хранящиеся на серверах онлайн-банков потерпевшего. Так, по номеру банковской карты (счета), на которую путем обмана были перечислены денежные средства возможно получить информацию об имени, отчестве и первой букве фамилии владельца карты; иные персональные данные владельца карты (счета) предоставляются банком по запросу правоохранительных органов.

Совершение мошенничества способами с использованием интернет-магазина оставляет виртуальные следы, связанные с регистрацией доменного имени сайта интернет-магазина. Доменное имя, отображенное на сайте интернет-магазина, является источником информации о социальных свойствах администратора (владельца) домена. Посредством использования функционала ряда интернет-сервисов (например, сервис «Whois») по доменному имени возможно установить фамилию, имя, отчество лица, зарегистрировавшего домен; сведения о дате рождения, месте жительства и документе, удостоверяющем личность владельца домена, предоставляются на основании запроса правоохранительных органов, адресованного регистратору домена.

Виртуальные следы мошенничества в сети Интернет также служат источником информации о познаниях и умениях, профессиональных навыках лица, совершившего преступление в области информационных технологий, уровнем которых, как правило, обусловлен выбор способа мошенничества в сети Интернет.

Перспективным направлением в установлении свойств и состояний лица, совершившего преступление по виртуальным следам, является исследование компьютерного клавиатурного почерка человека. На сегодняшний день в данном направлении проведено несколько научных исследований и разработан ряд компьютерных программ, позволяющих установить состояние пользователя (алкогольное или наркотическое опьянение, утомленность, страх, стресс), а также психические особенности личности [2, с. 127].

Важное значение при расследовании мошенничеств в сети Интернет имеет исследование и идеальных следов, которые могут содержать сведения о признаках свойств и состояний лица, совершившего преступление, времени, способе совершения преступления, иных обстоятельствах, запечатленных в памяти потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых.

Особенностью идеальных следов в данном случае является практическая невозможность потерпевшего запечатлеть в памяти внешний облик мошенника в связи с дистанционным характером совершения преступления. Однако сведения о внешности и индивидуальных характеристиках лиц, причастных к совершению преступления (соучастниках), могут быть получены из показаний, например, обвиняемых, в памяти которых также отражаются обстоятельства преступного события.

При совершении мошенничества в сети Интернет преступник может вступать в контакт с потерпевшим посредством социальных сетей либо телефонных переговоров. Поэтому идеальные следы как источник информации о свойствах и состояниях лица, совершившего преступление, могут содержать сведения о некоторых социальных свойствах лица: поле, примерном возрасте, фамилии, имени, отчестве преступника, а также некоторых психических свойствах и состояниях: темпераменте, эмоциональном состоянии.

В некоторых случаях при расследовании рассматриваемого вида преступлений могут быть обнаружены материальные следы: следы-отображения (следы рук, кожных покровов человека на составных частях компьютерных устройств, предметах обстановки, следы обуви и босых ног); следы-вещества (следы биологического происхождения); следы-предметы (компьютерные устройства и технические средства, документы, рукописные и машинописные записи конфиденциальных сведений, данные банковских карт потенциальных жертв, шаблоны для изготовления банковских карт, свидетельствующие о подготовке и совершении преступления).

Так, по следам рук (размерам отпечатка, отображению папиллярных линий), босых ног и обуви возможно установить пол, возраст (социальные свойства), примерный рост, физические особенности, сведения о заболеваниях (биологические свойства) лица, предположительно совершившего преступление. Следы кожных покровов человека, губ, ушных раковин также содержат информацию о биологических особенностях лица, оставившего след. Исследование слюны и волос позволяет определить группу крови лица по системе АВО, а также выявить наличие некоторых заболеваний и др.

Документы как следы-предметы при исследовании позволяют установить такие социальные свойства лица как уровень образования, уровень владения стилем письменной речи, род занятий, а также психофизиологическое состояние, наличие психических расстройств лица, составившего текст документа.

Помимо установления информации о лице, совершившем преступление, исследование материальных, идеальных и виртуальных следов позволяет определить способ преступления, время и место его совершения, получить представление об орудиях и средствах совершения преступления. Так, при совершении мошенничества в сети Интернет посредством неправо-

мерного доступа к социальным сетям в системе безопасности аккаунта пользователя остаются виртуальные следы, позволяющие установить устройство (компьютер либо мобильный телефон с указанием марки и модели), с помощью которого осуществлен неправомерный доступ, время совершения неправомерного доступа, а также место нахождения используемого устройства (IP-адрес, страна, город).

Резюмируя изложенное, полагаем возможным сделать следующие выводы:

- отсутствие в криминалистической науке общепризнанного определения термина «след» и единообразия в толковании видов следов вызывает необходимость дальнейшего изучения указанных вопросов, в первую очередь, в рамках криминалистического учения о механизмах слеодообразования;

- развитие и широкое распространение информационных технологий, а также их применение в преступной деятельности послужило основанием выделения виртуальных следов в качестве самостоятельного вида, отличающегося от материальных и идеальных следов спецификой механизма образования;

- материальные, идеальные и виртуальные следы являются важными источниками сведений о биологических, социальных, психических свойствах и состояниях лица, совершившего преступление, способе, времени, месте, орудиях и средствах совершения преступления, иных криминалистически значимых обстоятельствах, что обуславливает высокое информационное значение указанных следов при раскрытии и расследовании преступлений;

- при расследовании такого преступления как мошенничество в сети Интернет подлежат обнаружению и исследованию все указанные разновидности следов; на первоначальном этапе расследования интернет-мошенничества особой практической значимостью для целей расследования обладают виртуальные и идеальные следы в силу специфики указанного преступления.

Использование различных способов выявления материальных, идеальных и виртуальных следов, всестороннее исследование данных следов способствует повышению эффективности деятельности по расследованию и раскрытию мошенничеств в сети Интернет, а также прогнозированию последующего поведения и поиску лица, совершившего преступление.

Библиографические ссылки

1. Агибалов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе : монография. М. : Юрлитинформ, 2012.
2. Алесковский С.Ю., Аубакиров А.Ф. Нетрадиционная криминалистика : учеб. пособие. Алматы : АЮ-ВШП «Адилет», 2003.
3. Баев О.Я. Основы криминалистики : курс лекций. М. : Эксмо, 2009.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т 2. Частные криминалистические теории. М. : Юристъ, 1997.
5. Введенская О.Ю. Особенности слеодообразования при совершении преступлений посредством сети Интернет // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. №4 (34). С. 209-216.
6. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки : монография. Волгоград : ВА МВД России, 2008.
7. Лыткин Н.Н. Использование компьютерно-технических следов в расследовании преступлений против собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
8. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001.
9. Милашев В.А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

10. Россинская Е.Р. Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем как важнейший элемент криминалистического обеспечения расследования преступлений // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. В 2-х ч. Ч. 2. М. : Академия управления МВД России, 2015. С. 235-241.
11. Черкасов В.Н. Еще раз о терминах // Информационная безопасность регионов. 2008. № 2 (3). С. 70-72.
12. Шаповалова Г.М. Возможность использования информационных следов в криминалистике (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005.
13. Шевченко Б.И. Научные основы современной трасеологии // Осмотр места кражи, совершенной с применением технических средств : сб. науч. тр. М. : ЛексЭст, 2004.

References

1. Agibalov V.Yu. Virtual'nyye sledy v kriminalistike i ugovnom protsesse (Virtual traces in forensics and criminal procedure), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2012.
2. Aleskovskiy S.Yu., Aubakirov A.F. Netraditsionnaya kriminalistika (Unconventional forensics), ucheb. posobiye, Almaty, AYU-VSHP «Adilet», 2003.
3. Bayev O.Ya. Osnovy kriminalistiki (The basics of forensics), kurs lektsiy, Moscow, Eksmo, 2009.
4. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki (Forensics course), V 3 t., T 2, Chastnyye kriminalisticheskiye teorii, Moscow, Yurist", 1997.
5. Vvedenskaya O.Yu. Osobennosti sledoobrazovaniya pri sovershenii prestupleniy posredstvom seti Internet (Features of tracing when committing crimes on the Internet), *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2015, No. 4 (34), pp. 209-216.
6. Vekhov V.B. Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya ob issledovanii i ispol'zovanii komp'yuternoy informatsii i sredstv yeye obrabotki (Fundamentals of the forensic doctrine of the study and use of computer information and its processing tools), monografiya. Volgograd, VA MVD Rossii, 2008.
7. Lytkin N.N. Ispol'zovaniye komp'yuterno-tekhnicheskikh sledov v rassledovanii prestupleniy protiv sobstvennosti (The use of computer-technical traces in the investigation of crimes against property), avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk, Moscow, 2007.
8. Meshcheryakov V.A. Prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii: pravovoy i kriminalisticheskiy analiz (Crimes in the field of computer information: legal forensic analysis), Voronezh, Voronezhskiy gos. un-t, 2001.
9. Milashev V.A. Problemy taktiki poiska, fiksatsii i iz'yatiya sledov pri nepravomernom dostupe k komp'yuternoy informatsii v setyakh EVM (Problems of tactics of search, fixation and removal of traces with unauthorized access to computer information in computer networks), avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk, Moscow, 2004.
10. Rossinskaya Ye.R. Kriminalisticheskoye issledovaniye komp'yuternykh sredstv i sistem kak vazhneyshiy element kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya prestupleniy (A forensic study of computer tools and systems as the most important element of forensic support for crime investigation), *Organizatsiya deyatelnosti organov rassledovaniya prestupleniy: upravlencheskiye, pravovyye i kriminalisticheskiye aspekty (k 60-letiyu kafedry upravleniya organami rassledovaniya prestupleniy)*, sb. mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., V 2-kh ch., CH. 2., Moscow, Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2015, pp. 235-241.
11. Cherkasov V.N. Yeshche raz o terminakh (Once more about the terms), *Informatsionnaya bezopasnost' regionov*, 2008, № 2 (3), pp. 70-72.

12. Shapovalova G.M. *Vozmozhnost' ispol'zovaniya informatsionnykh sledov v kriminalistike (voprosy teorii i praktiki)* (The possibility of using information traces in criminal statistics (theory and practice), dis. ... kand. jurid. nauk, Vladivostok, 2005.

13. Shevchenko B.I. *Nauchnyye osnovy sovremennoy traseologii* (Scientific basis of modern traseology), *Osmotr mesta krazhi, sovershennoy s primeneniyem tekhnicheskikh sredstv*, sb. nauch. tr., Moscow, LeksEst, 2004.

Дата поступления: 10.10.2019

Received: 10.10.2019

УДК 340.6

**ТИПОЛОГИЯ ЛИЦ, СКЛОННЫХ
К ПОДЖОГАМ И ХУЛИГАНСТВУ
ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ УЛИЧНЫХ
ПРОТЕСТОВ**

**THE TYPOLOGY OF INDIVIDUALS
INCLINED TO ARSON ATTACKS AND
HOOLIGANISM DURING STREET
PROTESTS**

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: mail@tretyakov.su

TRETYAKOV Ivan Lvovich

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia. E-mail: mail@tretyakov.su

Научный интерес к социально-психологической и криминологической природе массовых протестных выступлений весьма значителен. Социальные медиа наполнены сообщениями о многотысячных акциях протеста (митингах, шествиях, маршах, демонстрациях, флешмобах и т.д.) в крупнейших городах мира. Однако, даже беглого взгляда на происходящие события достаточно, чтобы убедиться – далеко не все участники протестных мероприятий нацелены на диалог с властью, на мирное, конструктивное обсуждение насущных вопросов. В статье, на основании анализа российских и зарубежных источников, подробно описаны личностные особенности граждан, представляющих наибольшую общественную опасность во время уличных манифестаций, в связи с их агрессивностью и нетерпимостью. Деструктивная активность подобных субъектов проявляется в виде насилия, хулиганства, уничтожения чужого имущества, вандализма. Предпринята попытка типологизировать представителей различных групп протестующих в

Socio-psychological and criminological nature of mass protests is of very significant scientific interest. Social media sources are full of news featuring protests with thousands of participants (rallies, processions, marches, demonstrations, flashmobs, etc.) in the world's biggest cities. However, even a quick look at the events is enough to realize that not all the participants of protests aim at a dialogue with authorities, at unaggressive, constructive discussion of urgent issues. Based on the analysis of Russian and foreign sources, the article details personal characteristics of citizens representing the greatest public danger during street demonstrations in connection with their aggressiveness and intolerance. Destructive activity of such individuals includes violence, hooliganism, other people's property destruction, vandalism. The author attempts to typologize representatives of various groups of protesters, depending on the severity of their negative and positive individual personal attitudes, moral qualities

зависимости от выраженности их негативных и позитивных индивидуально-личностных установок, моральных качеств, побуждений, а также с учетом антиобщественной направленности, характера совершенных ими противозаконных деяний.

Ключевые слова: протесты, протестное поведение, личность протестующих, типология, социальные сети, массовые беспорядки, уничтожение имущества, хулиганство, вандализм, несовершеннолетние, психические нарушения.

and motives. In addition to this, the author takes into account the antisocial orientation, the nature of their illegal acts.

Key words: protests, protest behavior, personality of protesters, typology, social networks, mass disorders, property destruction, hooliganism, vandalism, minors, mental disorders.

Протестные поведенческие реакции на индивидуальном и коллективном уровне достаточно подробно изучены и описаны психологами и криминологами. Как правило, такое поведение обусловлено периодом взросления у детей и подростков, внутриличностными конфликтами в более старшем, зрелом возрасте и (или) неприятием происходящих процессов, несогласием с окружающими, стремлением бороться с социальной несправедливостью, а также желанием вызвать общественный резонанс. Недовольство чем-либо, объективно или субъективно обусловленное, является типичным состоянием человека, которое в большинстве случаев стимулирует его критическое мышление, мотивирует на поиск новых способов оптимизации межличностных и общественных отношений. Действия «несогласных» могут быть ограничены рамками правового поля или выходить за его пределы, вступая в противоречие с законом.

Различные проявления несогласия с существующим порядком вещей кумулируются и распространяются в социальных сетях. Потоки негативного контента настолько обильны, что неискушенным в психологии и политике обывателям нелегко отличать правду от лжи, заподозрить откровенный «фейк», разглядеть манипулятора, экстремиста [7; 16, pp. 1094-1118; 17, pp.1-26]. В информационном обществе XXI века качественно «преобразуется» менталитет людей. Ученые вынуждены констатировать, что сегодня значительное число представителей ювенальных слоев населения предпочитают жить в искусственном мире, максимально дистанцировав себя от реальности. Некоторые исследователи выражаются более жестко и, по их мнению «цифровая евангелизация» привела к «интеллектуальному опустошению», деградации целых поколений, кроме того, именно такими людьми стало проще манипулировать [6, с. 37-46; 9, с. 34-46; 14, с. 11-19]. Все чаще и настойчивее исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что современные СМИ и Интернет-пространство отрицательно влияют на психическое и общее здоровье каждого человека и всего общества [4; 13; 15].

И так, деструктивные акторы, заинтересованные в решении тех или иных проблем (путем формирования протестных настроений) доводят до целевой аудитории негативный контент, который вызывает эмоциональный отклик у пользователей социальных сетей. Условно говоря, контент способен оказать нужный эффект лишь в том случае, если он будет максимально оптимизирован и социализирован, т.е. приспособлен под поисковые запросы наиболее восприимчивой, мобильной части населения – молодежи. Организаторы протестов ясно представляют себе «портрет» адресата, разделяющего их взгляды, формы самовыражения и противодействия власти, а также способного вывести на улицу своих друзей, знакомых и т.д. [8; 11, с. 86-94]. Важно подчеркнуть, что декларируемые протестующими цели и задачи могут быть всего лишь «ширмой», скрывающей истинные намерения организаторов массовых волнений и оппозиционных настроений. При этом можно с уверенностью констатировать, что

участники протестных акций крайне редко сообщают о готовности в любой момент перейти к насилию (исключение составляют заявления крайне радикальных элементов).

В контексте сказанного уместно обратиться к опыту, так называемых, «цветных революций», которые начинались под мирными лозунгами, а заканчивались поджогами, погромами, расправами с оппонентами, свержением законных правительств. Уже на самых ранних этапах своей деятельности митингующие провоцировали силовиков к более или менее решительным действиям, что в дальнейшем позволяло «революционерам» объявлять себя жертвами тоталитаризма и врагов демократии, требовать помощи ООН, Государственного Департамента США, Евросоюза [1, с. 116-132; 10, с. 99-102; 12, с. 98-103]. В этом плане весьма показательны события в Сербии (2000 г.), в странах Ближнего Востока и Северной Африки («Арабская весна» – 2010-2013 гг.), в Киргизии (2005, 2010, 2019 гг.), на Украине (2004-2005 гг., 2013-2014 гг.), в других бывших республиках СССР.

Тщательно спланированные «заокеанскими партнерами», обеспеченные мощным информационным сопровождением либеральных СМИ протесты в России 2011-2013 гг. вошли в новейшую историю как «революция ожиданий» или «снежная революция». Антиправительственные выступления сопровождались довольно интенсивными и жесткими столкновениями демонстрантов с силовиками. Состав участников акций едва ли поддается четкой систематизации из-за своей неоднородности. Митингующие требовали отмены результатов выборов и отставки президента, спустя короткое время (в течение первого месяца) в социальных сетях появились призывы к массовым беспорядкам, к акциям неповиновения, к насилию в отношении представителей власти. Помимо стычек с ОМОНОм и указанных призывов, ряд протестующих совершали действия хулиганского характера, при этом поджогов, вандализма зафиксировано не было.

Заслуживают внимания и события несколько иного рода – масштабные протесты американцев. Так, осенью 2011 г. заявило о себе движение «Захвати Уолл-стрит». По данным правоохранительных органов США, в течение года «протестующими» было совершено несколько сот преступлений: убийств, изнасилований, хулиганских действий, краж, грабежей, разбоев, поджогов, актов вандализма [3; 5].

Не вызывает сомнений, что наиболее «брутальные» акции протеста всегда привлекали и продолжают привлекать к себе людей с уголовным прошлым, дезадаптированных, с психическими нарушениями, которым «нравится» атмосфера анархии, насилия, противоборства, причем, они как бы мстят государству, «становясь над законом». В тоже время следует признать, что определенное число криминогенных, а также криминальных личностей «вливаются» в протестное движение совершенно искренне, разделяя выдвинутые демонстрантами требования о восстановлении социальной справедливости, однако, они реагируют на ситуацию в соответствии со своими жизненными, устоявшимися стереотипами, зачастую девиантными и противоправными [2].

Ограниченный объем статьи не позволяет более детально рассмотреть массовые «антиполицейские» выступления афроамериканцев, протесты в Греции, Чили, Каталонии, Франции, акции антиглобалистов, антиэмигрантские демонстрации ультраправых в Германии (PEGIDA). Тем не менее, краткий обзор участников «мирового протестного движения», склонных к агрессии и насилию при проведении уличных акций, а также материалы 53-х уголовных дел, возбужденных по ч. 2, ч. 3 ст. 212 УК РФ, ч. 1 ст. 213 УК РФ, ч. 1 ст. 318 УК РФ правоохранителями г. Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Екатеринбурга (в период с мая 2012 по август 2019 гг.) позволили нам предпринять попытку создания типологии столь специфической категории граждан.

Первый тип – «универсально-криминогенный». Его представители обладают чрезвычайно выраженной предрасположенностью к различным проявлениям криминальной активности и агрессии (в широком диапазоне). Данный тип образуют субъекты, имеющие «смут-

ное» представление о правовой культуре, недостаточно образованные, эмоционально-лабильные, с выраженными дефектами воспитания, интеллектуального развития, зависимые от психоактивных веществ. В условиях девиантного окружения, нарастающей групповой агрессии, постоянной суггестии и т.д. степень сплоченности асоциальных, антисоциальных и психоаномальных индивидов может быть очень высокой, тем более, что осознание индивидуальной ответственности у таких субъектов «размывается», а иллюзия вседозволенности приобретает вполне осязаемые черты. Степень общественной опасности достаточно высока. Общая направленность личности негативная.

Второй тип – «насильственный» (исключительно криминальный). Представители данного типа ранее неоднократно привлекались к уголовной и административной ответственности. Это могут быть как «одиночки», так и члены преступных групп, уличных банд, радикальных течений. Данный тип составляют абсолютно опасные, особо опасные и опасные субъекты. Направленность личности также негативная, но «негативизм» более выражен.

Третий тип – «игровой». Данный тип объединяет значительное число граждан, он сформировался за счет индивидов, воспринимающих протесты как «геймификацию», возможность пережить острые ощущения, набрать «лайки» в социальных сетях. Это, в первую очередь – студенческая молодежь, «белые воротнички», несовершеннолетние. Среди представителей данного типа наиболее часто встречаются ситуативные, импульсивные, неустойчивые субъекты.

Одним из подвидов третьего типа является особая категория, так называемых, «романтиков» («мечтателей-утопистов»), заранее программирующих себя на роль героев или жертв. В основной своей массе это – паранойяльные, истероидные, инфантильные (т.е. акцентуированные или психопатизированные) субъекты. Уверовав в свою особую миссию, высокое предназначение, они пытаются привлечь к себе внимание зарубежных СМИ, лидеров оппозиции.

По сравнению с представителями двух вышеописанных типов они обладают наименьшей общественной опасностью. Направленность их интересов как негативная, так и позитивная.

Четвертый тип – «профессиональный». В его рамках выделяются два подтипа: 1) «корыстный», это опытные, тщательно подготовленные полит-технологи, а фактически – «наемники»; направленность их интересов негативная; 2) «идеологический» подтип образуют «штатные» оппозиционеры, поступки которых продиктованы стойкими внутренними убеждениями, но могут иметь место и меркантильные соображения; направленность личностных устремлений как негативная, так и позитивная.

Данный тип составляют особо опасные, опасные и представляющие незначительную опасность субъекты (в данном случае мы говорим о совершении поджогов, хулиганстве, вандализме и т.д.).

Пятый тип – «смешанный». Целесообразность выделения «смешанного» типа обусловлена тем, что среди криминогенных и криминальных личностей, «профессиональных» участников протестного движения (как и у всех людей) имеет место полимотивация, но могут доминировать игровые, агрессивно-игровые, познавательные мотивы, кроме того, как показывает судебная практика, в рядах профессионалов не мало ранее судимых граждан.

Шестой тип – «психоаномальный». Данный тип может рассматриваться как изолированно, так и в рамках всех вышеописанных типов, соответственно и личностная направленность не поддается однозначной оценке. Степень опасности «психоаномалов» различна.

Седьмой тип – «случайный». Участники протестов совершают преступления по неосторожности, непредумышленно, в последующем они, как правило, отказываются от участия в подобных акциях, раскаиваются в содеянном. Личностная направленность – нейтральная (реже – умеренно-позитивная).

Подводя итог сказанному, отметим, что выделение, изучение и описание различных типов протестующих, склонных к поджогам, хулиганству и вандализму во время уличных

акций представляет практический интерес в плане организации противодействия массовым беспорядкам. Предикторами преступного поведения протестующих являются личностные факторы (прежде всего, сказывается высокая концентрация криминогенных и криминальных личностей, психоаномалов, недостаточно критичных граждан, безнадзорных несовершеннолетних), а также ситуативные, в том числе и искусственно созданные политтехнологами, провокаторами и т.д. Неблагоприятное сочетание личностных и ситуативных факторов приводит к групповой агрессии, повышению общественной опасности протестующих. Все представители рассмотренных нами типов полимотивированы, при этом у них преобладают насильственные, агрессивнo-игровые, игровые и корыстные побуждения. «Изначальная» моральная и психологическая готовность к противоправным действиям имеет место у подавляющей части рассмотренных нами индивидов, однако максимальной предрасположенностью обладают представители «универсально-криминогенного» и «насильственного» типа, минимальной – лица, отнесенные к «случайному» типу.

Библиографические ссылки

1. Балтодано У.А., Пономарев Н.А., Майлис А.А. «Цветные революции» и национально-государственная идентичность // PolitBook. 2019. № 1. С. 116-132.
2. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление: Научное издание / В. Афанасьев [и др.]; отв. ред. Я.И. Гилинский. СПб. : Алетейя, 2000.
3. Дунаевский И. Массовые беспорядки: два человека – в тюрьму [Электронный ресурс]. URL.: <https://rg.ru/2019/08/02/krupnye-shtrafy-i-gody-tiurmy-kak-v-mire-nakazyvaiut-zapnesankcionirovannye-akcii.html> (дата обращения: 01.11.2019).
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. 2018. № 1 (17). С. 62-70.
5. Захвати Уолл-стрит [Электронный ресурс]. URL.: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 01.11.2019).
6. Карабанова О.А., Молчанов С.В. Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и подростков // Национальный психологический журнал. 2018. №3 (31). С. 37-46.
7. Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Киберсоциализация как рискогенный фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи в эпоху цифровых технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6 [Электронный ресурс]. URL: https://online-science.ru/m/productspunkt/number_6-2019 (дата обращения: 01.11.2019).
8. Ковров В.Ф., Хамитова Р.М. К вопросу о влиянии социальных сетей на поведение молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №1 [Электронный ресурс]. URL: https://online-science.ru/m/productspunkt/number_1-2019 (дата обращения 01 ноября 2019).
9. Колесников В.Н., Мельник Ю.И, Теплова Л.И. Интернет–активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. 2019. № 1 (33). С. 34–46.
10. Кузютин И. И. Предпосылки и возможность осуществления «цветных революций» в России // Достижения науки и образования. 2016. № 7 (8). С. 99-102.
11. Панченко И.М. Социальные сети как новая форма коммуникации: польза или опасность для общества? // Социология науки и технологий. 2018. № 2. С. 86-94.
12. Савино Дж., Новодержкин Н.А. Революция vs «Цветная революция» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 1. С. 98-103.
13. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. 1999. № 1. С. 26-27.

14. Сальников В.П., Захарцев С.И. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. 2015. № 8. С. 11-19.
15. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 1. С. 23-31.
16. D'Arienzo, M.C., Boursier, V. & Griffiths, M.D. Addiction to Social Media and Attachment Styles: A Systematic Literature Review (2019) *International Journal of Mental Health and Addiction*, August, Vol. 17, Issue 4, pp. 1094-1118 [Электронный ресурс]. URL.: <https://doi.org/10.1007/s11469-019-00082-5>.
- Harpviken A.N. Psychological. Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review (2019) *Adolescent Research Review*, № 1, pp. 1-26.

References

1. Baltodano U.A., Ponomarev N.A., Majlis A.A. «Cvetnye revolyucii» i nacional'no-gosudarstvennaya identichnost' ("Color Revolutions" and National-State Identity), *PolitBook*, 2019, No. 1, pp. 116-132.
2. Deviantnost' i sotsial'nyy kontrol' v Rossii (XIX–XX vv.): tendentsii i sotsiologicheskoye osmysleniye (Deviance and social control in Russia (XIX – XX centuries): trends and sociological understanding), *Nauchnoye izdaniye*, V. Afanas'yev [i dr.], otv. red. YA.I. Gilinskiy, St. Petersburg, Aleteyya, 2000.
3. Dunaevskij I. Massovye besporyadki: dva cheloveka – v tyur'mu (The riots: two people – to prison), URL.: <https://rg.ru/2019/08/02/krupnye-shtrafy-i-gody-tiurmy-kak-v-mire-nakazyvaiut-zanesankcionirovannye-akcii.html> (accessed date: 01.11.2019).
4. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Zashchita prav cheloveka v informatsionnom prostranstve (Protection of human rights in the information space), *Strategicheskiye priority*, 2018, No. 1(17), pp. 62-70.
5. Zahvati Uoll-strit (Capture Wall Street), URL: <https://ru.wikipedia.org> (accessed date: 01.11.2019).
6. Karabanova O.A., Molchanov S.V. Riski negativnogo vozdeystviya informacionnoj produkcii na psihicheskoe razvitiye i povedeniye detej i podrostkov (Risks of the negative impact of information products on the mental development and behavior of children and adolescents), *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*. 2018, No. 3 (31), pp. 37-46.
7. Kas'yanov V.V., Gafiatulina N.H., Samygin S.I. Kibersocializaciya kak riskogennyj faktor vliyaniya na social'noe zdorov'e rossijskoj molodezhi v epohu cifrovyyh tekhnologij (Cyber socialization as a risk-generating factor of influence on the social health of Russian youth in the era of digital technologies), *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, 2019, No. 6, URL: https://online-science.ru/m/productsunkt/number_6-2019 (accessed date: 01.11.2019).
8. Kovrov V.F., Hamitova R.M. K voprosu o vliyaniy social'nyh setej na povedeniye molodezhi (To the question of the influence of social networks on the behavior of youth), *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, 2019, No.1, URL: https://online-science.ru/m/productsunkt/number_1-2019 (accessed date 01.11.2019).
9. Kolesnikov V.N., Mel'nik Yu.I., Teplova L.I. Internet–aktivnost' i problemnoye ispol'zovanie interneta v yunosheskom vozraste (Internet activity and problematic use of the Internet in adolescence), *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2019, No. 1 (33), pp. 34–46.
10. Kuzyutin I. I. Predposylki i vozmozhnost' osushchestvleniya «cvetnyh revolyucij» v Rossii (Background and the possibility of implementing "color revolutions" in Russia), *Dostizheniya nauki i obrazovaniya*, 2016, No. 7 (8), pp. 99-102.
11. Panchenko I.M. Social'nye seti kak novaya forma kommunikacii: pol'za ili opasnost' dlya obshchestva? (Social networks as a new form of communication: benefit or danger for society?), *Sociologiya nauki i tekhnologij*, 2018, No. 2, pp. 86-94.
12. Savino Dzh., Novoderzhkin N.A. Revolyuciya vs «Cvetnaya revolyuciya» (Revolution vs “Color Revolution”), *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 2017, No. 1, pp. 98-103.

13. Sal'nikov V.P. Nezhimoye vtorzheniye. Negativnoye vozdeystviye informatsii na soznaniye che-loveka (Invisible invasion. The negative impact of information on human consciousness), *Zashchita i bezopasnost'*, 1999, No. 1, pp. 26-27.
14. Sal'nikov V.P., Zaharcev S.I. Informacionnoe prostranstvo kak novaya global'naya ugroza che-lovechestvu i ego pravam: filosofskij i pravovoj podhody (The information space as a new global threat to humanity and its rights: philosophical and legal approaches), *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki*, 2015, No. 8, pp. 11-19.
15. Khabibulin A.G., Abdrakhmanov A.I. MVD v informatsionnom pole narastayushchey glob-al'noy napryazhennosti (Ministry of Internal Affairs in the information field of increasing global ten-sion), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 1, pp. 23-31.
16. D'Arienzo, M.C., Boursier, V. & Griffiths, M.D. Addiction to Social Media and Attachment Styles: A Systematic Literature Review (2019) *International Journal of Mental Health and Ad-diction*, August, Vol. 17, Issue 4, pp. 1094–1118, [Elektronnyy resurs], URL: <https://doi.org/10.1007/s11469-019-00082-5>
17. Harpviken A.N. Psychological. Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Litera-ture Review (2019) *Adolescent Research Review*, Vo.1, pp. 1-26.

Дата поступления: 16.10.2019

Received: 16.10.2019

УДК 343.98

**СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ
И АЛГОРИТМ РАССЛЕДОВАНИЯ
НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СЕМЬЕ**

**INVESTIGATIVE SITUATIONS AND
PROCEDURE FOR INVESTIGATING
VIOLENT CRIMES IN FAMILY**

ХАЛИУЛЛИНА Айгуль Фаатовна

кандидат юридических наук, доцент кафед-ры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: aigul229@mail.ru

KHALIULLINA Aigul Faatovna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Profes-sor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: aigul229@mail.ru

В статье раскрыто содержание следственной ситуации. Предлагается своя классификация следственных ситуаций при расследовании насилия, совершаемого в семье, и предлагается алгоритм первоначальных действий, направленных на сбор доказательств в отношении субъектов противоправной деятельности.

The paper reveals the content of the investiga-tive situation. It proposes its own classifica-tion of investigative situations when investi-gating violence committed in family and it proposes an initial operating procedure aimed at collecting evidence against the subjects of illegal activity.

Ключевые слова: следственные ситуации, насилие, семья, преступление, алгоритм дей-ствий, первоначальный этап расследования.

Key words: investigative situations, violence, family, crime, operating procedures, initial stage of investigation.

Расследование насильственных преступлений, совершаемых в семье, проходит под воздействием различных обстоятельств и конкретных условий места, времени, поведения участников и их взаимосвязей, которые в совокупности образуют объективную обстановку, принятую в криминалистике, называть следственной ситуацией.

О следственной ситуации и ее значении в расследовании преступлений неоднократно упоминалось в трудах В.К. Гавло, Р.С. Белкина, Т.С. Волчецкой, Л.Я. Драпкина, Н.П. Яблокова и др.

Приведем некоторые существующие взгляды на понятие следственной ситуации. Т.С. Волчецкая рассматривает следственную ситуацию как «степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на любой определенный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю принять наиболее целесообразные по делу решения» [1, с. 93].

Иной точки зрения придерживался Р.С. Белкин, который считал, что следственная ситуация носит «внешний» характер по отношению к процессу расследования и представляет собой «совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, т.е. та обстановка, в которой протекает процесс доказывания» [2, с. 135]. Аналогичной позиции придерживается А.М. Кустов [3, с. 137], В.И. Шиканов [4, с. 157] и другие криминалисты.

Н.П. Яблоков под следственной ситуацией понимает – «положение, складывающееся в какой либо интересующий следователя момент его деятельности по расследованию преступления, характеризующее стратегическое, тактическое и организационное своеобразие оцениваемого следственного момента» [5, с. 62].

Изложенное позволяет сделать вывод, что следственная ситуация определяется как совокупность фактических данных об обстоятельствах преступления, а также об условиях и обстановке в которых протекает расследование, которая оказывает существенное влияние на алгоритм следственных действий и тактику их производства.

Анализ изученных уголовных дел по исследуемой теме, позволяет выделить несколько следственных ситуаций исходя из источника возникновения информации о совершенном преступлении и определить алгоритм следственных действий на первоначальном этапе расследования:

1. Информация о совершении насилия в семье, получена от потерпевшего (или его законного представителя).

Изучение уголовных дел показало, что потерпевшие неохотно обращаются в правоохранительные органы с заявлением о совершенном в отношении них насилии, поскольку зачастую на потерпевшего оказывают противодействие сам подозреваемый (обвиняемый), а также близкие родственники и сама домашняя обстановка.

В указанной ситуации необходимо:

- принять заявление от потерпевшего;
- опросить потерпевшего;
- провести осмотр места происшествия;
- если потерпевшая обращалась в медицинское учреждение, истребовать от туда соответствующую документацию;
- провести медицинское освидетельствование;
- опросить свидетелей и очевидцев;
- опросить подозреваемого.

2. Сообщение получено из медицинского учреждения.

В ходе домашнего насилия потерпевший может получить повреждения различной тяжести, что заставляет его обращаться за помощью в медицинские учреждения. В свою очередь, медицинское учреждение обязано сообщить, о поступившем пациенте, с травмами криминального характера в дежурную часть отдела полиции.

В указанной ситуации необходимо:

- опросить потерпевшего;
- опросить медицинский персонал по поводу пояснения больного о механизме образования полученных травм;

- изъять одежду потерпевшего;
- провести осмотр места происшествия;
- назначить судебно-медицинскую экспертизу тяжести вреда здоровью;
- задержать подозреваемого;
- получить объяснение от потерпевшего;
- провести освидетельствование подозреваемого;
- назначить экспертизы по изъятым в ходе осмотра места происшествия объектам.

3. Информация поступила из органов опеки и попечительства.

Большая ответственность ложиться на органы опеки и попечительства за профилактику насилия внутри семьи. В ходе рейдов, который проводят комиссии по делам несовершеннолетних с привлечением сотрудников ПДН, формируются материалы для подачи иска о лишении родительских прав.

В данной ситуации необходимо:

- опросить участников рейда;
- обследовать место жительства несовершеннолетнего;
- опросить несовершеннолетнего;
- опросить родственников, соседей, учителей или воспитателей детского сада;
- выяснить характеризующие данные родителей (характеристики с места работы, жительства, справки о судимости и т.п.).

4. Явка с повинной.

Такая ситуация зачастую характерна в тех случаях, когда жертва насилия причиняет смерть или тяжкий вред здоровью своему обидчику. В таких ситуациях необходимо:

- допросить заявителя, при этом необходимо выяснить обстоятельства произошедшего и предшествующие данному преступлению события;
- провести осмотр места происшествия;
- назначить и провести судебно-медицинскую экспертизу трупа;
- провести освидетельствование преступника;
- назначить экспертизы по объектам, обнаруженным на месте происшествия;
- допросить свидетелей и очевидцев события;

Таким образом, мы пришли к выводу, что эффективность раскрытия насильственных преступлений, совершаемых в семье, во многом зависит от сложившейся следственной ситуации, анализ которой позволит направить расследование в верное русло. Но предложенная классификация типичных ситуаций, возникающих на первоначальном этапе расследования не является исчерпывающей. Следственные ситуации могут быть классифицированы по различным основаниям и предложены различные алгоритмы расследования, что и будет нами сделано в последующих исследованиях.

Библиографические ссылки

1. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : монография / под ред. Н.П. Яблокова. М., 1997.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики. В 3-х томах. Т. 1. М. : Юристъ, 1997.
3. Кустов А.М. История становления и развития российской криминалистики. М., 2005.
4. Шиканов В.И. Разработка теории тактических операций – важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений (общие положения) : материалы научно-практической конференции. М., 1976. С.155-159.
5. Яблоков Н.П. Криминалистика в вопросах и ответах : учеб. пособие. М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2015.

References

1. Volchetskaya T.S. Kriminalisticheskaya situologiya (Criminalistic situation), monografiya, pod red. N.P. Yablokova, Moscow, 1997.
2. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: Obshchaya teoriya kriminalistiki (Forensics course: General theory of forensics), V 3-kh tomakh, T. 1, Moscow, Yurist", 1997.
3. Kustov A.M. Istoriya stanovleniya i razvitiya rossiyskoy kriminalistiki (The history of the formation and development of Russian forensics), Moscow, 2005.
4. Shikanov V.I. Razrabotka teorii takticheskikh operatsiy – vazhneysheye usloviye sovershenstvovaniya metodiki rassledovaniya prestupleniy (The development of the theory of tactical operations is the most important condition for improving the methods of investigating crimes), *Metodika rassledovaniya prestupleniy (obshchiye polozheniya)*, materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moscow, 1976, pp. 155-159.
5. Yablokov N.P. Kriminalistika v voprosakh i otvetakh (Forensics in questions and answers), ucheb. posobiye, Moscow, NORMA: INFRA-M, 2015.

Дата поступления: 12.12.2019

Received: 12.12.2019

**ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО.
НАЛОГОВОЕ ПРАВО**

УДК 347.73

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ
ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, УПЛАЧИВАЕМЫХ
В СЧЕТ ИСПОЛНЕНИЯ НАЛОГОВОЙ
ОБЯЗАННОСТИ**

АРУТЮНЯН Марина Самвеловна
*кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры финансового и экологического права
Института права ФГБОУ «Башкирский гос-
ударственный университет», г. Уфа. Россия.
E-mail: marina.arochka@mail.ru*

ХИСМАТУЛЛИН Оливер Юрьевич
*кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры финансового и экологического права
Института права ФГБОУ «Башкирский гос-
ударственный университет», г. Уфа. Россия.
E-mail: tekwin@mail.ru*

В статье рассматривается сущность и финансово-правовая природа денег, специфика экономического и правового режима наличных денег и безналичных денежных средств. Авторы проанализировали возможность распространения на деньги правового режима вещных прав (собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления). Установив юридическую безразличность принадлежности конкретным лицам (налогоплательщику, плательщику налога) денежных средств, уплачиваемых в счет исполнения обязанности по уплате налога, авторы пришли к выводу о том, что существующее определение не вполне корректно, в связи с чем, сформулировали вариант определения налога.

Ключевые слова: уплата налога, денежные средства, наличные деньги, исполнение обязанности по уплате налога.

**TO THE ISSUE OF THE LEGAL
NATURE OF THE MONEY PAID
IN FULFILMENT OF TAX
OBLIGATIONS**

ARUTYUNYAN Marina Samvelovna
*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: marina.arochka@mail.ru*

KHISMATULLIN Oliver Yurievich
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: tekwin@mail.ru

The paper reveals the essence and financial law nature of money, the specifics of the economic and legal regime of cash and non-cash funds. The authors analyze the possibility of extending the legal regime of property rights (property, economic management, operational management) to money. The authors establish legal indifference of belonging to concrete persons (taxpayer, payer of the tax) of the money paid in fulfillment of tax obligation, they conclude that the existing definition is not quite correct and therefore they formulate their variant of the definition of the tax.

Key words: tax payment, money, cash, fulfillment of tax obligation.

Легальное определение налога содержится в ст. 8 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ). В соответствии с данной нормой, налогом является целевой платеж в форме отчуждения денежных средств, которые принадлежат плательщику на праве собственности или на ином вещном праве. В таком контексте денежные средства рассматрива-

ются в качестве объекта гражданского правоотношения. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) безналичные денежные средства относит к имущественным правам, распространяя режим вещей на наличные деньги (ст. 128 ГК РФ).

Особенности правового режима денег являлись предметом множества исследований. Большинство ученых выделяют правовой и экономический аспект денег [4]. С правовой точки зрения деньги не рассматриваются в качестве единого объекта права, что и нашло отражение в действующей редакции ст. 128 ГК РФ, содержание которой различает наличные деньги (вещи) и безналичные денежные средства (имущественные права). Особая сущность безналичных денег обуславливает особый правовой режим их обращения, исключающий возможность обладания ими на вещном праве. В общем виде наличные и безналичные деньги составляют категорию «имущество».

Отметим, что, несмотря на содержание Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [1], пункт 3.2 которой содержал указание на необходимость законодательного закрепления общего правила о распространении на безналичные деньги и бездокументарные ценные бумаги правового режима вещей, кроме прямых законодательных исключений, современное законодательство не восприняло такой подход.

В связи с тем, что наличные деньги с правовой точки зрения, являются вещами, они могут находиться в собственности субъектов правоотношений, выступать самостоятельным предметом отдельного вида сделок и т.п. Это, в свою очередь, исключает возможность их вовлечения в обязательства по передаче во временное владение и пользование, в пользование. Кроме того, в отношении данного объекта, возможно применить не все способы защиты вещных прав, о чем в законе сделаны специальные оговорки.

В соответствии со сложившимся в теории гражданского права подходом, в связи с тем, что стоимостная (ценностная) характеристика денег заключается в платежной возможности определенного объема, отражающегося в номинале денег, право собственности существует на материальный носитель, а не на имущественное право, удостоверенное денежным знаком. Возможность обладания наличными деньгами на ограниченном вещном праве представляется весьма спорной. Вещи относят к потребляемым видам вещей, которые в процессе использования (по назначению) утрачиваются. В связи с тем, что использование денег по назначению приводит к их утрате (в процессе осуществления расчетов), представляется возможным и юридически значимым обладать ими лишь на праве собственности. Очевидно, что без правомочия распоряжения права на деньги утрачивают юридическое значение.

В связи с указанными особенностями денег как особого объекта прав, можно отметить, что содержание права собственности на деньги не соответствуют традиционному пониманию данного института. Однако, в связи с тем, что правовая доктрина относит право собственности к наиболее абсолютному и универсальному праву, установление вещного режима в отношении наличных денег представляется обоснованным.

С экономической точки зрения деньги выступают всеобщим эквивалентом стоимости, применяемым в экономическом механизме в процессе распределения товаров, работ и услуг. Указанное понимание сущности денег нашло закрепление в законодательстве и в наиболее общих чертах отражено в ст. 140 ГК РФ.

На безналичные деньги, как нами было отмечено, режим вещей распространяться не может. Они представляют собой права требования, в связи с чем, не способны выступать объектом права собственности и иных вещных прав. Возникающие по поводу безналичных денег отношения (в том числе по поводу их принадлежности) имеют обязательственно-правовую природу и оформляются посредством совершения операций на банковских счетах.

Исследуя понятие налога, следует остановиться на специфике содержания и действия права хозяйственного ведения и права оперативного управления в отношении наличных и безналичных денег. Указанные виды ограниченных вещных прав оформляют принадлеж-

ность имущества публичного собственника, переданного унитарному или казенному предприятию или учреждению. Правовое регулирование указанных видов прав установлено главой 19 ГК РФ, Федеральным законом от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (далее – Закон № 161-ФЗ), Федеральным законом от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» и другими нормативными правовыми актами.

Имущество предприятий и учреждений, указанных организационно-правовых форм, формируется учредителем – собственником посредством его закрепления. Юридические лица приобретают правомочия владения, пользования и распоряжения имуществом в пределах, установленных законодательными актами с учетом конкретного вида ограниченного вещного права. Так, государственные и муниципальные унитарные предприятия по общему правилу вправе самостоятельно распоряжаться движимым имуществом. Казенные предприятия в соответствии со ст. 19 имеют право распоряжаться имуществом только с согласия соответствующих органов, реализующих полномочия собственника. В то же время, пп. 10 п. 1 ст. 20 Закон № 161-ФЗ устанавливает, что собственник имущества казенного предприятия правомочен давать согласие на распоряжение недвижимым имуществом, а в определенных правовых актами случаях – на совершение иных сделок. В связи с тем, что гражданское законодательство наличные деньги относит к имуществу, унитарные предприятия самостоятельно ими распоряжаются, в то время как казенные предприятия и учреждения должны согласовывать сделки по распоряжению денежными средствами с собственником.

Правовой режим безналичных денег в рамках имущества унитарных предприятий, казенных предприятий и учреждений имеет достаточно фрагментарное правовое регулирование. Так, Закон № 161-ФЗ устанавливает, что имущественные права могут быть элементом формируемого собственником имущества предприятия. Также п. 1 ст. 2 данного закона предусматривает возможность приобретения и осуществления предприятием имущественных и личных неимущественных прав от имени предприятия. Аналогичная по содержанию формулировка содержится в ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях». Других положений о специфике осуществления имущественных прав предприятиями и учреждениями в законах не установлено.

Пункт 4 ст. 58 НК РФ содержит положение о том, что налог может быть уплачен как в наличной, так и в безналичной форме. Анализ совокупности правовых актов позволяет говорить о том, что юридические лица исполняют налоговую обязанность исключительно в безналичной форме [3]. Исполнение обязанности по уплате налога в соответствии со ст. 45 НК РФ может осуществляться посредством предъявления платежного поручения в банк. Такие действия плательщика оформляют безналичные расчеты. Порядок совершения банками действий, направленных на перечисление денежных средств в счет уплаты налогов установлен ст. 60 НК РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 45 НК РФ налог может быть уплачен за налогоплательщика иным лицом. При этом, в разъяснении Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 21 декабря 2018 г. № 03-04-05/93561 [2] отмечено, что уплата налога за налогоплательщика иным лицом может быть осуществлена как за счет собственных средств плательщика, так и средствами, в отношении которых плательщик обладает правом распоряжения (впрочем, основания такого правомочия не конкретизированы). Указанное можно расценить с позиции юридически безразличного отношения к принадлежности уплачиваемых в счет исполнения налоговой обязанности денежных средств. Очевидно, указанный механизм более применим по отношению к налогоплательщикам – физическим лицам. Однако ст. 45 НК РФ не ограничивает субъектный состав налогоплательщиков, способных осуществлять обязанность по уплате налогов таким способом.

На основе рассмотренных особенностей правового режима наличных и безналичных денег, их сущности и правовой природы, видов вещных прав на деньги, полагаем, говорить о том, что исполнение обязанности по уплате налога, внесением денежных средств, находящихся в хозяйственном ведении или оперативном управлении плательщика не корректно. Полагаем, определение налога, содержащееся в ст. 8 НК РФ имеет излишнюю конкретизацию принадлежности денежных средств, уплачиваемых в счет исполнения налоговой обязанности. В целях исключения конфликта действия правовых институтов, считаем возможным сформулировать следующее определение: налогом признается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения денежных средств, в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований.

Библиографические ссылки

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.
2. Письмо Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 21 декабря 2018 г. № 03-04-05/93561 // Нормативные акты для бухгалтера. 2019. № 3.
3. Энциклопедия решений. Бухгалтерский учет перечисления налогов и сборов с расчетного счета [Электронный ресурс]. URL: <http://iNoterNotet.garaNot.ru/#/documeNot-relatioNes/10900200/1/0/45014:7>.
4. Коростелев М.А. Правовой режим наличных денег: к вопросу о совершенствовании гражданского законодательства России // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 101-112.

References

1. Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii (The concept of the development of civil legislation of the Russian Federation). *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, 2009, No. 11.
2. Pis'mo Departamenta nalogovoy i tamozhennoy politiki Minfina Rossii ot 21 dekabrya 2018 g. № 03-04-05/93561 (Letter No. 03-04-05 / 93561 of the Department of Tax and Customs Policy of the Ministry of Finance of Russia dated December 21, 2018). *Normativnyye akty dlya bukhgaltera*, 2019, No. 3.
3. Entsiklopediya resheniy. Bukhgalterskiy uchot perechisleniya nalogov i sborov s raschet-nogo scheta (Encyclopedia of solutions. Accounting for the transfer of taxes and fees from the current account). URL: <http://iNoterNotet.garaNot.ru/#/documeNot-relatioNes/10900200/1/0/45014:7>.
4. Korostelev M.A. Pravovoy rezhim nalichnykh deneg: k voprosu o sovershenstvovanii grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossii (The legal regime of cash: on the issue of improving the civil legislation of Russia). *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2012, No. 12, pp. 101-112.

Дата поступления: 21.10.2019

Received: 21.10.2019

УДК 347.73

**ДЕНЬГИ КАК БЕЗНАЛИЧНЫЕ
ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА: ВОПРОСЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

КРЫЛОВ Олег Михайлович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: ok2004@list.ru

**MONEY AS NON-CASH: ISSUES
OF LEGAL REGULATION IN
THE RUSSIAN FEDERATION**

KRYLOV Oleg Mikhailovich,

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Chair of State Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: ok2004@list.ru

Эффективная организация денежного обращения, определяющая успешность осуществления наиболее значимых процессов в экономике, является важнейшей задачей Российской Федерации. Применяемые для решения этой задачи юридические конструкции и правовые средства требуют ясности и единообразия в понимании их содержания. Вместе с тем, по-прежнему дискуссионным остается вопрос о содержании одной из ключевой правовой категории – «безналичные денежные средства». Выявление ее сущности с позиций выполняемых экономических функций денег позволило определить, что безналичные денежные средства в Российской Федерации приобретают статус денег в результате действия правовых норм, обеспечивающих выполнение основных экономических функций денег (соизмерения стоимостей, платежа, накопления), а также установить ограничения по выполняемым функциям по сравнению с наличными денежными средствами.

Ключевые слова: деньги, безналичные денежные средства, государство, наличные деньги, ограничение, обращение, платеж, накопление, средство, функция.

The effective organization of money circulation, which determines the success of the most significant economy processes, is the most important task of the Russian Federation. The legal constructions and legal means used to solve this problem require clarity and uniformity in understanding their content. At the same time, the issue of the content of one of the key legal categories – “non-cash funds” remains debatable. The identification of its essence from the standpoint of the economic functions performed by money made it possible to determine that non-cash funds in the Russian Federation acquire the status of money as a result of enforcing law provisions that ensure the fulfillment of the basic economic functions of money (measuring costs, payment, accumulation), as well as to establish restrictions on the executing functions as compared to cash.

Key words: money, non-cash funds, state, cash, restriction, circulation, payment, accumulation, facility, function.

В современном законодательстве Российской Федерации понятие «деньги» используется повсеместно, но его содержание не раскрывается. Одновременно применяется понятие «безналичные денежные средства», представляющее собой объект гражданских прав и относящиеся к иному имуществу в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (части первой) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ.

Понятие «безналичные денежные средства» используется в иных федеральных законах (например, в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ, в ст. 3 Федерального закона от 07 августа 2008 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма») и в подзаконных нормативных правовых актах (например, приказ Минфина России от 30 марта 2015 года № 52н «Об утверждении форм первичных учетных документов и регистров бухгалтерского учета, применяемых органами государственной власти (государственными органами), органами местного самоуправления, органами управления государственными внебюджетными фондами, государственными (муниципальными) учреждениями, и методических указаний по их применению»). При этом содержание понятия «безналичные денежные средства» в законодательстве Российской Федерации так же, как и содержание понятия «деньги», не раскрывается.

В российской правовой науке продолжается полемика по поводу того, что представляют собой безналичные денежные средства: являются ли они объектом вещных или обязательственных прав? Сторонники существования безналичных денег в качестве объекта вещных прав представляют их в виде записей на счетах в кредитных организациях либо в качестве документированной информации о денежных единицах. С их точки зрения такая информация должна быть зафиксирована на определенных носителях и способна передаваться в виде финансового сообщения через платежные системы [19, с. 32; 2, с. 216; 12, с.173]. Изложенная позиция, в конечном счете, приводит к выводу о том, объектами вещных прав признаются не только вещи, но и обязательственные права [5, с. 286; 6, с. 79].

В противовес этой позиции другая группа представителей российской правовой науки рассматривает безналичные денежные средства в качестве права требования кредитора к кредитной организации (Банку России, если кредитор – кредитная организация) в денежном обязательстве, представляющем собой правоотношение, в котором праву требования корреспондируется юридическая обязанность должника совершить платеж [3, с. 115-116; 17, с. 14-17; 16, с. 107-110, 22, с. 21-22].

Свою позицию о правовой природе безналичных денежных средств высказал Конституционный Суд Российской Федерации, указав, в частности, что безналичные денежные средства, существующие в виде записи на банковском счете их обладателя, по своей природе представляют собой обязательственное требование к банку, охватываемое понятием имущества (Постановление Конституционного Суда РФ от 27 октября 2015 года № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.С. Билера, П.А. Гурьянова, Н.А. Гурьяновой, С.И. Каминской, А.М. Савенкова, Л.И. Савенковой и И.П. Степанюгиной»).

Автор разделяет мнение о правовой природе безналичных денежных средств в качестве прав требования кредитора к кредитной организации в денежном обязательстве. Обоснование безналичных денежных средств в качестве объекта вещных прав на основе существующей правовой конструкции договора займа в российском законодательстве свидетельствует, на наш взгляд, об имеющихся недостатках этой юридической конструкции, а вовсе не о вещной природе безналичных денежных средств, которые отдельные авторы пытаются охарактеризовать с позиции разделенной собственности. Ее суть сводится к тому, что клиент является верховным собственником, а банк – подчиненным, при этом за каждым из них признается особое вещное право [4, с. 57-65]. Попутно отметим, что имеющаяся юридическая конструкция кредитного договора, закрепленная в ст. 819 Гражданского кодекса Российской Федерации (части второй) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ, на наш взгляд, не вызывает сомнений в обязательственной природе безналичных денежных средств и может быть взята за основу при совершенствовании законодательства, регулирующего договор займа.

В качестве безналичного денежного средства выступает не каждое требование кредитора к кредитной организации в денежном обязательстве (например, не является безналичным денежным средством право требования кредитора к кредитной организации, возникшим из договора возмездного оказания услуг). Поэтому существенным является указание на то, что безналичные денежные средства – это право требования кредитора к кредитной организации в денежном обязательстве, возникшем в результате заключения договора банковского счета (банковского вклада), представляющем собой правоотношение, в котором праву требования корреспондируется юридическая обязанность должника передать наличные деньги. В соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» наличными деньгами в Российской Федерации являются денежные знаки – бумажные и металлические предметы, наделенные Банком России признаками банкноты или монеты Банка России.

Нормативного закрепления понятия безналичных денежных средств в качестве разновидности денег недостаточно, чтобы они выполняли функции денег. Такой вывод очевиден, поскольку выбор государством денег основывается исключительно на воле государства, без учета объективных процессов выбора денег сложившимися экономическими отношениями в обществе.

В экономической науке общепризнанным мнением является мнение о том, что именно в функциях денег, как основных направлений их применения, проявляется их сущность [7, с. 24]. Такой подход признается вполне продуктивным и отдельными учеными-правоведами [12, с. 93], однако имеются и его критики [1].

Зарубежные ученые в большинстве работ анализируют в качестве основных три функции денег: обращения, измерения стоимости (мера стоимости), накопления и сохранения стоимости [9, с. 26-32; 14, с. 264; 18, с. 254-255; 11, с.17; 23, с. 75; 10, с. 174].

Аналогично поступают и отечественные исследователи [15, с. 12; 8, с. 70].

Таким образом, с точки зрения экономической науки деньги выполняют определенную совокупность экономических функций, основными из которых являются: функция измерения (соизмерения) стоимости, функция накопления и функция обращения (платежа).

С помощью норм права государством устанавливаются необходимые правовые механизмы, обеспечивающие реализацию указанных функций безналичными денежными средствами.

Выполнение функции измерения (соизмерения) стоимости становится возможным вследствие установления нормами права масштаба цен, носителя денежной единицы и нарицательной стоимости. Выполнение функции измерения (соизмерения) стоимости предметов, работ, услуг и т.д. наличными деньгами осуществляется посредством определения их размера в рублях в виде суммы, что предполагает установление определенного количества банкнот и монеты Банка России на указанную сумму в зависимости от их нарицательной стоимости.

Нарицательная стоимость безналичных денежных средств отсутствует, поскольку ее не может быть у прав требования по денежному обязательству к кредитной организации. Вместе с тем, имеется обязанность кредитной организации передать определенное количество банкнот и монеты Банка России в размере прав требования в зависимости от их нарицательной стоимости, что дает возможность измерить объекты прав безналичными денежными средствами.

Для выполнения функции платежа денежные знаки наделяются платежной силой.

Платежная сила связана исключительно с денежным знаком. Она определяется посредством обозначения количества национальных денежных единиц, заключенных в соответствующих денежных знаках [13, с. 47; 19, с. 34-40; 2, с. 220].

При существовании золотого стандарта платежная сила денег определялась их внутренней платежной силой посредством стоимости использовавшегося для их изготовления драгоценного металла [21, с. 62-67].

Наделение денежного знака платежной силой осуществляется нормой права о том, что банкноты и монета Банка России невозможно не принять по их нарицательной стоимости при осуществлении таких операций, как платеж, зачисление на счета и перевод в соответствие со ст. 30 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации».

Изложенное обстоятельство исключает наличие у безналичных денежных средств платежной силы. Их использование в качестве средства платежа обусловлено нормой о безналичном порядке расчетов между юридическими лицами или с участием граждан-предпринимателей на основании п. 2 ст. 861 Гражданского кодекса Российской Федерации (части второй) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ.

Таким образом, выполнение функции платежа безналичными денежными средствами основывается на обязанности исполнения своих денежных обязательств определенными лицами путем передачи существующих прав требования в денежном обязательстве к кредитной организации, возникших на основании договора банковского счета (вклада).

Отметим, что это становится возможным постольку, поскольку права требования к кредитной организации в денежном обязательстве предполагает права на наличные денежные знаки, обладающие платежной силой.

Наконец, функция накопления деньгами может осуществляться вследствие того, что они приобретают правовую форму вещи, право собственности и другие вещные права на которую подлежат защите государством в соответствии с главой 20 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. Такую форму приобретают денежные знаки.

Безналичные денежные средства в качестве объекта гражданских прав предстают в правовой форме имущества, что предполагает, вещные права на денежные знаки принадлежат должнику денежного обязательства (кредитной организации), который теоретически может не исполнить обязательство. Это обстоятельство существенно затрудняет выполнение безналичными денежными средствами функции накопления.

Юридическая конструкция безналичных денежных средств в качестве прав требования в денежном обязательстве невозможна без правовых средств, обеспечивающих реализацию функции накопления безналичными денежными средствами. Основные из них: ограничение круга субъектов – должников по денежному обязательству специальными субъектами – Банком России, банками или небанковскими кредитными организациями в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 02 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности», установление специальных условий юридических конструкций договоров банковского счета и банковского вклада (например, запрещающих ограничивать права распоряжения денежными средствами владельцем прав требования) на основании глав 44, 45 Гражданского кодекса Российской Федерации (части второй) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ, наличие системы страхования вкладов физических лиц в банках Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 23 декабря 2003 года № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» и другие правовые средства.

Таким образом, безналичные денежные средства в Российской Федерации выполняют экономические функции: измерения (соизмерения) стоимости, накопления и обращения (платежа) вследствие действия правовых норм, обеспечивающих выполнение указанных функций и с определенными ограничениями по сравнению с наличными деньгами.

Исходя из изложенного, сформулируем следующие выводы:

1. Безналичные денежные средства в Российской Федерации представляют собой субъективные юридические права обязательственного характера к кредитной организации на денежные знаки в денежном обязательстве, возникшем на основании договора банковского счета (банковского вклада).

2. Безналичные денежные средства в Российской Федерации приобретают статус денег в результате действия правовых норм, обеспечивающих выполнение основных экономических функций денег (соизмерения стоимостей, платежа, накопления) и устанавливающих пределы их осуществления.

3. Анализ правовых норм, обеспечивающих выполнение функций денег, позволяют утверждать, что безналичные денежные средства в Российской Федерации выполняют функции денег с определенными ограничениями по сравнению с наличными деньгами.

Библиографические ссылки

1. Актуальные проблемы финансового права: монография / Л.Л. Арзуманова, Н.М. Артемов, О.В. Болтинова и др. ; отв. ред. Е.Ю. Грачева. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2016.
2. Арзуманова Л.Л. Денежное обращение и история его развития (финансово-правовой аспект) : монография / под ред. Е.Ю. Грачевой. Москва : Проспект, 2013.
3. Белов В.А. Денежные обязательства : учебное пособие. М. : Эксмо, 2007.
4. Богданов Е.В. Правовая природа безналичных денежных средств // Юрист. 2018. № 1. С. 57-65.
5. Васильев Г.С. Движимые вещи // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 278-325.
6. Гумаров И. Понятие вещи в современном гражданском праве России // Хозяйство и право. 2000. № 3. С. 78-84.
7. Деньги. Кредит. Банки : учеб. / под ред. В.В. Иванова, Б.И. Соколова. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
8. Деньги. Кредит. Банки : учебник для вузов / А.Ю. Казак [и др.] ; под ред. проф. А.Ю. Казака, проф. М.С. Марамыгина. М. : Экономистъ, 2007.
9. Долан Э., Кэмпбелл К., Кэмпбелл Р. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика. Л. : Автокомп, 1991.
10. Долан Э., Линдсей Д. Макроэкономика. СПб., 1994.
11. Кидуэлл Д.С., Петерсон Р.Л., Блэкуэлл Д.У. Финансовые институты, рынки и деньги. СПб. : ПИТЕР, 2000.
12. Кучеров И.И. Законные платежные средства: теоретико-правовое исследование : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016.
13. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М. : Статут, 1999.
14. Макконел К., Брю С. Экономикс. М. : Инфра-М, 2003.
15. Марамыгин М.С., Балашов А.В. Деньги и денежные суррогаты в российской экономике / под ред. А.Ю. Казака. Екатеринбург, 2000.
16. Нам К. Правовая природа договора банковского счета // Хозяйство и право. 1996. № 7. С. 107-110.
17. Новоселова Л.А. Проценты по денежным обязательствам. 2-е изд. М. : Статут, 2003.
18. Сакс Дж., Ларрен Ф. Макроэкономика. Глобальный подход. М. : ДЕЛЮ, 1996.
19. Ситник А.А. Финансово-правовое регулирование денежного обращения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
20. Ситник А.А. Деньги и валюта: финансово-правовой аспект // Банковское право. 2013. № 5. С. 34-40;
21. Суродеев Ю.В. «Бонусы» и деньги: сравнительно-правовая природа // Банковское право. 2014. № 6. С. 62-67.
22. Суханов Е.А. Заем и кредит. Финансирование под уступку денежного требования. Банковский вклад. Банковский счет // Хозяйство и право. 1996. № 7. С. 21-22.
23. Харрис Л. Денежная теория. М. : Прогресс, 1990.

References

1. Aktual'nyye problemy finansovogo prava (Actual problems of financial), monografiya, L.L. Arzumanova, N.M. Artemov, O.V. Boltinova i dr., otv. red. Ye.Yu. Gracheva. Moscow, NORMA, INFRA-M, 2016.
2. Arzumanova L.L. Denezhnoye obrashcheniye i istoriya yego razvitiya (finansovo-pravovoy aspekt) (Money circulation and the history of its development (financial and legal aspect), monografiya, pod red. Ye.Yu. Grachevoy. Moscow, Prospekt, 2013.
3. Belov V.A. Denezhnyye obyazatel'stva (Monetary obligations), uchebnoye posobiye. Moscow, Eksmo, 2007.
4. Bogdanov Ye.V. Pravovaya priroda beznalichnykh denezhnykh sredstv (Legal nature of non-cash funds). *Yurist*, 2018, No. 1, pp. 57-65.
5. Vasil'yev G.S. Dvizhimyye veshchi (Movable things). *Ob'yekty grazhdanskogo oborota*, sb. st., otv. red. M.A. Rozhkova. Moscow, 2007, pp. 278-325.
6. Gumarov I. Ponyatiye veshchi v sovremennom grazhdanskom prave Rossii (The concept of things in modern civil law of Russia). *Khozyaystvo i pravo*, 2000, No. 3, pp. 78-84.
7. Den'gi. Kredit. Banki (Credit. Banks), ucheb., pod red. V.V. Ivanova, B.I. Sokolova. Moscow, TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2008.
8. Den'gi. Kredit. Banki (Money. Credit. Banks), uchebnik dlya vuzov, A.Yu. Kazak [i dr.], pod red. prof. A.Yu. Kazaka, prof. M.S. Maramygina. Moscow, Ekonomist', 2007.
9. Dolan E., Kempbell K., Kempbell R. Den'gi, bankovskoye delo i denezhno-kreditnaya politika (Money, banking and monetary policy). Leningrad, Avtokomp, 1991.
10. Dolan E., Lindsey D. Makroekonomika (Macroeconomics). St. Petersburg, 1994.
11. Kiduell D.S., Peterson R.L., Blekuell D.U. Finansovyye instituty, rynki i den'gi (Financial institutions, markets and money). St. Petersburg, PITER, 2000.
12. Kucherov I.I. Zakonnyye platezhnyye sredstva: teoretiko-pravovoye issledovaniye (Legal means of payment: theoretical and legal research), monografiya. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii, 2016.
13. Lunts L.A. Den'gi i denezhnyye obyazatel'stva v grazhdanskom prave (Money and monetary obligations in civil law). Moscow, Statut, 1999.
14. Makkonel K., Bryu S. Ekonomiks (Economics). Moscow, Infra-M, 2003.
15. Maramygin M.S., Balashov A.V. Den'gi i denezhnyye surrogaty v rossiyskoy ekonomike (Money and money substitutes in the Russian economy), pod red. A.Yu. Kazaka. Yekaterinburg, 2000.
16. Nam K. Pravovaya priroda dogovora bankovskogo scheta (The legal nature of the bank account agreement). *Khozyaystvo i pravo*, 1996, No. 7, pp. 107-110.
17. Novoselova L.A. Protsenty po denezhnym obyazatel'stvam (Interest on monetary obligations). 2-ye izd. Moscow, Statut, 2003.
18. Saks Dzh., Larren F. Makroekonomika. Global'nyy podkhod (Macroeconomics. The global approach). Moscow, DELO, 1996.
19. Sitnik A.A. Finansovo-pravovoye regulirovaniye denezhnogo obrashcheniya v Rossiyskoy Fede-ratsii (Financial and legal regulation of money circulation in the Russian Federation), dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2010.
20. Sitnik A.A. Den'gi i valyuta: finansovo-pravovoy aspekt (Money and currency: financial and legal aspects). *Bankovskoye pravo*, 2013, No. 5, pp. 34-40;
21. Surodeyev Yu.V. «Bonusy» i den'gi: sravnitel'no-pravovaya priroda («Bonuses» and money: comparative legal nature). *Bankovskoye pravo*, 2014, No. 6, pp. 62-67.
22. Sukhanov Ye.A. Zayem i kredit. Finansirovaniye pod ustupku denezhnogo trebovaniya. Bankov-skiy vklad. Bankovskiy schet (Loan and credit aid. Factoring. Bank deposit. Bank account). *Khozyaystvo i pravo*, 1996, No. 7, pp. 21-22.
23. Kharris L. Denezhnaya teoriya (Money theory). Moscow, Progress, 1990.

Дата поступления: 22.10.2019

Received: 22.10.2019

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО.
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 349.6

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РФ.
О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

ВЕРШИЛО Николай Дмитриевич
доктор юридических наук, профессор кафедры земельного и экологического права ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Москва, Россия. E-mail: Tvershilo@yandex.ru

JUDICIAL PRACTICE IN THE ARCTIC
ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION.
ON LEGAL REGULATION OF NATURAL
RESOURCE MANAGEMENT

VERSHILO NikolayDmitrievich
Doctor of Law, Professor of the Department of Land and Environmental Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice", Moscow, Russia. E-mail: Tvershilo@yandex.ru

Арктика представляет собой северный полярный регион Земли, который включает в себя акватории и территории, расположенные за северным полярным кругом. В соответствии с «Основами государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», которые были утверждены Президентом РФ 18 сентября 2008 года, Арктическую зону РФ следует считать в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение социально-экономического развития страны. Поэтому проведение в жизнь национальных интересов России в Арктике должно опираться на систему эффективных институтов, с помощью которой обеспечиваются необходимые условия для активного развития данного региона. Одним из таких институтов, наряду с нормативно правовым регулированием должна выступать, в том числе, и судебная практика.

Ключевые слова: Арктика, арктический регион, арктическая зона, охрана природы, природопользование, судебные решения.

The Arctic is the northern polar region of the Earth, which includes water areas and territories beyond the Arctic Circle. In accordance with the "Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period until 2020 and further perspective", which were approved by the President of the Russian Federation on September 18, 2008, the Arctic zone of the Russian Federation should be considered as a strategic resource base of the Russian Federation, providing a solution to the country's socio-economic development. Therefore, the implementation of Russia's national interests in the Arctic should be based on a system of effective institutions, which provides necessary conditions for this region active development. Judicial practice along with legal regulation should be one of these institutions.

Key words: Arctic, arctic region, arctic zone, environmental protection, natural resource management, court decisions.

По прогнозам экспертов, в Арктике находится до 25 процентов еще не обнаруженных мировых запасов нефти и газа. Площадь Арктической зоны РФ составляет 3,1 млн кв. км и здесь сосредоточено до 90 процентов извлекаемых углеводородов всего континентального шельфа РФ [1, с. 108].

Следовательно, в настоящее время Арктика является одной из главных ресурсных баз нашего государства, регион особой стратегической важности. Прилегающие к арктическому

побережью России морские воды – историческая национальная транспортная магистраль и важный международный транзитный путь. Арктическое побережье страны – в основном малопосещаемое людьми, практически открытое пространство, требующее усиления контроля, который можно осуществлять преимущественно инструментальными мерами на основе новейших технологических достижений [2].

До недавнего времени развитие Арктики шло как правило только за счет экономического роста, данное развитие происходило только в тех регионах, где добывали полезные ископаемые. В результате данной деятельности было практически сведено на нет традиционное природопользование и поэтому на современном этапе необходимо устранение очевидного разрыва связи между человеком и природой, природой и экономикой и для этого следует обеспечить баланс между экономическим развитием и сбережением арктической природы, сохранение её уникальных, хрупких биосистем и, конечно, ликвидация ущерба, накопленного в ходе порой экстенсивной, потребительской хозяйственной деятельности в прошлые десятилетия [3].

Кроме того, проведение в жизнь национальных интересов России в Арктике должно опираться на систему эффективных институтов, с помощью которой обеспечиваются необходимые условия для активного развития данного региона. Одним из таких институтов, наряду с должным правовым регулированием выступает судебная практика. Следует отметить, что в настоящее время в полной мере отсутствует системность законодательной базы развития российской Арктики, более того, отсутствует ряд ключевых правовых и организационно-управленческих институтов, поэтому роль судебной практики в правовом регулировании природопользования и охраны окружающей природной среды, должны занять одно из ведущих мест в данных вопросах.

Весной 2016 г. на Ямале состоялась встреча Генерального прокурора Российской Федерации с руководством округа и представителями прокуратуры из двенадцати субъектов РФ. Итогами данного совещания стало принятое решение о создании единой базы экологических правонарушений в российской Арктике. Создание данной базы должно было быть реализовано через систему российских судебных органов, но к глубокому сожалению данная единая база не создана и по настоящее время.

В ходе анализа судебных решений, вынесенных по вопросам природопользования и охраны окружающей среды, на данной территории можно сделать вывод о ее критическом состоянии. Только за 2015 г. арктическим территориям был причинен ущерб в 640 миллионов рублей, в 2016 году этот ущерб составил уже 720 миллионов рублей [4], однако виновные в данных деяниях лица не установлены и это только официальные данные, но латентность экологических преступлений, в том числе совершенных и на данных территориях составляет более 90 процентов. Например, при добыче нефти и газа ежегодно фиксируют около полутора тысяч аварий, но зачастую предприятия просто скрывают экологические правонарушения.

Поэтому складывающаяся судебную практику в Арктических регионах (Мурманская область, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа) следует обобщать на уровне Судебной коллегии при Верховном Суде РФ, которая должна рассматривать материалы изучать и обобщать судебную практику, а также проводить анализ судебной статистики. Вторым предложением развития практики должна стать передача полномочий по проведению государственного экологического надзора в Арктической зоне на объектах, внесенных в федеральный перечень на региональный уровень, данное предложение необходимо реализовать в связи с тем, что например, только на территории Ямала действуют 425 предприятия, на долю которых приходится 90 процентов загрязнений, но эффективно осуществлять контрольно-надзорную деятельность не позволяют противоречия в отдельных федеральных законах [5].

При таком подходе судьи всех инстанций, находящихся во взаимодействии с органами государственного экологического надзора, смогут оперативно выносить судебные решения

по выявленным экологическим и иным правонарушениям (преступлениям), не дожидаясь соответствующих мер реагирования со стороны вышестоящих (федеральных) органов государственного экологического надзора. Судебная практика в данной ситуации будет отличаться единообразием и согласованностью.

Исходя из того, что Российская Федерация является федеративным государством, российские субъекты не должны оставаться в стороне от решения проблем сохранения и развития Арктической зоны РФ, в том числе и при формировании соответствующей судебной практики. Понятно, что специфика территориального развития России имеет огромные особенности, поэтому сложно представить ситуации формирования судебной практики по вопросам Арктики, например, в Республике Дагестан. Поэтому должное судебное обеспечение в арктических регионах, это специфика прилегающих территорий. При этом такие территории имеются у США – штат Аляска, Дании, в территорию которой входит автономия Гренландия, для Канады такими территориями выступают провинции Ньюфаундленд, Квебек, Юкон и др. Для России это Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий, Мурманская область, а так же Ненецкий и Чукотский автономные округа. В данных регионах, по нашему мнению, необходимо ориентироваться на ряд особенностей судебного регулирования, а именно:

Наличие неурегулированных международно-правовых споров, возникающих в связи со статусом и использованием арктических пространств. Это в свою очередь порождает необходимость всестороннего исследования судами применения средств, для мирного разрешения конфликтов. При этом разрешение данных споров должно строиться на теоретической основе, с обоснованием должных выводов, предложений и рекомендаций с ориентацией на нормы международного права, а не только российского законодательства.

Вынесение судебных решений должно происходить с учетом норм международного законодательства, регламентирующих охрану окружающей среды, в том числе, прописанных в Декларации Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 1972 г.) [6]. Это следует и из ст. 15 Конституции Российской Федерации, которая содержит прямое указание, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Судьи приграничных арктических регионов, при вынесении судебных решений, затрагивающих вопросы Континентального шельфа Северного Ледовитого океана должны принимать во внимание не только нормы Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [7], но и возможно следует учитывать международно-правовые обычаи, которые сложились в разный период времени.

Особенности правового регулирования Арктического региона связано с отсутствием единого и системного международно-правового документа. В свою очередь это затрудняет формирование единообразной судебной практики. Например, в США, Канаде, Дании, Норвегии существуют ряд национальных правовых режимов (пользования недрами, лицензирование недропользования, экономическая деятельность на территории Арктики и т.д.) закрепленных в более чем 100 законодательных актах (только в США их 40). В Российской Федерации наоборот правовые режимы вообще не закрепляются в законодательстве, однако технические аспекты деятельности в Арктическом регионе широко используется Российским законодателем. Из данного подхода складывается и судебная практика, которая сводится к разрешению технических вопросов деятельности в данном регионе.

Таким образом, проанализировав ряд судебных актов [8] и доктринальных источников, были выявлены следующие проблемы:

- разрешения вопросов, связанных с множественностью и ведомственностью нормативно-правовых актов, стандартов, регулирующих экологические вопросы по разным направлениям, в том числе распространяющаяся на Арктическую зону РФ, при этом зачастую не учитывающие ее природные особенности, судами в большей степени обращено внимание на

техническую сторону спора, однако не уделяется внимание механизмам получения новых знаний о структурно-функциональной организации арктических экосистем, механизмах устойчивости и их включения в существующие правовые акты, носящие регулирующий характер для отдельных видов деятельности;

- большинство судебных решений рассчитаны на требования по региональной адаптации и апробации технологий добычи и переработки природных ресурсов Арктики в частности нефти и газа;

- отсутствие единообразной судебной практики по вынесению решений, так как не учитываются значительные различия территорий российского сектора Арктики. Большое значение при вынесении судебных решений имеет чрезвычайно высокое разнообразие ландшафтов и климатических условий рассматриваемого региона;

- российскими судами вообще не разработан подход к определению допустимого антропогенного воздействия и нагрузок на арктические экосистемы.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума обращал внимание судов на важность обеспечения правильного, единообразного и эффективного применения законодательства об ответственности за совершение экологических правонарушений, в том числе и в Арктической зоне. Важным является то, что в ряде случаев требующих специальных познаний в области экологии, по делу должны быть проведены соответствующие экспертизы с привлечением специалистов: экологов, санитарных врачей, зоологов, ихтиологов, охотоведов, почвоведов, лесоводов и других.

Вред, причиненный нарушением экологического законодательства, в соответствии со ст. 1064 ГК РФ и ст. 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды» подлежит возмещению виновным лицом в полном объеме независимо от того, причинен ли вред в результате умышленных действий (бездействия) или по неосторожности [9].

Между тем судами при принятии решений не всегда действия виновных лиц, незаконно добывающих водные биоресурсы, занесенные в Красную книгу Российской Федерации, расценивались как преступления, а, следовательно, необоснованно делались выводы, об отсутствии состава преступления в данных действиях. Примером может служить судебное решение Президиума Сахалинского областного суда, согласно которому вылов одной особи рыбы (тайменя), хотя и занесенной в Красные книги Российской Федерации и Сахалинской области, не может быть признан причинившим крупный ущерб и поэтому отсутствует состав преступления.

Поэтому для более эффективной защиты природных ресурсов, находящихся под угрозой исчезновения, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 мая 2015 г. № 19 [10] говорится о том, что при отнесении ущерба к крупному (п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ) исключать биоресурсы, включенные в Перечень утвержденный Постановлением Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 для целей статей 226.1 и 258.1 УК РФ.

Подводя итог можно сделать вывод о том, что при принятии судебных решений прослеживается слабый учет географических, природно-климатических, иных уникальных особенностей Арктики. Кроме того, следует отметить, что в природоресурсном законодательстве, к сожалению, не определены специальные эколого-правовые требования при осуществлении хозяйственной деятельности, например, недропользованию в арктическом регионе. Поэтому считаем необходимым устранение данных пробелов, с учетом особенностей данного региона и уникальной экосистемы Арктики в интересах настоящего и будущих поколений в благоприятной окружающей среде. Для этого, думается, следует разработать и принять единый, фундаментальный нормативный акт об Арктике и Арктическом регионе, в том числе и разграничив в нем данные правовые дефиниции.

Библиографические ссылки

1. Купряшкин Ю.В., Сиваков Д.О. Арктика и право в вопросах и ответах : научно-практическое пособие. М. : «ДиЭмЭйДжипринт», 2014.
2. Арктика на пороге 2018 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.prezidentpress.ru> (дата обращения: 5.12.2018).
3. Выступление Президента РФ В.В. Путина на Международном форуме: «Арктика – территория диалога» 9 апреля 2019г. [Электронный ресурс] // URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/news/60> (дата обращения: 27.05.2019).
4. Большая ревизия в Арктике – проблемы экологии и надзорных ведомств. Итоги визита Генпрокурора РФ Юрия Чайки на Ямал. [Электронный ресурс]. URL: http://vesti-yamal.ru/ru/sobytiya_njedjeli/bolshaya_reviziya_v_arktik (дата обращения: 15.05.2019).
5. Притягательная Арктика [Электронный ресурс]. URL: <http://nvinder.ru/node/13438> (дата обращения 12.05.2017).
6. Текст Декларации. [Электронный ресурс]. URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarat (дата обращения: 8.12.2018).
7. Текст конвенции ООН по морскому праву. [Электронный ресурс]. URL:http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 8.12.2018).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 мая 2015 г. № 19 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»; Постановление Президиума Сахалинского областного суда от 22 июля 2011 г. № 44у-69/11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 мая 2015 г. № 19 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Kupryashkin Yu.V., Sivakov D.O. Arktika i pravo v voprosah i otvetah (Arctic and law in questions and answers). Nauchno-prakticheskoe posobie. Moscow, «DiEmEjDzhiprint», 2014.
2. Arktika na poroge 2018 goda (Arctic on the verge of 2018). URL: <http://www.prezidentpress.ru>. (accessed date: 5.12.2018).
3. Vystuplenie Prezidenta RF V.V. Putina na Mezhdunarodnom forumе: «Arktika – territoriyadiologa» 9 aprelya 2019g (Speech of the President of the Russian Federation V.V. Putin at the International Forum: “The Arctic is a Territory of Dialogue” April 9, 2019). URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/news/60> (accessed date: 27.05.2019).
4. Bol'shaya reviziya v Arktike – problemy ekologii i nadzornyh ведомств. Itogi vizita Genprokurora RF Yuriya Chajki na Yamal. (Large revision in the Arctic – environmental issues and regulatory agencies. The results of the visit of the Prosecutor General of the Russian Federation Yuri Chaika to Yamal). URL: http://vesti-yamal.ru/ru/sobytiya_njedjeli/bolshaya_reviziya_v_arktik (accessed date: 15.05.2019).
5. Prityagatel'naya Arktika (Attractive Arctic), URL: <http://nvinder.ru/node/13438>. (accessed date: 12.05.2017).
6. Tekst Deklaracii (Text of the Declaration). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarat (accessed date: 8.12.2018).
7. Tekst konvencii OON po morskому pravu (Text of the UN Convention on the Law of the Sea). URL:http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (accessed date: 8.12.2018).
8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 26 maya 2015 g. No. 19 «O vnesenii izmenenij v nekotorye postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii»; Postanovlenie Plenuma

Verhovnogo Suda RF ot 18.10.2012 No. 21 «O primeneniі sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za narusheniya v oblasti ohrany okruzhayushchej sredy i prirodopol'zovaniya»; Postanovlenie Prezidiuma Sahalinskogo oblastnogo suda ot 22 iyulya 2011 g. No. 44u-69/11 (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 26, 2015 No. 19 “On Amending Certain Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation”; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 18, 2012 No. 21 “On the application by the courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management”; The decision of the Presidium of the Sakhalin Regional Court of July 22, 2011 No. 44u-69/11). Dostup izsprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 18.10.2012 No. 21 «O primeneniі sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za narusheniya v oblasti ohrany okruzhayushchej sredy i prirodopol'zovaniya» (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 18, 2012 No. 21 “On the application by the courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management”). Dostup izsprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 26 maya 2015 g. No. 19 «O vnesenii izmenenij v nekotorye postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii» (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 26, 2015 No. 19 “On Amending Certain Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation”). Dostup izsprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

Дата поступления: 02.10.2019

Received: 02.10.2019

УДК 349.41

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

ГИЗЗАТУЛЛИН Равиль Хасанович

доктор юридических наук, профессор кафедры финансового и экологического права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: ravil73@mail.ru

В юридической науке имеются позиции о том, что признание частной собственности на землю поставило под сомнение существование земельного права в качестве самостоятельной отрасли российского права. Имеются также и взгляды, не отрицающие самостоятельности земельного права как отрасли, но в соответствии с которыми введение частной собственности на землю и ее признание в качестве недвижимого имущества, находящегося в гражданском обороте, дает основание отнести земельное право к отраслям частного права. Автор статьи, не соглашаясь с подобными взглядами, приводит обоснования, что земельное право, как и прежде, является отраслью рос-

LAND LAW IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LAW

GIZZATULLIN Ravil Khasanovich

Doctor of Sciences (Law), Professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bashkir state University”. E-mail: ravil73@mail.ru

In legal science, there are positions that the recognition of private land ownership has called into question the existence of land law as an independent branch of Russian law. There are also views that do not deny the independence of land law as a branch, but in accordance with them, the introduction of private land ownership and its recognition as immovable property in civil circulation, gives reason to attribute land law to private law branches. The author of the article does not agree with such views and provides justification for the fact that land law, as before, is a branch of Russian law, which has its own subject of legal regulation, and is a branch of

сийского права, имеющей свой собственный предмет правового регулирования, и является отраслью публичного права с отдельными элементами частноправового регулирования.

public law with separate elements of private law regulation.

Ключевые слова: земельное право, земельные отношения, земля, административное право, гражданское право, публичное право, частное право, публичные (общественные) интересы, частные интересы.

Keywords: land law, land relations, land, administrative law, civil law, public law, private law, public (social) interests, private interests.

Является ли Земельное право самостоятельной отраслью? Такая постановка вопроса связана с тем, что в юридической литературе были высказаны, например, следующие суждения и позиции.

«С отменой (Земельным кодексом РСФСР 1991 г.) государственной монополии земельной собственности ... с возрождением представлений о недвижимом имуществе и частной собственности на средства производства, условия самостоятельного существования земельного ... и иных ... правовых подразделений природоресурсной направленности отпали. Вне всякого сомнения, находится тот факт, что в настоящее время отношения принадлежности и перехода прав на перечисленные объекты – это частные имущественные отношения, а значит предмет гражданско-правового регулирования» [1, с. 72-73].

Или, по мнению профессора В.А. Дозорцева, «земельные отношения распались на регулируемые гражданским и административным правом, и основания для признания земельного права самостоятельной отраслью перестали существовать» [2, с. 4-5].

Насколько обоснованы такие суждения? В соответствии с общей теорией права система права представляет собой объективное, обусловленное системой регулируемых общественных отношений внутреннее строение совокупности действующих в национальной правовой системе взаимосвязанных и внутренне согласованных правовых норм на определенные структурные элементы – отрасли права, подотрасли, правовые институты [3, с. 992]. При этом, основным критерием деления системы российского права на отрасли является предмет правового регулирования, представляющий собой строго определенную совокупность общественных отношений, качественно отличающихся от иных общественных отношений, составляющих предмет регулирования других отраслей права.

Общественные отношения складываются по поводу объекта, в качестве которого выступает то, что подвергается воздействию со стороны субъекта и на что направлена его деятельность.

Земельное право регулирует общественные отношения по поводу земли.

Как отмечает профессор Н.А. Сыродоев, отношения, составляющие предмет земельного права, носят специфический характер, который определяется исключительными особенностями земли [4, с. 4].

Земля, как объект земельных отношений выступают в различном качестве, что предопределяет, в конечном счете, особенности, специфику их правового регулирования.

Земля, во-первых, является неотъемлемым элементом экологической системы, выполняющим свою роль в поддержании экологического равновесия. Во-вторых, как природный объект и природный ресурс земля выполняет функцию удовлетворения экологических потребностей человека, как биологической субстанции. Является основой жизни и деятельности многонационального народа Российской Федерации, выступая в качестве главного средства производства в сельском и лесном хозяйстве, пространственного базиса для размещения объектов, необходимых для обеспечения жизнедеятельности человека и общества, функциони-

рования государства. В этом качестве земля выступает как объект публичного, всеобщего блага (достояния), нуждающегося в организации ее рационального использования и охраны.

С признанием права частной собственности на землю, вовлечением земли в гражданский оборот, предпринимательскую деятельность, земля признана в законодательстве в качестве недвижимой вещи, являющейся объектом права собственности и иных вещных прав. Однако признание земельного участка (согласно ст. 6 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ [5] он также является объектом земельных отношений) в качестве индивидуально определенной вещи, являющимся объектом вещных прав и находящимся в гражданском обороте, не означает, что земельный участок или его часть перестали быть частью земли как природного объекта и природного ресурса, как компонента природной среды и как части публичного блага. Это важнейшее обстоятельство нашло свое отражение в законодательстве, например, через установление обязанностей правообладателей земельными участками по выполнению мероприятий, направленных на достижение целей охраны земель.

Исходя из анализа норм Земельного кодекса РФ, профессор О.И. Крассов выделяет несколько видов общественных отношений, составляющих предмет земельного права: отношения, возникающие по поводу использования и охраны земли как объекта природы и природного ресурса; отношения по поводу земельных участков и их частей, являющихся недвижимостью и объектами права собственности и иных земельных прав; земельные отношения организационного характера; земельные отношения, возникающие в связи с использованием земель для передвижения людей [6, с. 21-32].

Если проанализировать содержание правового регулирования указанных общественных отношений, то очевидным становится то, что в основном оно осуществляется нормами земельного права.

Охрана и рациональное использование земель реализуется главным образом в рамках государственного управления, на основе административно-правового метода регулирования. При этом общественные отношения в сфере деятельности органов исполнительной власти, осуществляемой ими в процессе государственного управления, выступают в качестве предмета административного права [7, с. 21]. В этом смысле, общественные земельные отношения, складывающиеся по поводу охраны земель и рационального их использования, в которых присутствуют органы исполнительной власти действительно можно отнести к сфере регулирования административного права. Но тогда, встает вопрос о самостоятельности и многих других отраслей российского права: экологического, финансового, таможенного и др. Однако, как отмечает профессор Ю.М. Козлов наличие в общественном отношении субъекта исполнительной власти не всегда служит достаточным основанием для его безоговорочного включения в предмет административного права, поскольку органы исполнительной власти нередко совершают действия, которые не регламентируются в административном праве [8, с. 48]. Вполне очевидно, что значительная часть действий, совершаемых органами исполнительной власти в рамках охраны и рационального использования земель, регулируются нормами земельного, а не административного права. Именно в земельном праве и законодательстве устанавливаются категории земель в зависимости от их целевого назначения, что обуславливает особенности режима их использования и охраны. В нормах земельного, а не административного права определяются цели и содержание охраны земель, содержатся специфические меры, направленные на предотвращение и ликвидацию загрязнения земель и почв, их истощение, деградацию, порчу, обеспечение рационального использования, восстановление плодородия почв (рекультивация, мелиорация и консервация и др.), устанавливаются обязанности правообладателей земельных участков.

Отношения по поводу земельных участков и их частей, являющихся недвижимостью и объектами права собственности и иных земельных прав, в основном также урегулированы в земельном, а не гражданском праве. Это вытекает из анализа содержания гражданского и зе-

мельного законодательства. Гражданское законодательство устанавливает общие положения права собственности и иных вещных прав на землю. Детальное же регулирование, указанных отношений, осуществляется в рамках Земельного кодекса РФ, Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [9], в которых определяется, какие земельные участки находятся в федеральной собственности, собственности субъектов федерации, муниципальной собственности, устанавливается специфика оборота земельных участков, возникновения и прекращения прав на землю. Такая специфика проявляется: в установлении перечня земельных участков изъятых или ограниченных в обороте; в рамках регулирования предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности гражданам и юридическим лицам в собственность, аренду и т.д.; в определении перечня случаев изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд и его порядка; определения перечня прав и обязанностей собственников и иных правообладателей земельных участков и т.д.).

Земельные отношения организационного характера, также самым тесным образом связаны с административным правом, поскольку в них участвуют органы исполнительной власти ввиду того, что в рамках организационных отношений применяются особые правовые меры государственного регулирования. Однако, как и в случае с отношениями по использованию и охране земель как природного объекта и природного ресурса, отношения по поводу мониторинга земель, землеустройства, государственного кадастрового учета земельных участков, государственного земельного надзора, резервирования земель, регулируются в основном специальными «земельными» нормативными правовыми актами – Земельный кодекс РФ, Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 78-ФЗ «О землеустройстве» [10], Постановление Правительства РФ от 02 января 2015 г. № 1 «Об утверждении Положения о государственном земельном надзоре» [11] и др.

Еще одна разновидность земельных отношений – отношения, возникающие в связи с использованием земель для передвижения людей. Очевидно, что без свободного передвижения по земле жизнь людей была бы невозможной. В теории земельного права такое использование земель рассматривается, как право общего землепользования, т.е. права направленного на удовлетворение естественных потребностей человека, не преследующих цели извлечения экономической выгоды и не связанных с оказанием воздействия на землю. Такое право возникает непосредственно из закона, не требует специального разрешения¹ и является бесплатным. Регулирование этих отношений носит комплексный характер. Общие положения содержатся в ст. 262 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Часть первая) [12] согласно которой граждане наделены правом свободного нахождения на не закрытых для общего доступа земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности. В отличие от ГК РФ Земельный кодекс РФ использует понятие «земельные участки общего пользования». Согласно п. 12 ст. 85 это земельные участки занятые площадями, улицами, проездами, автомобильными дорогами и другими объектами. Кроме того, ст. 11 Лесного кодекса Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ [13] закрепляет право граждан свободного пребывания в лесах, за исключением случаев предусмотренных законодательством (например, оно может быть запрещено или ограничено в лесах, которые расположены на землях особо охраняемых природных территорий, землях обороны и безопасности). Соответственно, согласно Лесному кодексу РФ земли лесного фонда, как правило, являются общедоступными. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ [14] устанавливает, что поверхностные водные объекты, находящиеся в государственной или муниципальной собственности являются общедоступными (граждане имеют право бесплатно использовать их для личных и бытовых нужд), что автоматически предполагает общедоступность земель водного фонда.

Вполне очевидно, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что земельное право имеет собственный предмет правового регулирования, а именно общественные земельные отношения, характеризующиеся специфическим характером, обусловленным особенностями их объекта, регулируемые преимущественно нормами земельного, а не иных отраслей права. Как следствие земельное право является самостоятельной отраслью.

Другое дело, что общественные земельные отношения регулируются не только нормами самого земельного права, но и иных отраслей – конституционного, административного, экологического (природоохранного), природоресурсного, гражданского и др. Данное обстоятельство означает, что земельное право является комплексной отраслью права, но оно не является основанием для столь категоричных утверждений, которые были приведены выше.

Земельное право – публичная или частная отрасль права? Официальная юридическая доктрина советского периода отвергала идею о разделении права на публичное и частное, поскольку это не соответствовало природе нового строя, провозгласившего отмену частной собственности и приоритет общественной (прежде всего государственной) собственности [3, с. 464].

С признанием частной собственности и переходом России к рыночной экономике в юридической науке была возрождено деление системы права на публичное и частное.

Анализ литературы по общей теории права показывает, что отдельные авторы при рассмотрении вопроса о системе российского права относят земельное право к отраслям частного права [15, с. 361].

Насколько обоснованно включение земельного права в систему частного права? Что бы дать ответ на этот вопрос, прежде всего, обратимся к вопросу о сущности публичного и частного права. При этом сразу обратим внимание, что в литературе делается оговорка, что нет абсолютной публично-правовой или частноправовой отрасли, поскольку в каждой отрасли можно обнаружить в большей или меньшей степени наличие элементов характерных для обеих отраслей права.

Публичное право характеризуется тем, что его нормы направлены на защиту публичного (всеобщего) блага, общественных, в том числе государственных интересов. В регулируемых нормами публичного права в общественных отношениях обязательно участие публичных органов (государственных или муниципальных). При этом они выступают носителями государственно-властных полномочий, и соответственно правовое положение участников общественных отношений выстраивается на основе принципа «власти и подчинения». Публичное право характеризуется также и тем, что регулирование общественных отношений строится на основе императивных норм, устанавливающих требования и правила, исключающие автономию поведения субъекта правоотношения.

Совершенно иными характеристиками обладает частное право. Оно нацелено на защиту частных (имущественных) интересов. Субъекты частного права равноправны в отношениях между собой. Они обладают свободой выбора поведения, самостоятельно определяют для себя, использовать предоставленные им права или воздержаться от совершения действий и т.д. В сфере частного права государство не определяет содержание принимаемых правовых решений. Оно лишь охраняет и обеспечивает то, что по взаимной договоренности решили субъекты права. Государство, его органы и должностные лица могут быть субъектами правоотношений в сфере частного права. Однако они выступают там не в качестве носителей государственно-властных полномочий, а как равноправные контрагенты, заключающие договоры и сделки на основе свободного волеизъявления [3, с. 471]. Сущность частного права выражена в его принципах – независимости и автономии личности, признании защиты права частной собственности, свободы договора [16, с. 240].

По мнению профессора В.И. Гоймана земельное право перешло под «юрисдикцию» частного права, поскольку на характер земельного права принципиально повлияло изменение

форм собственности [16, с. 242]. Безусловно, признание частной собственности на землю, вовлечение земли в гражданский оборот повлияло на содержание правового регулирования земельных отношений.²

Очевидно, что при оценке сущности земельного права с точки зрения его отнесения к частному или публичному праву, главным является не факт признания частной собственности на землю и ее вовлечение в гражданский оборот, а то, что выступает в качестве объекта регулируемых нормами земельного права общественных отношений, какие интересы (частные или публичные) положены в основу правового регулирования земельных отношений, кто выступает в земельных правоотношениях в качестве субъектов, и какие методы превалируют в них (административно-правовые или гражданско-правовые).

Как было указано в первой части нашей статьи, общественные отношения, регулируемые нормами земельного права, складываются по поводу земли являющейся в силу своих особых характеристик публичным благом (достоянием многонационального народа России). Одновременно с этим земля выступает как недвижимое имущество и как объект вещных прав. Специфический статус объекта земельных отношений дает основание говорить о том, что в этих отношениях присутствуют как публичные, так и частные интересы. Возникает вопрос. Какие из названных интересов преобладают в правовом регулировании земельных отношений? Или в их регулировании обеспечивается баланс интересов?

Если проанализировать содержание принципов, на которых основывается земельное законодательство, то одни из них устанавливают приоритет публичных интересов. Другие, ориентированы на обеспечение баланса публичных и частных интересов, что, по мнению профессора О.И. Крассова, актуально в условиях существующей частной собственности на землю [6, с. 41]. Но, ни один принцип земельного законодательства не устанавливает приоритет частных (имущественных) интересов, что является вполне логичным. Земля – это, прежде всего, природный объект и природный ресурс, обеспечивающий, в первую очередь, публичные (общественные) интересы. Обратим внимание, что так называемый баланс публичных и частных интересов не означает их паритетность в земельных отношениях. Вернее вести речь не о балансе, а об установлении в законодательстве гарантий соблюдения законных интересов частных собственников и землепользователей при обеспечении публичных интересов. Например, закрепление в Земельном кодексе положения о возмещении рыночной стоимости земельного участка при его изъятии для государственных или муниципальных нужд.

Практически всегда в земельных отношениях (к какой бы из указанных ранее группе отношений они не относились) одной из сторон выступают органы публичной власти или их должностные лица. Это предопределяет, что правовое положение участников земельных правоотношений неравнозначно. Иначе говоря, земельные правоотношения, как правило, выстраиваются на основе власти и подчинения. Более того, неравнозначен правовой статус и самих пользователей земельными участками (собственники, арендаторы, землевладельцы). Поскольку одно лицо может быть собственником земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения, а другое собственником земельного участка из земель населенных пунктов, отнесенного к соответствующей территориальной зоне с установленным параметром разрешенного использования. На регулируемые нормами земельного права отношения оказывается в подавляющем большинстве случаев императивный способ правового воздействия. Земельное право содержит большое количество предписаний, требований, условий, обязанностей, которые предопределяют минимальную автономность собственников и пользователей земельных участков. Право частной собственности на землю не является абсолютным. Свобода собственника по реализации своих правомочий весьма существенно ограничена публичными интересами. Так, правомочие пользования ограничено целевым назначением земель. Названное правомочие может быть ограничено и через механизм резервирования земель для государственных или муниципальных нужд.

Таким образом, в земельном праве преобладают публичные интересы, обуславливающие преимущественно публично-правовой способ регулирования земельных отношений. Соответственно земельное право является отраслью публичного права с элементами частного права регулирования.

Примечания

¹ Из этого общего правила есть исключения, например, в отдельных случаях для обеспечения права граждан на свободный доступ к общедоступному поверхностному водному объекту требуется установление публичного сервитута.

² Обратим внимание. Подавляющая часть земельного фонда России находится в публичной собственности. Так по состоянию на 1 января 2018 года в государственной и муниципальной собственности находилось 92,2 % земельного фонда страны. Соответственно 7,8% приходится на земли, находящиеся в частной собственности (См.: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2017 году. С. 42. // <https://rosreestr.ru> (дата обращения: 23.10. 2019). Также обратим внимание, что на протяжении длительного периода названные цифры остаются на одном уровне, о чем свидетельствуют аналогичные доклады за предыдущие годы. Очевидно, что в обозримой, да и в отдаленной перспективе такое соотношение земель, находящихся в публичной и частной собственности, если и изменится, то незначительно. Для этого есть и соответствующие правовые основания. В соответствии с законодательством доля земель, которые признаны, находящимися в публичной собственности в соответствии с федеральными законами, является подавляющей. Например, только земли лесного фонда (федеральная собственность) составляют 65,8 % от всего земельного фонда. Более того, за 2017 г. площадь земель данной категории даже увеличилась и в основном за счет перевода лесопокрытых земель сельскохозяйственного назначения. (См.: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2017 году. С. 7, 24. // <https://rosreestr.ru> (дата обращения: 23.10. 2019). Перевод же земель лесного фонда в земли населенных пунктов и земли промышленности и иного специального назначения, может способствовать увеличению доли земель, находящихся в частной собственности в очень незначительной части. Единственный значимый ресурс для увеличения доли частных земель – это земли сельскохозяйственного назначения. Однако и они не смогут существенно повлиять на существующее положение дел.

Библиографические ссылки

1. Белов В.А. Гражданское право. Т. 1. Общая часть. Введение в гражданское право : учебник для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2014. Серия : Бакалавр и магистр. Академический курс.
2. Бринчук М.М. Экологическое право в правовой системе // Астраханский вестник экологического образования. № 1 (23). 2013.
3. Теория государства и права : учебник / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев ; под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2011.
4. Сыродоев Н.А. Земельное право. Курс лекций : учебное пособие. М. : Проспект, 2011.
5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28 сент. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 окт. 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44, ст. 4147.
6. Крассов О.И. Земельное право : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: Инфра-М, 2014.
7. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М. : Юристъ, 2001.
8. Козлов Ю.М. Административное право : учебник. М. : Юристъ, 2005.
9. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 июня 2002 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июля 2002 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3018.

10. О землеустройстве: федер. закон Рос. Федерации от 18 июня 2001 г. № 78-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 6 июня 2001 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 26, ст. 2582.
11. Об утверждении Положения о государственном земельном надзоре: postan. Правит. Рос. Федерации от 02 янв. 2015 г. № 1 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 2, ст. 514.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 окт. 1994 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.
13. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 нояб. 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 нояб. 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50, ст. 5278.
14. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 12 апр. 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 мая 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 23, ст. 2381.
15. Червонюк В.И. Теория государства и права : учебник. М. : ИНФРА-М, 2006.
16. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юристь, 2007.

References

1. Belov V.A. Grazhdanskoye pravo. T. 1. Obshchaya chast'. Vvedeniye v grazhdanskoye pravo (The general part. Introduction to civil law), uchebnik dlya bakalavriata i magistratury, 3-ye izd., pererab. i dop. Moscow, Izdatel'stvo Yurayt, 2014. Seriya, Bakalavr i magistr, Akademicheskij kurs.
2. Brinchuk M.M. Ekologicheskoye pravo v pravovoy sisteme (Environmental law in legal system), *Astrakhanskiy vestnik ekologicheskogo obrazovaniya*, No. 1 (23), 2013.
3. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of state and law), uchebnik, A.S. Pigolkin, A.N. Golovistikova, Yu.A. Dmitriyev, pod red. A.S. Pigolkina, Yu.A. Dmitriyeva, 2-ye izd. pererab. i dop., Moscow, Izdatel'stvo Yurayt, 2011.
4. Syrodoyev N.A. Zemel'noye pravo. Kurs lektsiy (Land law. Lecture course: study guide), uchebnoye posobiye. Moscow, Prospekt, 2011.
5. Zemel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 25 oktyabrya 2001 g. No. 136-FZ (The Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 No. 136-FZ), prinyat Gos. Dumoy Feder. Sobr. Ros. Federatsii 28 sent. 2001 g., odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 10 okt. 2001 g., *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2001, No. 44, st. 4147.
6. Krassov O.I. Zemel'noye pravo (Land law), uchebnik, 4-ye izd., pererab. i dop., Moscow, Norma, Infra-M, 2014.
7. Yuridicheskaya entsiklopediya (Legal Encyclopedia), otv. red. B.N. Topornin, Moscow, Yurist", 2001.
8. Kozlov Yu.M. Administrativnoye pravo (Administrative law), uchebnik, Moscow, Yurist", 2005.
9. Ob oborote zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya: feder. zakon Ros. Federatsii ot 24 iyulya 2002 g. No. 101-FZ (On the turnover of agricultural land: Federal law of RF of July 24, 2002 No. 101-FZ), prinyat Gos. Dumoy Feder. Sobr. Ros. Federatsii 26 iyunya 2002 g., odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 10 iyulya 2002 g., *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2002, No. 30, st. 3018.
10. O zemleustroytve: feder. zakon Ros. Federatsii ot 18 iyunya 2001 g. No. 78-FZ (On land management: Federal law of RF of June 18, 2001 No. 78-FZ), prinyat Gos. Dumoy Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24 maya 2001 g.: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 6 iyunya 2001 g., *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2001, No. 26, st. 2582.
11. Ob utverzhdenii Polozheniya o gosudarstvennom zemel'nom nadzore: postan. Pravit. Ros. Federatsii ot 02 yanv. 2015 g. No. 1 (On approval of the Regulation on state land supervision: Ruling of the Government of the Russian Federation from January 02 2015, No. 1), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2015, No. 2, st. 514.
12. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' pervaya ot 30 noyabrya 1994 g. No. 51-FZ (Civil Code of the Russian Federation. Part One of November 30, 1994 No. 51-FZ), prinyat Gos. Dumoy Feder. Sobr. Ros. Federatsii 21 okt. 1994 g., *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 1994, No. 32, st. 3301.

13. Lesnoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 4 dekabrya 2006 g. No. 200-FZ (Forest Code of the Russian Federation of December 4, 2006 No. 200-FZ), prinyat Gos. Dumoy Feder. Sobr. Ros. Federatsii 8 noyab. 2006 g., odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24 noyab. 2006 g., *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2006, No. 50, st. 5278.
14. Vodnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 3 iyunya 2006 g. No. 74-FZ (The Water Code of the Russian Federation of June 3, 2006 No. 74-FZ), prinyat Gos. Dumoy Feder. Sobr. Ros. Federatsii 12 apr. 2006 g., odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 12 maya 2006 g., *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2006, No. 23, st. 2381.
15. Chervonyuk V.I. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of state and law), uchebnyk, Moscow, INFRA-M, 2006.
16. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva (General theory of law and tstate), uchebnyk, pod red. V.V. Lazareva, 4-ye izd., pererab. i dop., Moscow, Yurist", 2007.

Дата поступления: 11.10.2019

Received: 11.10.2019

УДК 349. 6

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**LEGAL REGULATION OF THE
POWERS OF LOCAL SELF-
GOVERNMENTS TO ENSURE
ENVIRONMENTAL SAFETY**

УСМАНОВА Резида Минияровна

*доктор юридических наук, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала БашГУ г. Стерлитамак, Россия.
E-mail: rezidausmanova@yandex.ru*

USMANOVA Rezida Miniyrovna

*Doctor of Law, Dean of the Law Faculty of the Sterlitamak Branch of the Bashkir State University, Sterlitamak, Russia.
E-mail: rezidausmanova@yandex.ru*

В статье раскрываются полномочия органов местного самоуправления по обеспечению экологической безопасности. Данные полномочия органами местного самоуправления исполняются в соответствии с принципом обязательного участия органов местного самоуправления в охране окружающей среды. Автор приходит к выводу, что органы местного самоуправления не могут быть отстранены от полномочий в этой области, не могут отказаться от соответствующих прав и обязанностей. Для решения задач в области обеспечения экологической безопасности принимаются различные муниципальные правовые акты, среди которых особая роль отводится муниципальным программам по охране окружающей среды, которые являются одним из основных инструментов реализации Стратегии экологической безопасности РФ. В статье проведен анализ ряда из них, в которых обозначаются различные мероприятия по обеспе-

The paper reveals the powers of local self-governments to ensure environmental safety. These powers are exercised by local governments in accordance with the principle of mandatory participation of local self-governments in environmental protection. The author concludes that local self-governments cannot be removed from their powers in this area; they cannot renounce their respective rights and obligations. In order to solve problems in the field of environmental safety, various municipal legal acts are adopted, among which a special role is given to municipal programs for environmental protection, which are one of the main tools for the implementation of the Environmental Safety Strategy of the Russian Federation. The paper analyzes a number of them, which indicate various measures to ensure the quality of water, air, environmental education and upbringing. At the same time, violations in implementation of these programs revealed by

чению качества вод, атмосферного воздуха, экологического просвещения и воспитания. Вместе с тем рассмотрены и нарушения в реализации данных программ, выявленных органами прокуратуры РФ. Отмечено, что вместе с органами государственной власти органы местного самоуправления призваны обеспечить достижение показателей, которые определены Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, Основами государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегией экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. И только при согласованном их участии можно достичь сбалансированного решения экологических задач, сохранения благоприятной окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Ключевые слова: экологическая безопасность, местное самоуправление, муниципальные программы, окружающая среда, полномочия, закон.

bodies of Prosecutor's office of the Russian Federation are considered. It is noted that local self-governments along with state authorities are meant to ensure achieving the indicators defined by the National Security Strategy of the Russian Federation, Fundamentals of the State Policy in the Field of Environmental Development of the Russian Federation for the Period up to 2030, Strategy of Environmental Safety of the Russian Federation for the Period up to 2025. Only with their coordinated participation, it is possible to achieve a balanced solution to environmental problems, preserve a favorable environment and ensure environmental safety.

Key words: environmental safety, local self-government, municipal programs, environment, powers, law.

Государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности способствует реализации стратегических национальных приоритетов, среди которых особое место отводится экологической безопасности. Сама экологическая безопасность может трактоваться как право человека на благоприятную окружающую среду, от которой зависит качество жизни населения. Ведь именно неблагоприятная окружающая среда влияет на генофонд населения, является причиной ухудшения здоровья и повышения смертности населения. Отсюда, актуальным является оценка связей между качеством окружающей среды и конкретными полномочиями органов публичной власти по ее обеспечению.

Обеспечение благоприятной окружающей среды является задачей не только органов государственной власти РФ и субъектов РФ, но и задачей органов местного самоуправления. Особенность заключается в том, что отношения в этой сфере регулируются не общим законом об охране окружающей среды, а нормами, которые содержатся в различных отраслевых законах. Для должного осуществления полномочий, органы местного самоуправления принимают собственные муниципальные правовые акты. В этих актах, содержатся конкретные права и обязанности в сфере охраны атмосферного воздуха, охраны водных объектов, закрепляются мероприятия в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения и правил обращения с отходами в муниципальном образовании.

Отметим, охрана окружающей среды, отмечена в качестве одного из направлений Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. Непосредственные задачи по обеспечению благоприятной окружающей среды определены Стратегией экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г., Государственной программой Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 гг.

Вопрос о качестве окружающей среды важен в принципе для всех муниципальных образований РФ. В одних размещены промышленные объекты, в других имеются проблемы с обеспечением качественной питьевой водой, в третьих, находятся различного рода свалки с отходами. Нам в данной работе хотелось бы остановиться на ряде полномочий органов местного самоуправления по обеспечению экологической безопасности в муниципальных образованиях.

В самой стратегии экологической безопасности уделяется внимание качеству вод и водных объектов. Во многих муниципальных образованиях качество вод формируется под влиянием сточных вод предприятий жилищно-коммунального хозяйства, предприятий различных отраслей экономики, а также смывов с территорий предприятий, сельхозугодий и населенных пунктов. Водные объекты подвергаются антропогенной и техногенной нагрузке в различной степени интенсивности. Это, в основном, связано с продолжающимся сбросом в водные объекты промышленных и бытовых сточных вод, а также с поступлением загрязнителей с ливневыми сточными водами.

В Водном кодексе РФ за органами местного самоуправления закреплены полномочия по осуществлению мер по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий. В связи с этим, в муниципальных образованиях принимаются свои акты, такие как: муниципальные программы по охране окружающей среды, постановления администраций, решения представительных органов. Так, например, в Альметьевском муниципальном районе Республики Татарстан 21 августа 2017 г. утверждена муниципальная экологическая программа «Охрана окружающей среды Альметьевского муниципального района на 2017-2020 годы», а в городском округе город Стерлитамак Республики Башкортостан было принято Постановление администрации от 25.03.2016 г. № 566 которым был утвержден перечень природоохранных мероприятий на период с 2016-2018 гг., а правилами благоустройства г. Стерлитамак, утвержденными представительным органом в целях обеспечения качества воды, закреплены нормы, запрещающие мыть автомобили в водоемах города.

Как нам кажется, определенная роль в муниципальных образованиях должны решать и муниципальные предприятия водоканал, которые обеспечивают решение вопроса с износом водопроводных сетей. Тем не менее, муниципальные унитарные предприятия не принимают должных мер по поддержанию надлежащего состояния водопроводных сетей, органы местного самоуправления не исполняют своих полномочий. Например, официальный представитель генеральной прокуратуры РФ Александр Куренной сообщил, что в РФ не соблюдается законодательство о водоснабжении и водоотведении. В результате работы за 2019 год только удалось выявить почти 200 тысяч нарушений в деятельности органов местного самоуправления [1].

Одной из приоритетных задач, определенной стратегией экологической безопасности является обеспечение безопасного состояния атмосферного воздуха в муниципальных образованиях. Во многих городских округах, особенно в тех которые являются центрами субъектов РФ, наблюдаются неблагоприятные факторы, способствующие накоплению выбросов промпредприятий и транспорта в атмосферном воздухе города, такие как: плотность застройки, недостаточная проветриваемость жилой зоны города; наличие промышленных объектов.

В соответствии с Федеральным законом № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», собственных полномочий в данной сфере у органов местного самоуправления нет. Они лишь могут наделяться отдельными государственными полномочиями в области охраны атмосферного воздуха. Видимо, с этим связано, что во многих муниципальных программах, связанных с охраной окружающей среды среди мероприятий лишь: 1) озеленение территорий; 2) проведение субботников, акций, биотехнических мероприятий посвященных экологическим датам; 3) защита окружающей среды от различного рода отходов. Тем не менее, анализ закона № 96-ФЗ показывает что, имеются и такие полномочия как организация работы по регулированию выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в периоды неблагоприятных метеорологических условий, а также организация государственного мониторинга атмосферного воздуха.

У органов местного самоуправления есть обязанность и по благоустройству и озеленению муниципальных образований. Данные полномочия реализуются на основании Правил благоустройства муниципального образования. Между тем, практика деятельности ряда муниципальных образований показывает, что нередко органы местного самоуправления уклоняются от этих обязанностей. Так, Прокуратура Вачского района Нижегородской области в ходе проверки выявила, что в нарушение требований закона на территории большинства муниципальных образований отсутствуют нормативные акты, регулирующие правоотношения в сфере разработки и ведения перечня резервных участков для выполнения компенсационного озеленения в натуральной форме.

Как уже было отмечено выше на состояние окружающей среды, а именно на состояние почв, атмосферного воздуха оказывают влияние и ряд негативных факторов, связанных с отходами, которые имеют место быть в муниципальных образованиях. Безусловно, в районах расположения полигонов захоронения отходов постоянно осуществляется мониторинг, который включает и осуществление контроля за санитарным состоянием почв. Верно, отмечено Ю.С. Друговым что, значительный вклад в загрязнение почвы вносят бытовые и промышленные свалки, где скапливаются отходы, опасные для живых организмов и растений [2].

В муниципальном образовании могут иметь место различные отходы: промышленные, твердые коммунальные отходы, биологические отходы. Примечательно, что собственных полномочий у органов местного самоуправления по обращению с промышленными отходами нет. Актами субъектов РФ могут вменяться различные полномочия органам местного самоуправления по обращению с промышленными отходами. Так, в Башкирии Республиканской целевой программой «Совершенствование системы управления промышленными отходами на территории Республики Башкортостан» 2013–2020 гг., рекомендовано администрациям муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан: принять программы совершенствования системы управления промышленными отходами на 2013–2020 гг. и оказывать содействие в развитии переработки отходов.

Анализ законодательства, позволяет нам утверждать, что имеются закрепленные полномочия у органов местного самоуправления по обращению с твердыми коммунальными отходами. И решение вопроса с ними на сегодняшний день является не менее актуальным. Это доказывается разработкой паспорта приоритетного проекта «Снижение негативного воздействия на окружающую среду посредством ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде и снижения доли захоронения твердых коммунальных отходов» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 21.12.2016, № 12).

Сами же полномочия определены ст. 8 Федерального закона 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». В муниципальных программах, среди мероприятий обозначены такие как: проведение субботников по санитарной очистке территории муниципального образования; ликвидация стихийных несанкционированных свалок; установка урн; обустройство специализированных площадок с установкой контейнеров для сбора бытовых отходов и др.

Будем надеяться, что проблема с отходами может быть решена путем реализации приоритетных проектов, посредством внедрения муниципального контроля над обращением с отходами в муниципальном образовании, совместной работы экологических служб предприятий и муниципальной власти, использования системы переработки отходов, совершенствование нормативной базы субъектов РФ.

Стоит отметить и то, что среди угроз экологической безопасности в стратегии отмечено и сокращение видового разнообразия животного мира и численности популяций редких видов животных, сокращение количества видов растений, низкий уровень экологического образования и экологической культуры населения. В целях реализации стратегии экологической безопасности в муниципальных программах также намечены ряд мероприятий для

стабилизации ситуаций в указанных сферах. Так, в Муниципальной программе в области охраны окружающей среды и экологической безопасности на территории Бикинского муниципального района Хабаровского края на 2015-2020 гг., указаны мероприятия по экологическому воспитанию и просвещению населения Бикинского муниципального района. А в муниципальной программе природоохранных мероприятий оздоровления экологической обстановки в Катав-Ивановском муниципальном районе Челябинской области на 2018-2021 гг. обозначены мероприятия по охране, воспроизводству и рациональному использованию объектов водных биологических ресурсов, растительного и животного мира, отлову безнадзорных животных. Как видим, органы местного самоуправления, в целях и реализации стратегий, закона о животном мире, закона о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов, принимают собственные муниципальные правовые акты, в которых ставят перед собой необходимые для разрешения задачи.

Таким образом, анализ полномочий органов местного самоуправления по обеспечению экологической безопасности привел нас к следующим выводам:

1. Отсутствует отдельный нормативно-правовой акт, в котором определяются полномочия органов местного самоуправления по обеспечению экологической безопасности;

2. В различных нормативно-правовых актах, затрагивающих сферу охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, как правило, отсутствуют собственные полномочия органов местного самоуправления. Органы местного самоуправления лишь наделяются государственными полномочиями в указанной сфере. Однако в отдельных областях имеются и собственные полномочия, например в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами;

3. Полномочия органов местного самоуправления по обеспечению экологической безопасности это одновременно их и право, и обязанность своевременно реализовывать вопросы местного значения в сфере охраны окружающей среды, а также осуществлять отдельные государственные полномочия в этой сфере, передаваемые им в установленном законом порядке;

4. Обязанность по обеспечению экологической безопасности возложена на органы государственной власти. Однако, органов государственной власти на местном уровне, подконтрольных гражданам, проживающим на местах, в нашей стране вовсе нет. Поэтому заслуживает внимания рассуждения проф. Ф.М. Раянова о предоставлении статуса института гражданского общества объединению граждан, образующих местное самоуправление. В частности, Ф.М. Раянов пишет: «Формирующее на основе общественного договора объединение людей, в целях учреждения государственной власти, по Локку, как раз и является гражданским обществом. Формируемое таким образом гражданское общество не может не быть правовым обществом, т.к. люди в гражданском состоянии, в отличие от естественного состояния, не могут обходиться без правовых регуляторов. Государственная власть, учрежденная гражданским обществом на основании общественного договора (позднее конституции общества), не может не быть правовым государством» [3, с. 152].

В целом, одним из инструментов реализации Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. является муниципальная программа, в которых обозначаются различные мероприятия по охране окружающей среды. Указано, что эти мероприятия проводятся в муниципальных образованиях в основном за счет государственного бюджета, и при участии местного бюджета и внебюджетных средств

Однако как показывает надзорная практика органов прокуратуры, имеются в муниципальных образованиях нарушения по реализации данных муниципальных программ. Так Ольхонская межрайонная природоохранная прокуратура Иркутской области выявила нарушения на территориях Ольхонского, Качугского и Баяндаевского районах, где муниципальные программы не предусматривают финансовое обеспечение реализации мероприятий, направленных на улучшение состояния окружающей среды поселений, либо его размер явно

недостаточен. Большинство муниципальных программ не содержат сведений о проведении мероприятий по охране окружающей среды, фактически не исполняются и не эффективны. В Республике Тыва прокурором Овюрского района, кроме отсутствия финансирования программы «Охрана окружающей среды на 2016–2018 годы», выявлено непринятие мер по ее приведению в соответствие с местным бюджетом, отсутствие оценки эффективности ее реализации в 2016 г. В ряде муниципальных образований не проводились муниципальные программы финансовой экспертизы органами финансового муниципального, что свидетельствует о ненадлежащем исполнении муниципальными органами требований бюджетного законодательства и реализации полномочий по расходованию средств муниципального бюджета.

В любом случае, несмотря на такие негативные примеры, органы местного самоуправления в целях обеспечения экологической безопасности осуществляют определенные полномочия, которые исполняются ими в соответствии с принципом обязательного участия органов местного самоуправления в охране окружающей среды. Вместе с органами государственной власти они призваны обеспечить достижение показателей, которые определены Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, Основами государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., Стратегией экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.

Библиографические ссылки

1. Прокуроры выявили сотни тысяч нарушений при обеспечении россиян водой [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/russia/prokurory-vyyavili-sotni-tysyach-narushenij-pri-obespechenii-rossiyan-vodoj> (дата обращения: 25.11.2019).
2. Другов Ю.С. Анализ загрязненной почвы и опасных отходов : практическое руководство. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013.
3. Раянов Ф.М. От земства к гражданскому обществу: современное государственно-правовое измерение местного самоуправления // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 151-153.

References

1. Prokurory vyyavili sotni tysyach narusheniy pri obespechenii rossiyan vodoy (Prosecutors revealed hundreds of thousands of violations in providing Russians with water). URL: <https://news.ru/russia/prokurory-vyyavili-sotni-tysyach-narushenij-pri-obespechenii-rossiyan-vodoj> (accessed date: 25.11.2019).
2. Drugov Yu.S. Analiz zagryaznennoy pochvy i opasnykh otkhodov (Analysis of contaminated soil and hazardous waste), prakticheskoye rukovodstvo. Moscow, BINOM, Laboratoriya znaniy, 2013.
3. Rayanov F.M. Ot zemstva k grazhdanskomu obshchestvu: sovremennoye gosudarstvenno-pravovoye izmereniye mestnogo samoupravleniya (From Zemstvo to civil society: the modern state law dimension of local self-government), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2014, No. 3 (37), pp. 151-153.

Дата поступления: 18.10.2019

Received: 18.10.2019

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 343.1

**К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНЫХ
СТАНДАРТАХ ПРАВОСУДИЯ
ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

ГАБДРАШИТОВА Венера Рауилевна
*старший преподаватель кафедры уголовного
права и процесса Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: venya_ip@icloud.com*

Статья посвящена установленным международными правовыми актами гарантиям защиты прав несовершеннолетних при осуществлении правосудия по уголовному делу. Рассматривается понятие международного стандарта, анализируются международные правовые акты, касающиеся правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних. Делается вывод о том, что минимальные гарантии защиты прав несовершеннолетних при осуществлении правосудия по уголовному делу в определенной мере учтены российским законодателем. Обращается внимание на то, что многие процессуальные гарантии правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних, предусмотренные международными правовыми документами, не были приняты во внимание в полной мере. Проведенный опрос судей также подтверждает данную точку зрения. Сделан вывод о необходимости дальнейшей законодательной работы по приведению правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних в соответствие с международными стандартами.

Ключевые слова: международный стандарт, правосудие по делам несовершеннолетних, гарантии прав несовершеннолетних, международные стандарты правосудия.

**TO THE ISSUE OF INTERNATIONAL
STANDARDS OF JUVENILE JUSTICE**

GABDRASHITOVA Venera Rauilevna
*Senior Instructor of the Chair of Criminal Law
and Procedure of the Institute of Law of the Fed-
eral State Budgetary Educational Institution of
Higher Education "Bashkir State University",
Ufa, Russia. E-mail: venya_ip@icloud.com*

The paper is devoted to the guarantees established by international legal acts for the protection of the rights of minors in the administration of justice in a criminal case. The concept of an international standard is considered, international legal acts, concerning juvenile justice are analyzed. It is concluded that the minimum guarantees for the protection of the rights of minors in the administration of justice in a criminal case are in some degree taken into account by the Russian legislator. Attention is drawn to the fact that many procedural guarantees of juvenile justice, provided for by international legal instruments, have not been fully taken into account. Judges survey also confirms this point of view. The conclusion is drawn on the need for further legislative work to bring juvenile justice in accordance with international standards.

Key words: international standard, juvenile justice, guarantees of the rights of minors, international standards of justice.

В Конституции РФ заложены основы уголовного процесса – личная неприкосновенность, презумпция невиновности, состязательность сторон и т.д. Все положения Основного закона государства, касающиеся защиты прав и законных интересов граждан, являющихся участни-

ками уголовного судопроизводства, распространяются и на несовершеннолетних подсудимых. Каких-либо особых установлений на их счет Конституция РФ не содержит, за исключением ст.ст. 7 и 38, согласно которым детство находится под защитой государства.

Положения Конституции России (ч. 4 ст. 15), УПК РФ (ч. 3 ст.1) и ч.4 ст. 15 Федерального закона от 24 июля 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», согласно которым при принятии решений по делам несовершеннолетних должностные лица органов государственной власти действуют в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, накладывают на Россию обязательства по выполнению принципов и норм международного права при осуществлении правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних.

При определении международных стандартов правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних необходимо обратиться к понятию «международный стандарт». С.М. Ягофаров полагает, что в понятие «международный стандарт» включаются общепризнанные нормы и принципы международного права, международные договоры и многочисленные документы рекомендательного характера, разработанные в целях эффективной реализации указанных норм и принципов [1, с. 5].

Проводя классификацию международных стандартов прав несовершеннолетних в уголовном процессе, Н.В. Спасивов выделяет обязательные международные акты (международные договоры, обычаи международного права и предписания создаваемых на основе таких договоров международных органов, региональные многосторонние договоры) – Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о правах ребенка, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, и другие, и рекомендательные международные акты (принятые образованными на базе международных договоров органами и на различных конференциях) – Пекинские правила, Эр-Риядские руководящие принципы и другие, подчеркивая, что они конкретизируют общие стандарты, изложенные в международных договорах [2, с. 216].

В Бангкокской декларации особое внимание предложено уделить правосудию по делам несовершеннолетних и рассмотреть пути обеспечения такого порядка, в котором при оказании помощи детям, находящимся в конфликте с законом, были бы учтены их пол, социальные обстоятельства и потребности в области развития, а также соответствующие нормы и стандарты Организации Объединенных Наций [3, с. 172].

Отмечается также, что в силу физической и умственной незрелости ребенок нуждается в специальной заботе и охране, включая надлежащую правовую защиту [4; 5, с. 317]. Ребенком при этом признается не достигшее возраста восемнадцати лет каждое человеческое существо, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее [5, с. 317].

Таким образом, международными актами устанавливаются следующие минимальные гарантии защиты прав несовершеннолетних при осуществлении правосудия.

1. Необходимость учитывать возраст и особенности подростков. В соответствии с положениями Международного Пакта «О гражданских и политических правах», Конвенции о правах ребенка и Пекинских правил, при отправлении правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних важно учитывать их возраст и желательность содействия перевоспитанию [6, с. 57; 5, с. 328; 7, с. 297].

В международных актах говорится также о том, что данный принцип – учета возраста и уровня развития несовершеннолетнего может повлечь необходимость изменения процедуры судебного заседания либо создания системы правосудия по делам преступлениях несовершеннолетних [8].

2. Необходимость осуществления дополнительных мероприятий, направленных на защиту прав и законных интересов ребенка, в том числе тех, которые обеспечивают полноценное участие несовершеннолетнего в судебных процессах.

В соответствии с международными правовыми документами первостепенное значение должно уделяться обеспечению наилучших интересов несовершеннолетнего [7, с. 304]. Во всех действиях, касающихся детей, предпринимаемых судами, наилучшим интересам ребенка должно уделяться первостепенное значение [5, с. 317].

Комитет ООН по правам ребенка рекомендовал России активизировать усилия по интеграции общего принципа обеспечения наилучших интересов ребенка во всех законодательных актах, судебных и административных решениях и в программах, проектах, и услугах, касающихся детей [9].

3. Необходимость учитывать положения международных стандартов, в соответствии с которыми само участие несовершеннолетнего судебном разбирательстве может причинять ему ущерб. Обращение с несовершеннолетним должно строиться с учетом уважения его правового статуса [7, с. 300].

Конвенцией о правах ребенка также признается право каждого ребенка, нарушившего уголовное законодательство, обвиняемого или признанного виновным в его нарушении, на обращение, способствующее развитию чувства личного достоинства и значимости, укрепляющее уважение к правам и основным свободам человека [5, с. 328].

В Руководящих принципах в отношении действий в интересах детей в системе уголовного правосудия говорится о необходимости отражения в полном объеме стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области правосудия по делам несовершеннолетних в национальном законодательстве, в частности, путем создания системы правосудия в отношении несовершеннолетних, ориентированной на защиту интересов несовершеннолетних и гарантирующей их права, содействующей развитию чувства личного достоинства и самоуважения [10].

Все указанные выше принципы в определенной мере учтены российским законодателем, однако многие процессуальные гарантии правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних, предусмотренные международными правовыми документами, не были приняты во внимание в полной мере.

В УПК РФ не в полной мере реализовано право несовершеннолетнего на конфиденциальность при отправлении правосудия [7, с. 299; 8], в УПК России не отражены такие процессуальные гарантии, как право несовершеннолетнего на очную ставку со свидетелями и их перекрестный допрос [7, с. 299]. Также в УПК РФ не в полной мере реализовано международное правовое положение, касающееся участия родителей или законных опекунов несовершеннолетних в судебных разбирательствах [7, с. 299].

Международными актами подчеркивается важность полного и эффективного применения всех стандартов Организации Объединенных Наций в области прав человека при отправлении правосудия [11, с. 309]. В связи с чем, Комитет Организации Объединенных Наций по правам ребенка рекомендовал России обеспечить полное соблюдение норм отправления правосудия в отношении несовершеннолетних [9].

Проведенное нами анкетирование судей показало следующие результаты. При ответе на вопрос: «На Ваш взгляд, соответствует ли уголовный процесс России всем международно-правовым стандартам правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних?», только 22% ответили положительно, 12% – отрицательно, 62% респондентов считают, что он соответствует не в полной мере, и 4% затруднились с ответом.

Поэтому, на наш взгляд, необходима дальнейшая законодательная работа по приведению правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних в соответствие с международными стандартами.

Библиографические ссылки

1. Ягофаров С.М. Международные стандарты по правам человека в сфере российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005.
2. Спасивов Н.В. Классификация международных стандартов прав несовершеннолетних участников уголовного процесса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2 (97). С. 215-219.
3. Бангкокская декларация «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия». Принята 18-25 апреля 2005 г. // Международные акты по вопросам уголовного судопроизводства : хрестоматия. В 3-х т. Т. II. Документы ООН / сост. З.Д. Еникеев, Л.М. Аширова, Е.Г. Васильева, Е.В. Ежова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2007. С. 163-172.
4. Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 11.10.2019).
5. Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Международные акты о правах человека : сборник документов / сост. д.ю.н., проф. В.А. Карташкин, д.ю.н., проф. Е.А. Лукашева. 2-е изд., доп. М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2002. С. 316-333.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Международные акты о правах человека : сборник документов / сост. д.ю.н., проф. В.А. Карташкин, д.ю.н., проф. Е.А. Лукашева. 2-е изд., доп. М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. С. 52-67.
7. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») от 10 декабря 1985 г. // Международные акты о правах человека : сборник документов / сост. д.ю.н., проф. В.А. Карташкин, д.ю.н., проф. Е.А. Лукашева. 2-е изд., доп. М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. С. 294-315.
8. Замечание общего порядка №10 (2007) «Права детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних». Принято на сорок четвертой сессии Комитета ООН по правам ребенка 25 апреля 2007 г. // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 4 (13). С. 50-64.
9. Заключительные замечания Комитета ООН по правам ребенка: Российская Федерация. Приняты на сороковой сессии (Женева, сентябрь 2005 г.) // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 1 (6) [Электронный ресурс]. URL: <http://juvenjust.org/index.php?showtopic=184> (дата обращения 11.10.2019).
10. Руководящие принципы в отношении действий в интересах детей в системе уголовного правосудия (Приложение к Резолюции 1997/30 Экономического и Социального Совета от 21 июля 1997 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/pdf/compendium/compendium_2006_ru_part_01_02.pdf (дата обращения 11.10.2019).
11. Резолюция Комиссии ООН по правам человека от 23 апреля 2002 г. «О правах человека при отправлении правосудия, в частности правосудия в отношении несовершеннолетних» // Международные акты по вопросам уголовного судопроизводства : хрестоматия. В 3-х т. Т. II. Документы ООН / сост. З.Д. Еникеев, Л.М. Аширова, Е.Г. Васильева, Е.В. Ежова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2007. С. 307-313.

References

1. Yagofarov S.M. Mezhdunarodnyye standarty po pravam cheloveka v sfere rossiyskogo ugovolnogo sudoproizvodstva (International human rights standards in the field of Russian criminal proceedings), avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2005.
2. Spesivov N.V. Klassifikatsiya mezhdunarodnykh standartov prav nesovershennoletnikh uchastnikov ugovolnogo protsesssa (Classification of international standards of the rights of minor partici-

pants in the criminal process). *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2014, No. 2 (97), pp. 215-219.

3. Bangkokskaya deklaratsiya «Vzaimodeystviye i otvetnyye mery: strategicheskiye soyuzy v oblasti preduprezhdeniya prestupnosti i ugolovnoy pravosudiy». Prinyata 18-25 aprelya 2005 g. (Bangkok Declaration, “Interaction and Response: Strategic Unions in Crime Prevention and Criminal Justice”. Adopted on April 18-25, 2005). *Mezhdunarodnyye akty po voprosam ugolovnoy sudoproizvodstva*, khrestomatiya. V 3-kh t. T. II. Dokumenty OON, sost. Z.D. Yenikeev, L.M. Ashirova, Ye.G. Vasil'yeva, Ye.V. Yezhova. Ufa, RITS BashGU, 2007, pp. 163-172.

4. Deklaratsiya prav rebenka ot 20 noyabrya 1959 goda (The Declaration of the Rights of the Child of November 20, 1959). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (accessed date: 11.10.2019).

5. Konventsiya OON o pravakh rebenka ot 20 noyabrya 1989 g. (UN Convention on the Rights of the Child of November 20, 1989). *Mezhdunarodnyye akty o pravakh cheloveka: sbornik dokumentov*, sost. d.yu.n., prof. V.A. Kartashkin, d.yu.n., prof. Ye.A. Lukasheva. 2-ye izd., dop. Moscow, Izdatel'stvo NORMA (Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA M), 2002, pp. 316-333.

6. Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh ot 16 dekabrya 1966 g. (International Covenant on Civil and Political Rights of December 16, 1966). *Mezhdunarodnyye akty o pravakh cheloveka : sbornik dokumentov*, sost. d.yu.n., prof. V.A. Kartashkin, d.yu.n., prof. Ye.A. Lukasheva. 2-ye izd., dop. Moscow, Izdatel'stvo NORMA (Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA·M), 2002, pp. 52-67.

7. Minimal'nyye standartnyye pravila Organizatsii Ob"yedinennykh Natsiy, kasayushchiye-sya otpravleniya pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh («Pekinskiye pravila») ot 10 dekabrya 1985 g. (The United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (“Beijing Rules”) of December 10, 1985). *Mezhdunarodnyye akty o pravakh cheloveka : sbornik dokumentov*, sost. d.yu.n., prof. V.A. Kartashkin, d.yu.n., prof. Ye.A. Lukasheva. 2-ye izd., dop. Moscow, Izdatel'stvo NORMA (Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA·M), 2002, pp. 294-315.

8. Zamechanie obshchego porvyadka №10 (2007) «Prava detey v ramkakh otpravleniya pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh». Prinyato na sorok chetvertoy sessii Komiteta OON po pravam rebenka 25 aprelya 2007 g. (General comment No. 10 (2007) “Children's rights in the framework of the administration of juvenile justice”. Adopted at the forty-fourth session of the UN Committee on the Rights of the Child on April 25, 2007). *Voprosy yuvenal'noy yustitsii*, 2007, No. 4 (13), pp. 50-64.

9. Zaklyuchitel'nyye zamechaniya Komiteta OON po pravam rebenka: Rossiyskaya Federatsiya. Prinyaty na sorokovoy sessii (Zheneva, sentyabr' 2005 g.) (Concluding observations of the UN Committee on the Rights of the Child: Russian Federation. Adopted at the fortieth session (Geneva, September 2005). *Voprosy yuvenal'noy yustitsii*, 2006, No. 1 (6). URL: <http://juvenjust.org/index.php?showtopic=184> (accessed date: 11.10.2019).

10. Rukovodyashchiye printsipy v otnoshenii deystviy v interesakh detey v sisteme ugolovnoy pravosudiya (Prilozheniye k Rezolyutsii 1997/30 Ekonomicheskogo i Sotsial'nogo Soveta ot 21 iyulya 1997 g.) (Guidelines for action for children in the criminal justice system (Annex to Economic and Social Council Resolution 1997/30 of July 21, 1997). URL: https://www.unodc.org/pdf/compendium/compendium_2006_ru_part_01_02.pdf (accessed date: 11.10.2019).

11. Rezolyutsiya Komissii OON po pravam cheloveka ot 23 aprelya 2002 g. «O pravakh cheloveka pri otpravlenii pravosudiya, v chastnosti pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh» (Resolution of the UN Commission on Human Rights of April 23, 2002 “On human rights in the administration of justice, in particular juvenile justice”). *Mezhdunarodnyye akty po voprosam ugolovnoy sudoproizvodstva*, khrestomatiya. V 3-kh t. T. II. Dokumenty OON, sost. Z.D. Yenikeev, L.M. Ashirova, Ye.G. Vasil'yeva, Ye.V. Yezhova. Ufa, RITS BashGU, 2007, pp. 307-313.

Дата поступления: 16.10.2019

Received: 16.10.2019

УДК 341.21

**К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОЙ
ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ
СЛОЖНЫХ ГОСУДАРСТВ
(НА ПРИМЕРЕ СССР)****ЕЛИЗАРОВ Михаил Владимирович**

*кандидат философских наук, доцент кафедры
международного права и международных
отношений Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: mikeufa@yandex.ru*

В 1944 г. были приняты поправки к Конституции СССР 1936 г. Они предоставили советским союзным республикам право вступать в прямые отношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями. Эта реформа была направлена на обеспечение более широкого представительства Советского Союза в будущей Организации Объединенных Наций за счёт вступления в неё Украинской и Белорусской ССР. Не менее важной причиной реформы 1944 г. явилась попытка возродить политическую ситуацию, имевшую место до 1922 г., когда советские республики являлись, по сути, суверенными государствами и проводили собственную внешнюю политику. Придав советской федеративной системе черты конфедерации, конституционные поправки 1944 г. дали толчок процессам постепенного обособления союзных республик в составе СССР и сыграли немалую роль в политических дебатах и национальном вопросе конца 1980-х гг.

Ключевые слова: СССР, союзные республики, федеративное устройство, внешние сношения, советская конституция, международные соглашения, международная правосубъектность, распад СССР.

**TO THE ISSUE OF INTERNATIONAL
LEGAL PERSONALITY OF COMPLICATED
SYSTEMS OF GOVERNMENT
(THE CASE OF THE USSR)****YELIZAROV Mikhail Vladimirovich**

*Candidate of Sciences (Philosophy), Assistant
Professor of the Chair of International Law and
International Relations of the Institute of Law of
the Federal State Budgetary Educational Institu-
tion of Higher Education "Bashkir State Univer-
sity", Ufa, Russia. E-mail: mikeufa@yandex.ru*

In 1944, amendments to the 1936 Constitution of the USSR were adopted that granted the soviet republics the right to establish direct contacts with foreign countries, to conclude agreements with them and exchange diplomatic and consular representatives. This reform was aimed at improving the representation of the Soviet Union in the future United Nations by admitting the Ukrainian and Belarusian Soviet Republics to its membership. Another equally important reason for the amendments of 1944 was the attempt to revive the political situation that had taken place before 1922, when the soviet republics were in fact sovereign states having their own foreign policy. By giving the soviet federative structure some features of confederation, the constitutional amendments of 1944 began the processes of gradual internal disintegration within the Soviet Union and played a significant role in the political debate and the national question of the late 1980s.

Key words: USSR, republics of the Soviet Union, federative structure, foreign relations, Constitution of the Soviet Union, international agreements, international legal personality, dissolution of the Soviet Union.

После создания Организации Объединённых Наций (ООН) в 1945 г. СССР получил в ней статус полноправного члена. Но за год до этого события на Вашингтонской конференции представителей внешнеполитических ведомств США, СССР и Великобритании, советский дипломат Андрей Громыко поднял вопрос о том, чтобы членами ООН стали все шестнадцать

союзных республик. Важным аргументом в этом вопросе было членство британских доминионов и колониальной Индии в Лиге Наций с 1919 г. Это заявление естественно вызвало протест западных стран, и президент Рузвельт выдвинул встречное требование о том, чтобы членами ООН стали все 48 штатов США.

Компромисс, в конечном счёте, был найден и полноправными членами ООН становятся Украинская и Белорусская Советские Социалистические Республики. Сталин выбрал эти республики по двум причинам: во-первых, они были братскими славянскими народами, а во-вторых, они сильнее всего пострадали во время Великой Отечественной войны. В итоге СССР получил три полноценных голоса в Генеральной Ассамблее ООН.

Сталин опасался, что если СССР будет представлен в ООН как единое государство, то его позиции в ней будут крайне слабы – всего один голос. В этой связи в срочном порядке всем союзным республикам планировалось предоставить атрибуты государственности, а конкретно – возможность иметь собственные министерства иностранных дел и обороны.

Для реализации этой задачи 27 января 1944 г. на пленуме ЦК ВКП(б) Народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Молотов выступил с торжественной речью, в которой объявил, что «мы планируем предоставить союзным республикам право устанавливать прямые дипломатические отношения с иностранными государствами и подписывать с ними договоры» [1, с. 2-3].

На основании данной инициативы, 1 февраля 1944 г. Верховным Советом СССР был принят Закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский» [7, с. 29]. Ранее сфера иностранных дел и оборона, согласно ст. 14 Конституции 1936 г., находились в исключительном ведении высших органов власти СССР [5]. Однако Молотов полагал, что теперь ситуация изменилась, так как мобилизация в годы Великой Отечественной войны значительно повысила статус союзных республик.

Реформа 1944 г. превращала СССР в конфедерацию, аналогичную той, которую в 1923 г. на двенадцатом съезде партии предлагали И.И. Яковлев и В.И. Скрипник и отвергнутую Сталиным. «...Мы создаём не конфедерацию, – говорил Сталин в 1923 г., – а федерацию республик» [11, с. 336].

При реализации поправок 1944 г. учитывались возможные риски. Сталин понимал, что реформа могла повлечь за собой усиление сепаратистских настроений в союзных республиках, что, в случае острого политического кризиса, грозило дезинтеграцией союзного государства.

Реформа 1944 г. позволяла возродить политическую ситуацию, имевшую место до 1922 г., когда советские республики являлись, по сути, суверенными государствами и проводили собственную внешнюю политику, несмотря на некоторую степень экономической и идеологической зависимости от РСФСР [1, с. 9-11]. Республики имели договорные отношения с соседними государствами, такими как Турция, Польша и страны Балтии. При этом особенно интенсивными дипломатические отношения были между самими республиками.

Успехи Красной Армии и последовательное расширение советской власти в 1919-1921 гг. юридически вылилось не столько в аннексию новых территорий, сколько в создание формально независимых республик. Каждая новая советская республика немедленно признавалась другими республиками полноправным членом федеративного сообщества.

Большевики отказались от политической концепции унитаризма, взятой на вооружение в Версальской Европе. Они использовали принципы автономии, федерации и конфедерации. На этой почве устанавливались тесные контакты периферийных советских республик с соседними несоциалистическими странами, в частности, Украина и Белоруссия активно взаимодействовали с Восточной Польшей.

По отношению к СССР зарубежные страны разделились на два лагеря: одни из них хотели заключать международные соглашения только с РСФСР, другие же рассматривали со-

ветские республики независимыми суверенными государствами и заявляли о своей готовности налаживать международные контакты непосредственно с ними. В частности, турки, требовавшие от советских дипломатов во время московских переговоров в марте 1921 г. суверенитета для кавказских республик, пытались подписать соглашения с каждой из них, но безуспешно [6, с. 1].

Даже после своего образования в 1922 г. СССР был далёк от распространённого на Западе образа «тюрьмы народов». Ранний СССР – это скорее сообщество сателлитов, связанных с Москвой не только дипломатическими, но и партийными связями. Данная система подчинённости ознаменовала собой становление ни на что не похожей практики политической власти, которая отвергла многие традиционные инструменты государства.

Такая ситуация не могла продолжаться слишком долго и в начале 1920-х гг. Г.В. Чичерин, занимавший в те годы пост наркома иностранных дел, заговорил о необходимости уточнения характера отношений между советскими республиками. В частности, Чичерин исходил из того, что отношения между РСФСР и Украиной должны принять форму «конфедеративного союза», а не «федеративного государства» [4, с. 30-31]. По его инициативе 28 декабря 1920 г. между РСФСР и Украинской ССР заключён Союзный рабоче-крестьянский договор, в котором «признавалась независимость каждой из сторон» [10, с. 166-168].

Советские авторы тех лет затруднялись даже точно охарактеризовать складывающуюся политическую ситуацию. Так, Н.И. Палиенко в работе «Конфедерации, федерации и Союз Советских Социалистических Республик» (1923 г.) характеризовал СССР как «своеобразную конфедеративную структуру» [9, с. 157-159].

Таким образом, речь Молотова, произнесённая им 27 января 1944 г., открыла возможность для возрождения политического контекста начала 1920-х годов. Положения Закона от 1 февраля 1944 г. были радостно встречены в союзных республиках. Так, в апреле 1944 г., председатель Совета Министров Казахской ССР Нуртас Ундасынов назвал «чрезвычайно важным событием в истории казахского народа» вступление Казахской ССР на международную арену [3, с. 55].

Вместе с тем, нельзя сказать, что после реформы 1944 г. союзные республики получили полный карт-бланш на реализацию своих внешнеполитических инициатив. На практике всё продолжало оставаться как прежде, и ни один важный внешнеполитический шаг не мог быть сделан, не иначе, как по сигналу из Москвы. В то же время советское руководство стало уделять больше внимания формальному участию республик в деятельности органов внешней политики. На ключевые посты в советских дипломатических ведомствах чаще стали назначаться представители от республик.

Примечательно, что в условиях «холодной войны» западные аналитики, дипломаты и общественные не раз заявляли о своём желании устанавливать прямые дипломатические контакты с Украинской и Белорусской ССР. В частности, западный политолог и правовед Богдан-Гадей Галайчук, эмигрировавший в своё время из Украины и поселившийся в Аргентине, настаивал на признании Украинской ССР как субъекта международного права, как на единственно возможном способе сделать её свободной и независимой [2, с. 32-33]. В то же время американский дипломат Мэттью Харрисон, директор управления по европейским делам Госдепартамента США отмечал, что «международное признание Украины как самостоятельной политической единицы приведёт к усложнению американских отношений с Советским Союзом и даст советскому правительству манёвры для продвижения своих собственных интересов на международной арене» [12, с. 84].

Следует всё же признать, что Украинской и Белорусской ССР удалось извлечь выгоды от членства в ООН путём присоединения к целому ряду международных конвенций и договоров. В частности, по инициативе белорусской делегации была принята резолюция о выдаче и

наказании военных преступников на 1-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Белорусская ССР подписала мирные договоры с Болгарией, Венгрией, Италией, Румынией и Финляндией.

Украинская ССР подписала международные договоры с Международной Организацией Труда (МОТ), стала участником Конвенции о режиме судоходства на Дунае 1948 г., Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. и некоторых других многосторонних договоров, касающихся здравоохранения, культуры и образования.

Хотелось бы также отметить, что Украинская и Белорусская ССР представляли советские республики на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 г., где активно выступали за национальное самоопределение народов и принятие Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Другие советские союзные республики, не получившие членство в ООН, были в значительно большей степени ограничены в возможности выразить свою международную позицию. Тем не менее, с приходом Никиты Хрущёва и переориентацией советского внешнеполитического курса на более активное взаимодействие со странами «третьего мира» для республик Средней Азии и Закавказья открылись новые перспективы. После реформы 1944 г. в общесоюзные делегации стали чаще включаться представители союзных республик. Так, в состав делегации от СССР, принимавшей участие в Сингапурской конференции по развитию торговли для стран Дальнего Востока и Азии в октябре 1951 г. вошёл министр иностранных дел Узбекской ССР.

Вместе с тем одного факта присутствия представителей республик в составе советских делегаций недостаточно для того, чтобы говорить о наличии международной правосубъектности у них. Договорная правоспособность республик блокировалась действовавшим общесоюзным законодательством (ст. 14 Конституции СССР 1936 г. и ст. 73 Конституции СССР 1977 г.), так как относилась к предметам исключительного ведения Союза.

Участие союзных республик в международных ярмарках и экспорте также не может рассматриваться как доказательство их международной правосубъектности, поскольку даже провинции унитарных государств осуществляют аналогичную деятельность. То же самое можно сказать и о международных научных и культурных контактах союзных республик, которые не могут служить доказательством их международной правосубъектности.

Ситуация изменилась только в последние годы существования СССР, когда степень международной правосубъектности союзных республик резко возросла на фоне возросших центробежных тенденций в Советском Союзе. К концу 1980-х гг. перестроечные преобразования советского общества зашли в тупик. Быстро нарастал скептицизм советского народа в отношении самой возможности улучшения социализма и целесообразности дальнейшего движения по пути строительства «светлого будущего». В стране резко упала рождаемость. Техногенные катастрофы – Чернобыль, гибель подводной лодки «Комсомолец» – усиливали разочарование в способности руководства справиться с кризисными явлениями в экономической, политической, идеологической и культурной сферах жизни советского общества.

Угроза экономического краха, политическое банкротство руководства КПСС, несостоятельность административно-командных методов управления, ослабление цензуры и стремление к большей политической открытости привели к пробуждению националистических и антироссийских настроений в советских республиках. Всё громче раздаются открытая критика и призывы к большей независимости от власти Москвы. В результате к концу 1990 г. сложилась критическая ситуация, когда руководство страны и лично Михаил Горбачёв испытывали давление 15 сепаратистки настроенных республик.

В ноябре 1988 года о своём суверенитете объявляет Эстония. В мае 1989 г. за ней последовала Литва, а в июле – Латвия. В декабре 1989 г. о своей независимости от КПСС заявила Коммунистическая партия Литвы. Это привело Советский Союз и республики к открытой конфронтации и создало прецедент для других республик. Даже Татарстан в августе 1990 г.

объявил себя суверенным государством и субъектом международного права. Националистические настроения, которые также наблюдались в Грузии, Украине, Армении и Азербайджане, буквально преследовали последние годы существования Советского Союза.

С подписанием Соглашения о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) 8 декабря 1991 г., СССР прекратил своё существование как «субъект международного права и геополитическая реальность» [8]. В последующие годы, в целях институционализации отношений внутри СНГ, Российская Федерация инициировала ряд соглашений с бывшими советскими республиками. Однако большая часть этих договоренностей так не была выполнена и постепенно республики СНГ стали отдаляться от России, которая в то время пыталась стабилизировать свою разрушенную экономику и наладить связи с Западом.

Библиографические ссылки

1. Выступление В.М. Молотова на Пленуме ЦК ВКП (б), 27 января 1944 г., Российский государственный архив общественно-политических организаций (РГАСПИ г. Москва), Ф. 82. Оп. 2. Д. 48.
2. Галайчук Б. Нація поневолена, але державна: Українська визвольна справа з міжнародно-правового пункту бачення. Мюнхен : Сучасна Україна, 1953.
3. Дипломатия Казахстана: страницы истории / Ильяс Козыбаев; М-во образования и науки Респ. Казахстан. Алмат. гос. ун-т им. Абая. Алматы : Өркениет, 2001.
4. Записки Г.В.Чичерина от 6 декабря 1920 г., Российский государственный архив общественно-политических организаций (РГАСПИ г. Москва), Ф. 82, Оп. 2, Д. 8.
5. Конституция СССР 1936 года, принятая на Чрезвычайном VIII съезде Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. 6 декабря 1936 года. № 283.
6. Протокол заседания Политической комиссии Московской русско-турецкой конференции (16 марта 1921 г.), РГАСПИ, Ф. 298, Оп. 1, Д. 106.
7. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г / под ред. Л.И. Мандельштам. Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 29.
8. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 19.12.1991. № 51. ст. 1798.
9. Советская историко-правовая наука. Очерки становления и развития / А.М. Давидович [и др.]; редкол.: Д.А. Гайдуков, В.М. Курицын (отв. ред.), С.Л. Ронин. М. : Наука, 1978.
10. Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР от 28 декабря 1920 г. // Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов. М., 1972.
11. Сталин И.В. Заключительное слово на IV совещании ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей 12 июня 1923 г. // Четвёртое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей. Стенографический отчет. М., 1923.
12. Memo by H.F. Matthews to Dean Acheson, 23 June 1947, in Theofil I. Kis, Nationhood, Statehood and the International Status of the Ukrainian SSR/Ukraine. Ottawa: University of Ottawa Press, 1989.

References

1. Vystupleniye V.M. Molotova na Plenumе TSK VKP (b), (Speech by V.M. Molotov at the Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks) 27 yanvary 1944 g., Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv obshchestvenno-politicheskikh organizatsiy (RGASPI), F. 82. Op. 2. D. 48.

2. Galaychuk B. Natsiya ponevolena, ale depzhavna: Ukraïns'ka vizvol'na sppava z mizhnapodno-ppravovogo punktu bachennya (The Nation of the Ravaged, but the State: The Ukrainian Liberation Dispute from the International Law Point of View). Munich, Suchasna Ukraïna, 1953.
3. Diplomatiya Kazakhstana: stranitsy istorii (Diplomacy of Kazakhstan: pages of history), Il'ias Kozybayev; M-vo obrazovaniya i nauki Resp. Kazakhstan. Almat. gos. un-t im. Abaya. Almaty, Őrkeniyet, 2001.
4. Zapiski G.V.Chicherina ot 6 dekabrya 1920 g., (Notes by G.V. Chicherin dated December 6, 1920) Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv obshchestvenno-politicheskikh organizatsiy (RGASPI in Moscow), F. 82, Op. 2, D. 8.
5. Konstitutsiya SSSR 1936 goda, prinyataya na Chrezvychaynom VIII s"yezde Sovetov Soyuzo SSR 5 de-kabrya 1936 g. (The USSR Constitution of 1936, adopted at the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR on December 5, 1936). *Izvestiya TSIK SSSR i VTSIK Sovetov rabochikh, krest'yanskikh, krasnoarmeyskikh i kazach'ikh deputatov*. 6 dekabrya 1936 goda. № 283.
6. Protokol zasedaniya Politicheskoy komissii Moskovskoy russko-turetskoy konferentsii (Minutes of the meeting of the Political Commission of the Moscow Russian-Turkish Conference) (16 marta 1921 g.), RGASPI, F. 298, Op. 1, D. 106.
7. Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – iyul' 1956 g (Collection of USSR laws and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 – July 1956), pod red. L.I. Mandel'shtam. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1956, p. 29.
8. Soglasheniye o sozdanií Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv (Agreement on the establishment of the Commonwealth of Independent States). *Vedomosti SND i VS RSFSR*. 19.12.1991. № 51. st. 1798.
9. Sovetskaya istoriko-pravovaya nauka. Ocherki stanovleniya i razvitiya (Soviet historical and legal science. Essays on the formation and development), A.M. Davidovich i dr.; redkol.: D.A. Gaydukov, V.M. Kuritsyn (otv. red.), S.L. Ronin. Moscow, Nauka, 1978.
10. Soyuznyy raboche-krest'yanskiy dogovor mezhdú RSFSR i USSR ot 28 dekabrya 1920 g. (Union Worker-Peasant Agreement between the RSFSR and the Ukrainian SSR of December 28, 1920). *Obrazovaniye Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik*. Sbornik dokumentov. Moscow, 1972.
11. Stalin I.V. Zaklyuchitel'noye slovo na IV soveshchanií TSK RKP (b) s otvetstvennymi rabotnikami natsional'nykh respublik i oblastey 12 iyunya 1923 g. (Closing remarks at the IV meeting of the Central Committee of the RCP (B.) With senior officials of the national republics and regions June 12, 1923). *Chetvortoye soveshchaniye TSK RKP s otvetstvennymi rabotnikami natsional'nykh respublik i oblastey*. *Stenograficheskiy otchet*. Moscow, 1923.
12. Memo by H.F. Matthews to Dean Acheson, 23 June 1947, in Theofil I. Kis, Nationhood, Statehood and the International Status of the Ukrainian SSR/Ukraine. Ottawa, University of Ottawa Press, 1989.

Дата поступления: 11.10.2019

Received: 11.10.2019

УДК 340.12

СТАТУТ В АНГЛИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ
ДОКТРИНЕ ОБЩЕГО ПРАВА

САХАУТДИНОВ Динар Фанилевич

*соискатель кафедры теории государства и права ФГБОУ «Уральский государственный юридический университет», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: Sakhautdinov_df@mail.ru*STATUTE IN THE ENGLISH LEGAL
DOCTRINE OF COMMON LAW

SAHAUTDINOV Dinar Fanilevich

Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: Sakhautdinov_df@mail.ru

Целью настоящей статьи является выяснение места и роли статута в английской правовой доктрине и юридической практике. Автор использует метод исследования научных концепций, метод толкования судебных прецедентов, позволяющих понять статут как особый юридический феномен. В статье отмечается три особенности статутов: 1) он принимается в судебной процедуре; 2) статут регулирует широкие сферы общественных отношений, но в то же время, регулирует конкретные правовые ситуации; 3) статут обладает стабильностью содержащихся в нем нормативных положений. Автор высказывает гипотезу, согласно которой локальные акты как статуты носят производный (от вышестоящих статутов) характер. Это, в свою очередь, позволяет сформулировать тезис о субординационном характере статутов английского права.

Ключевые слова: статут, доктрина, судебный прецедент, английское право, локальный нормативный акт.

The purpose of this paper is to clarify the place and role of the statute in English legal doctrine and legal practice. The author uses the method of researching scientific concepts, the method of interpretation of judicial precedents, allowing to understand the statute as a special legal phenomenon. The paper notes three features of the statutes: 1) it is adopted in judicial procedure; 2) the statute regulates wide spheres of public relations, but at the same time, it regulates specific legal situations; 3) the statute is stable in its regulatory provisions. The author hypothesizes that local acts as statutes are derived (from higher statutes) in nature. This, in turn, allows us to formulate a thesis on the subordinate nature of the statutes of English law.

Key words: statute, doctrine, judicial precedent, English law, local regulatory act.

Введение. Проблема познания доктрины общего права в англосаксонской правовой доктрине носит актуальный характер, поскольку в отечественной юриспруденции к этому вопросу исследователи обращаются не часто. Деловые и культурные связи, существующие между Россией и Великобританией, в конечном счете, требуют взаимного понимания специфики правового регулирования, что обуславливает обращение к анализу правовой системы общего права и выяснению роли и места статута в его соотношении с прецедентами.

В специальной англоязычной литературе по интересующей нас проблеме заслуживают внимания работы Л.М. Фридмана [1], Д.Д. Ибетсона [2], А. Моррисона [3], М.А. Эйсенберга [4], в которых сформирована общая концепция общего права и дается его трактовка как правовой системы, которая стала естественной реакцией английского государства на развитие английского общества. Однако их подходы, а равно и других представителей английской юриспруденции нуждаются в уточнении и конструктивной критике. В российском правоведении изучению основных характеристик общего права посвятили свои работы отечественные ком-

паративисты, такие, например, как И.Ю. Богдановская [5], М.Н. Марченко [6], А.М. Михайлов [7] и ряд других авторов [8]. Думается, объединение познавательных усилий ученых разных стран способно дать объективную картину специфики общего права.

Методы. Доктринальные основы статута в англосаксонской правовой традиции, на наш взгляд, целесообразно рассматривать с помощью метода научных спекуляций в двух аспектах: как систему собственно научных, теоретических исследований, предметом которых выступает сущность статута и как систему абстрактных правовых позиций, выраженных в прецедентных решениях англосаксонских судов, и отражающих мнения судебных инстанций относительно сущности статута как правового явления. По этой же причине *англосаксонскую правовую доктрину мы будем трактовать как системное явление, формируемое как в рамках собственно научных исследований, так и в прецедентных правовых позициях судов* (здесь и далее курсив мой. – Д.С.).

Как свидетельствует прецедентная практика англосаксонских судов, суды Англии понимают статут как нормативно-правовой акт, принятый в установленном порядке органом публичной власти (парламентом, правительством, иным органом исполнительной власти, муниципалитетом) и содержащий общеобязательные правила поведения. Однако такая характеристика статута, безусловно, не является исчерпывающей.

Метод доктринальной интерпретации статута в англосаксонской правовой традиции предполагает анализ научных дефиниций и понятий. По справедливому мнению А.М. Васильева, правовые понятия представляют собой «познавательный образ правовых явлений и процессов» [9, с. 88], в этом контексте методологическое значение юридических понятий заключается в том, чтобы «дать ответы на вопросы, что такое право, кто, когда, как, в чьих интересах его использует» [9, с. 88].

Результаты. Определяя понятие статута как познавательный образ соответствующего правового явления, можно прийти к заключению, что в статут – явление богатое по своим проявлениям и может быть проведена надежная его классификация. В этом отношении статуты могут быть классифицированы по нескольким основаниям. Как отмечает М. Govindarajan, статуты могут быть классифицированы по трем фундаментальным основаниям:

- а) по сроку действия;
- б) по специфике действия;
- с) по целям действия [10].

Иную классификацию статутов предложил классик английского правоведения J. Bentham. По его мнению, все статуты могут быть разделены на следующие виды:

- а) по сфере действия;
- б) по времени действия;
- с) по субъекту принятия и юридической силе [11, 141].

В целом можно отметить, что вопрос о классификации статутов в англосаксонской правовой традиции не является однозначно решенным, поскольку правовые системы конкретных государств, входящих в англо-саксонскую правовую семью, характеризуются существенным различием. Так, например, деление статутов на федеральные и региональные характерно для тех государств, в которых сформировалась соответствующая форма государственного устройства (напр., Соединенные Штаты Америки, Индийский Союз), но в то же время не свойственно, к примеру, Англии и Ирландии [12, с. 6].

С учетом изложенного, допустимо утверждать, что вариативность классификаций статутов не свидетельствует об отсутствии представлений о сущности статута. Фундаментальным сущностным признаком статута является выражение в нем юридических норм; в этом смысле статут в англосаксонской правовой традиции – *это нормативный правовой акт*. Такая установка, следуя терминологии венгерского философа и методолога науки И. Лакато-

са, – это своего рода «твердое ядро» теоретической концепции статута. Различия в понимании статута касаются в заданном контексте лишь отдельных его особенностей (например, субъектов статутного правотворчества), которые в то же время объединяются общим культурно-когнитивным концептом, а именно – нормативно-правовым характером статута.

Можно, однако, возразить, что такой подход весьма абстрактен. Так, известно, что нормативно-правовыми актами в англосаксонской правовой традиции выступают также прецедентные судебные решения (как правило, это решения высших судебных инстанций) [13, 58]. Означает ли это, что судебный прецедент при данной концептуализации тоже может быть признан статутом? Очевидно, что это не так.

Здесь важно подчеркнуть, что еще одной фундаментальной характеристикой статута, отличающей его от судебного прецедента как источника права, является *распространенность его норм на широкий спектр общественных отношений*. В то же время в предметно-регулятивном поле прецедента находится лишь строго определенный тип общественных отношений или, как выразился С.С. Алексеев, определенная правовая ситуация как сложное жизненное обстоятельство, требующее правового решения [14, 25-26].

Очень точно такое отличие было выражено в решении Апелляционного суда 9-го округа США по делу *United States Internal Revenue Serv. v. Osborne (In re Osborne)* [15, 58]. Как отмечается в данном судебном акте, «принцип *stare decisis* имеет значение только в рамках конкретного дела, то есть комплекса строго определенных фактических и правовых обстоятельств; за их рамками прецедент не имеет никаких правовых свойств». Для наглядной иллюстрации такого отличия прецедента от статута обратимся к примеру из английской судебной практики.

Так, в 1954 г. в Англии был принят закон (парламентский статут) о землевладельцах и арендаторах земли (*Landlord and Tenant Act 1954*) [16]. Данный закон закреплял норму о том, что арендатор вправе по соглашению с арендодателем осуществить перестройку арендуемого помещения; при этом каких-либо отдельных особенностей относительно перестройки той или иной части помещения данный статут не регламентировал. В том же году г-н Фишер заключил с коммерческой организацией договор аренды, предметом которого выступало нежилое помещение. Впоследствии г-н Фишер обратился к арендодателю с просьбой о перезаключении договора, поскольку для целей использования помещения в коммерческих целях ему требовалось осуществить его перестройку, а условие о ее допустимости отсутствовало в договоре. Арендодатель отказал арендатору в этом. Впоследствии арендатор обратился в суд с требованием о понуждении арендодателя к перезаключению договора, ссылаясь на то, что парламентский статут о землевладельцах и арендаторах земли позволяет арендатору осуществлять перестройку арендуемого помещения. Суд первой инстанции, рассматривая данное дело, отказал в удовлетворении исковых требований, мотивируя свою позицию тем, что, поскольку закон не содержит каких-либо требований относительно характера возможной перестройки арендуемого помещения, их установление отнесено к ведению частных лиц, которые действуют на основании принципов автономии воли и свободы договора. Однако иную позицию по делу занял Суд Королевской Скамьи. Постановляя новое решение, суд отметил, что в контексте положений статута, на который ссылались стороны, общее правило касается самой возможности реконструкции арендуемого помещения; при этом конкретные аспекты такой реконструкции, как подчеркнул суд, «могут быть урегулированы соглашением сторон; если же такового нет, или если стороны не могут прийти к согласию, то такие вопросы должен регулировать судебный прецедент, поскольку он, в отличие от статута, регламентирует конкретные стороны социальных отношений в тех случаях, когда их не затрагивает общее положение статута» [17]. Таким образом, проанализированный судебный акт позволяет сделать вывод о том, что статут и судебный прецедент различаются также по сфере регулятивного охвата: статут регулирует большие однородные группы общественных отношений, в то время как прецедент, как правило, одно или несколько общественных отношений.

Еще одно существенное различие между статутом и судебным прецедентом как нормативно-правовыми актами состоит в *процедуре их принятия*. Прецедент в заданном контексте оформляется в процессуально-правовой плоскости, т.е. в рамках процессуальных отношений между судом и сторонами спора. Статут, в отличие от прецедента, принимается несудебным органом публичной власти. В заданном контексте проявляется также третий критерий различия статута и судебного прецедента; его суть состоит в том, что статут – это более стабильный нормативно-правовой регулятор, чем судебный прецедент. Представляется, что данный тезис нуждается в определенном пояснении.

Известно, что основной принцип прецедента – *stare decisis* – заключается не только в том, что решение вышестоящего суда является обязательным для нижестоящего, но также и в том, что правовые позиции судов должны быть стабильными [18, с. 249, 251]. Однако если относительно обязательности решения вышестоящего суда для нижестоящего англосаксонские исследователи и судебные учреждения не высказывают каких-либо сомнений, то применительно к вопросу о стабильности (неизменности) судебных прецедентов единогласная позиция отсутствует. Верховный Суд США в известном деле *Planned Parenthood v. Casey* [19] указал в связи с этим следующее: «Зачастую потребности современной жизни вынуждают нас по-иному взглянуть на привычные вещи. То же касается и судебного прецедента. Если бы мы неукоснительно следовали тем правовым позициям, которые постановляли в своих решениях наши предшественники, то мы, очевидно, не слишком далеко продвинулись бы в правовом развитии нашего общества». Тем самым высшая судебная инстанция США *de-facto* признала допустимым изменение правовых позиций судов (в том числе и самого Верховного Суда США). По свидетельству С.К. Загайновой, такая ситуация в принципе не является для англосаксонского права экстраординарной: так, зачастую изменение прецедентных правовых позиций диктуется спецификой судебной системы, в частности, той ситуацией, когда суды одного и того же звена, располагающиеся в различных территориях государства, постановляют диаметрально противоположные решения по схожим делам [15, с. 34-35]. Разумеется, статут также может быть изменен или дополнен, однако процедура такого изменения и дополнения значительно сложнее, чем процедура изменения правовой позиции судебного органа. В этом смысле как правовой регулятор статут более стабилен, чем судебный прецедент.

Из вышеприведенного сравнительно-правового анализа следуют, по крайней мере, *три особенности статута* как источника права в англосаксонской правовой традиции.

а) Статут принимается в установленной процедуре (процедуре статутного нормотворчества) уполномоченным органом публичной власти, не относящимся к числу судебных учреждений (к примеру, парламентом, муниципалитетом и т.п.).

б) Статут регулирует широкие сферы общественных отношений, в то время как в предметно-регулятивном поле прецедента находятся по преимуществу «правовые ситуации» [20, 71-73].

в) Статут характеризуется стабильностью содержащихся в нем нормативных положений; такая стабильность обеспечивается в первую очередь сложной (по сравнению с прецедентом) процедурой изменения и дополнения статута.

д) Статут фиксирует в своем содержании совокупность правовых норм, в то время как прецедентным решением устанавливается, как правило, лишь одна правовая норма, объем предметного регулирования которой во многом обусловлен инстанционным положением суда, вынесшего решения.

Данная характеристика статута, тем не менее, не разрешает в полной мере вопрос о его сущности. С приведенной позиции к числу статутов можно отнести как акты парламента, так и акты подзаконного характера (акты министерств и ведомств). Однако в заданном контексте дискуссионным является вопрос об отнесении к числу статутов, так называемых, актов деле-

гированного законодательства (*delegated legislation*), к числу которых, в частности, относятся муниципальные и корпоративные правовые акты (*municipal and organizational by-laws*).

Следует отметить, что содержание самого правового понятия, обозначаемое термином *by-law* в англо-саксонской правовой традиции, не является строго определенным; в англо-саксонских правовых порядках усматриваются вариативные подходы к его определению применительно к категории статута в законодательстве, правовой доктрине и судебной практике. В то же время, как правило, термином *by-law* обозначается совокупность правовых актов, издаваемых в пределах своей компетенции так называемыми «сообществами» (*communities*), к которым традиционно относят муниципалитеты, корпоративные объединения (юридические лица) и их отдельный вид, не являющийся юридическим лицом *per se* – «соседские сообщества» (*neighborhood associations*) [21, 386-387]. При этом, поскольку в русском языке в целом (и в русском юридическом дискурсе в частности) отсутствует термин, позволяющий наиболее точно передать значение английского термина *by-law*, наша трактовка термина *by-law* – «локальный акт», учитывая в то же время, что для целей нашего исследования понятия «локальный акт» и «локальный нормативный акт», утвердившееся в доктрине трудового права, не являются полностью совпадающими ни по содержанию, ни по объему.

Итак, как было отмечено ранее, понятие *by-law* (локальный акт), в англо-саксонских правовых порядках не является однозначно определенным.

В качестве примера обратимся к законодательству Австралийского Союза. Так, согласно статье 3 Закона австралийского штата Новый Южный Уэльс «О делегированном законодательстве» (*Subordinate Legislation Act 1989**) [22] характером статута обладают акты муниципальных органов власти и муниципалитетов в целом (в том числе и референдумные акты), но лишь в тех случаях, если это прямо предусмотрено законодательством штата. В другом законе указанного штата при этом отмечается, что статутный характер присущ только тем муниципальным актам, которые регулируют эколого-правовые аспекты муниципальной деятельности [23].

Особенность статутной системы общего права обусловлена властным велением вышестоящего субъекта статутного нормотворчества (парламента, правительства, государственных органов исполнительной власти, законодательных и исполнительных органов власти субъекта федерации). Тем самым локальные акты как статуты носят производный (от вышестоящих статутов) характер. Это, в свою очередь, позволяет сформулировать тезис о субординационном характере статутов, основанном на их вертикальной иерархии, при которой статутный характер нижестоящего правового акта опосредуется содержанием вышестоящего.

Заключение. Доктринальные интерпретации сущности статута в англосаксонской правовой традиции характеризуются вариативностью теоретико-методологических подходов. В то же время обращение к актуальным данным англосаксонской правовой доктрины, выраженной как в научных исследованиях, так и в прецедентных правовых позициях, позволяет сформулировать следующие выводы:

1) В англосаксонской правовой доктрине в настоящее время утвердились два подхода к пониманию сущности статута – широкий и узкий. Согласно широкому подходу, статутами является вся система писаных форм права, которым присущи определенные признаки – нормативность, общеобязательность, нацеленность на неоднократное применение в практике отдельных социальных групп (от общества в целом до участников корпоративного объединения). Такой подход позволяет относить к числу статутов не только конституционные акты, акты парламента и представительных органов субъектов федерации, но и акты делегированного законодательства, локальные акты, нормативные договоры. В силу узкой трактовки статутами признаются только парламентские акты, а сущностно статут отождествляется с законом в континентальной правовой традиции.

2) Исходя из теоретико-прикладных контекстов понимания статута ключевым критерием классификации статутов (признаваемым не только научным сообществом, но и судебной практикой) признается критерий происхождения (*the origin criteria*). В соответствии с данным критерием все статуты подразделяются на первичные (то есть обладающими статутным характером *per se*, вне зависимости от каких-либо факторов) и производные (то есть статуты, имеющие соответствующие свойства только в силу правила, сформулированного вышестоящим статутом). К числу первых относятся статуты общегосударственного характера (высшие учредительные (конституционные) акты, акты парламента), к числу вторых – акты делегированного законодательства, локальные акты и нормативные договоры.

3) Обоснование критерия происхождения в рамках классификации статутов позволяет выдвинуть тезис о системном характере статутного права в целом, который выражается в первую очередь в наличии между статутами различных уровней иерархических связей, которые проявляются в следующем:

- вышестоящим статутом может определяться статутный характер издаваемых в соответствии с ним правовых актов;

- отмена статута (в том числе по причине его несоответствия вышестоящему статуту) влечет автоматически утрату силу всеми изданными во исполнение его нижестоящими статутами.

4) Статуты как социальные нормативные регуляторы могут быть классифицированы также по ряду других оснований: по сфере действия (общегосударственные, региональные, местные, локальные), по характеру регулирования (дозволяющие, запрещающие, обязывающие), по времени действия (постоянные, временные) и т.п.

5) В совокупности вся система англосаксонских статутов образует подсистему статутного права, которое не является отдельной отраслью права по существу и существует параллельно с традиционным для англосаксонских государств прецедентным правом.

Примечание

* Subordinate Legislation Act 1989 // NSW Government Gazzete. 1990. No. 1.

Библиографические ссылки

1. Friedman L.M. A History of American Law. 3rd ed. New York : Simon and Schuster, 2005.
2. Ibbetson D. J. Common Law and Ius Commune. Selden Society, 2001.
3. Morrison A.V. Fundamentals of American Law. New York : Oxford University Press, 1996.
4. Eisenberg M. A. The nature of the common law / Melvin Aron Eisenberg. Cambridge (Mass.); London : Harvarduniv. press, 1988.
5. Богдановская И.Ю. Закон в английском праве. М., 1994
6. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. М., 2011.
7. Михайлов А.М. Очерки теории и истории английского права : монография / Ин-т государства и права Российской акад. наук. М. : Юрлитинформ, 2015.
8. Архипов С.И., Пучков О.А., Черданцев А.Ф. и др. Правовые системы стран мира. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1995.
9. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юридическая литература, 1976.
10. Govindarajan M. Classification of Statues [Электронный ресурс]. URL: https://www.taxmanagementindia.com/visitor/detail_article.asp?ArticleID=6344 (дата обращения: 16.11.2018).
11. Bentham J. A Fragment on Government; Or, A Comment on the Commentaries: Being an Examination of What is Delivered on the Subject of Government in General, in the Introduction to Sir

William Blackstone's Commentaries: With a Preface, in Which is Given a Critique on the Work at Large. Second Edition, Enlarger. London: W. Pickering, Linkoln's-Inn Fields; E. Wilson, Royal Exchange, 1823. P. 141.

12. Clegg M., Ellena K., Ennis D., Vickery Ch. The Hierarchy of Laws: Understanding and Implementing the Legal Frameworks that Govern Elections. – Arlington: International Foundation for Electoral Systems, 2016.

13. Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М. : НОРМА, 2002.

14. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М. : Статут, 2000.

15. Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М. : Издательство НОРМА, 2002.

16. Landlord and Tenant Act 1954.

17. Fisher v. Taylors Furnishing Stores [1956] 2 QB 78.

18. Landes W., Posner R. Legal Precedent: A Theoretical and Empirical Analysis // Journal of Law and Economics. 1976, Vol. 19. P. 249-251.

19. Planned Parenthood v. Casey, 505 U.S. 833 (1992).

20. Пучков В.О. Судебные решения в механизме рассмотрения международных коммерческих споров судами России и США: актуальные проблемы // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 4. С. 71-73.

21. Ott J.S., Dicke L.A. The Nature of the Nonprofit Sector. – Boulder: Westview Press, 2011. P. 386-387.

22. Subordinate Legislation Act 1989 // NSW Government Gazzete. 1990. No. 1.

23. Environmental Planning and Assessment Act 1979 // NSW Government Gazzete. 1979. No. 91.

References

1. Friedman, Lawrence Meir (2005). A History of American Law (3rd ed.), New York, Simon and Schuster.

2. Ibbetson, David John (2001). Common Law and Ius Commune. Selden Society.

3. Morrison, Alan B. (1996). Fundamentals of American Law. New York: Oxford University Press.

4. Eisenberg, Melvin Aron. The nature of the common law, Melvin Aron Eisenberg, Cambridge (Mass.), London, Harvard univ. press, 1988.

5. Bogdanovskaya I. Yu. Zakon v anglijskom prave (The statute in English law), Moscow, 1994

6. Marchenko M.N. Sravnitel'noe pravovedenie (Comparative Law). Moscow, 2011.

7. Mikhajlov A.M. Oчерки теории i istorii anglijskogo prava (Essays on the Theory and History of English Law), monografiya, In-t gosudarstva i prava Rossijskoj akad. nauk, Moscow, Yurlitinform, 2015.

8. Arkhipov S.I., Puchkov O.A., Cherdancev A.F. i dr. Pravovy`e sistemy stran mira (Legal systems of the countries of the world), Ekaterinburg, Izd-vo UrGYuA, 1995.

9. Vasil'ev A.M. Pravovye kategorii: metodologicheskie aspekty` razrabotki sistemy` kategorij teorii prava (Legal categories: methodological aspects of developing a system of categories of theory of law), Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1976.

10. Govindarajan M. Classification of Statues, URL: https://www.taxmanagementindia.com/visitor/detail_article.asp?ArticleID=6344 (accessed date: 16.11.2018).

11. Bentham J. A Fragment on Government; Or, A Comment on the Commentaries: Being an Examination of What is Delivered on the Subject of Government in General, in the Introduction to Sir William Blackstone's Commentaries: With a Preface, in Which is Given a Critique on the Work at Large. Second Edition, Enlarger. London: W. Pickering, Linkoln's-Inn Fields; E. Wilson, Royal Exchange, 1823.

12. Clegg M., Ellena K., Ennis D., Vickery Ch. *The Hierarchy of Laws: Understanding and Implementing the Legal Frameworks that Govern Elections*. – Arlington: International Foundation for Electoral Systems, 2016.
13. Zagajnova S.K. *Sudebny`j precedent: problemy` pravoprimereniya* (Judicial precedent: enforcement issues). Moscow, NORMA, 2002.
14. Alekseev S.S. *Pravo na poroge novogo ty`syacheletiya: Nekotory`e tendenczii mirovogo pravovogo razvitiya – nadezhdai drama sovremennoj e`pokhi* (Law on the threshold of the new millennium: Some trends in global legal development are the hope and drama of the modern era). Moscow, Statut, 2000, pp. 25-26.
15. Zagajnova S.K. *Sudebny`j precedent: problemy` pravoprimereniya* (Judicial Precedent: Enforcement Issues). Moscow, Izdatel`stvo NORMA, 2002.
16. Landlord and Tenant Act 1954.
17. Fisher v. Taylors Furnishing Stores [1956] 2 QB 78.
18. Landes W., Posner R. *Legal Precedent: A Theoretical and Empirical Analysis*, *Journal of Law and Economics*, 1976, Vol. 19, pp. 249-251.
19. *Planned Parenthood v. Casey*, 505 U.S. 833 (1992).
20. Puchkov V.O. *Sudebny`e resheniya v mekhanizme rassmotreniya mezhdunarodny`kh kommercheskikh sporov sudami Rossii i SShA: aktual`ny`e problem* (Judicial decisions in the mechanism of settling international commercial disputes by the courts of Russia and the USA: actual problems), *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*, 2017, No. 4, pp. 71-73.
21. Ott J.S., Dicke L.A. *The Nature of the Nonprofit Sector*. – Boulder: Westview Press, 2011, pp. 386-387.
22. *Subordinate Legislation Act 1989*, NSW Government Gazzete. 1990. No. 1.
23. *Environmental Planning and Assessment Act 1979*, NSW Government Gazzete. 1979. No. 91.

Дата поступления: 11.10.2019

Received: 11.10.2019

**Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.

Основные задачи журнала:

- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

**ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА
«Правовое государство: теория и практика»
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ**

- Статьи предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте E-mail: niipgg@mail.ru) или на бумажном носителе с приложением электронного варианта на диске 3,5” в формате *.rtf или *.doc текстового редактора Word электронной версии.
- Объем публикации – до 0,5 п.л. (20 000 знаков, включая пробелы). В случае предоставления материала, большего по объему, что предусмотрено Порядком предоставления работ для журнала, редакция оставляет за собой право возврата материала автору для сокращения.
- Шрифт основного текста работы – 11, шрифт Times New Roman через 1,0 интервала, поля со всех сторон 20 мм. Формат документа: MS WORD (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (Иванов И.И.).
- На первой странице указывается ФИО автора, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна и e-mail. Название статьи печатается заглавными буквами. Далее идет аннотация не менее 100 и не более 250 слов. Редакция обращает внимание авторов на то, что общий объем предоставляемого материала, включая (Ф.И.О., ученая степень, звание, место работы, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографические ссылки оформляются на русском и английском языках) не должен превышать 0,5 п.л. (около 20 000 знаков с пробелами). Рукопись подписывается автором на последней странице.
- Внутритекстовые текстовые сноски оформляются в самом тексте посредством квадратных скобок: [3, с. 145]. Библиографические ссылки следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008 (без тире). Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала.
- Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть сделаны в текстовом редакторе Word и дополнительно сохранены в отдельном файле. Фотографии и рисунки прилагаются отдельными файлами в формате TIFF или JPEG.
- Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
- Предоставляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует отсутствие плагиата и других форм неправомерного использования в статье информации.
- В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал возвращается автору на доработку, и рукописи подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О произведенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме.
- К статье прилагается фото в формате JPG (книжная ориентация с указанием Ф.И.О.) для размещения на сайте журнала. Также следует указать почтовый адрес, номер контактного телефона, они необходимы для связи сотрудников редакции с авторами и в журнале не публикуются.
- Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами.
- Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г. «Роскомнадзор»
Тел.: (347) 228-83-51, E-mail: niippg@mail.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>

Адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, 131, каб. 319.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы»
(Роспечать): 81192

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса. Редакция уважает мнение авторов опубликованных статей, но при этом их мнение не всегда совпадает с мнением редакции.

© Уфа: РИО НИИППГ, 2019

Подписан в печать 15.12.2019 г. Вышел в свет 20.12.2019 г.
Бумага писчая. Формат 60x84/8. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 20.62 Уч. изд. л. 23,01. Тираж 500. Заказ 48.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе Института права
Башкирского государственного университета
450005, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, к. 105.